

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Фундаментальность процессов, происходящих в современной хозяйственной жизни, как в нашей стране, так и в мировом масштабе, заставляет вновь и вновь возвращаться к рассмотрению глубинных проблем экономической науки, лежащих на стыке с философией. В первую очередь это относится к проблеме человека как субъекта хозяйственной жизни общества и объекта теоретических исследований экономистов. По-видимому, человек в экономике - вечная проблема для экономической науки, вызов живого бытия рациональному мышлению. Наука никогда не уходила от этого вызова, всегда старалась дать на него ответ. Ответ, определенный общим уровнем знаний о природе, человеке, имеющихся в тот или иной момент времени. Меняются знания, меняется и сам человек, и казалось бы, бесспорное понимание человека в экономике перестает быть таковым. При этом довольно часто теоретическая мысль возвращается к отвергавшимся ранее идеям, находя в них сильные стороны, заслуживающие дальнейшего развития.

В условиях кризисного состояния экономической науки в нашей стране наблюдается снижение интереса к разработке теоретических проблем. Связано это с невозможностью продолжать работу в прежней системе представлений, вольно или невольно препятствовавшей реалистичному взгляду на действительность, в том числе - и на реальное положение человека в экономике, способствовавшей теоретическому оправданию практики хозяйствования, именовавшегося социалистическим.

Широкое заимствование рыночных инструментов хозяйствования пока не сопровождается глубоким изучением их теоретических оснований, разрабатываемых мировой экономической мыслью в течение нескольких веков. Долгое время у нас преобладал критический настрой по отношению к западной "буржуазной, апологетической" экономической теории. Все ли в этом настрое было от нашей собственной теоретической зашоренности, или хотя бы отчасти критика была справедлива? И в какой мере рыночные инструменты хозяйствования сохраняют эффективность по мере перехода к постиндустриальным технологиям?

Подобные вопросы имеют не только теоретический интерес. Ответы на них могут способствовать изживанию в нашем обществе самых разнообразных мифов, иллюзий как "рыночного" так и "антирыночного" толка, точнее проводить границу между рынком и нерыночными сферами в экономической политике.

Разработанность проблемы. Как уже отмечалось, человек в экономике - одна из традиционных проблем науки. Ею занимаются не только экономисты, но и философы, социологи, психологи, историки. Особенность ее исследования в нашей экономической теории до недавнего времени характеризовалась заметным перекосом в сторону "обезличивания", попытками рассмотрения экономических, производственных отношений в обществе минуя носителей этих отношений - людей, других реальных экономических агентов. Человек при этом рассматривался не как фактический субъект, обладающий волей, принимающий конкретные хозяйственные решения, а как пассивный носитель той или иной социальной роли, ее персонификации - рабочего, капиталиста, крестьянина и т.п. Правомерность именно такого подхода экономистов-теоретиков подкреплялась ссылками на авторитет К. Маркса, стремлением избежать субъективизма в науке.

Только сравнительно недавно, с конца 60-х годов, в нашей стране появляются политико-экономические и философские труды, в которых человек рассматривается как активный элемент экономической системы. Во многом это связано с началом публикации на русском языке ряда рукописей К.Маркса, дотоле не входивших в научный аппарат наших экономистов, хотя уже осваивавшихся ранее философами как в нашей стране, так и за рубежом. Среди таких трудов следует отметить прежде всего работы В.Я.Ельмеева, написанные на стыке философии и экономики, а также публикации Г.С.Батищева, Э.В.Ильенкова, М.К.Мамардашвили, В.И.Толстых.

В этот же период не традиционное для советской экономической науки понимание человека развивалось в экономико-математическом направлении, где интерес к оптимизационным задачам неизбежно выводил на проблему принятия решений и исследование особенностей лиц (индивидов и групп), принимающих решения в экономике, на проблему реальных экономических агентов. Так через особенности применяемого математического аппарата в нашу экономическую науку была возвращена трактовка человека, которая была изгнана из официальной науки еще в начале века, после ожесточенной борьбы марксистов, особенно русских, с австрийскими субъективистами-маржиналистами - К.Менгером, Е.Бем-Баверком и другими, чьим позициям в дореволюционной России были в той или иной мере близки П.Струве, С.Булгаков, М.Туган-Барановский, В.Дмитриев.

Такой неявный возврат маржинализма в нашу экономическую науку при формальном господстве "марксистско-ленинской политической экономии" и априорной социалистичности изучаемой действительности в значительной мере воспрепятствовал плодотворному развитию отечественных традиций понимания человека в экономике.

Приходится учитывать и то обстоятельство, что тема "человек в экономике" до недавнего прошлого была одной из наиболее подверженной идеологическим ("Все - во имя человека, все - для блага человека") деформациям в советской науке. Поэтому говорить об удовлетворительном уровне ее разработанности не представляется возможным. Это предопределяет обращение к более широкому массиву источников как в пространстве, так и во времени, включая и современные зарубежные исследования, и дореволюционные российские. В то же время, следует иметь в виду, что имеются довольно большие заделы по темам, вплотную примыкающим к данной: общественному воспроизводству, отношениям собственности и хозяйствования, экономическим интересам, социальной сфере, истории экономической мысли. В последние годы по этим направлениям были опубликованы работы Л.И.Абалкина, В.С.Автономова, А.А.Аузана, А.М.Бабича, А.Е.Бусыгина, Г.В.Горланова, В.И.Данилова-Данильяна, В.В.Куликова, Г.И.Латышевой, Е.З.Майминаса, В.А.Медведева, А.Б.Николаева, О.И.Ожерельева, Ю.М.Осипова, Г.Н.Сорвиной, И.Ф.Суслова, К.А.Улыбина, В.К.Фальцмана, Р.М.Энтова и ряда других авторов.

Объектом анализа в работе являются т.н. общие, инвариантные проблемы экономической теории, образующие в совокупности базовую систему, базовое проблемное поле экономики как общественной науки, изучающей самые разнообразные типы материального производства. Следует сразу отметить два обстоятельства, характерных для этого объекта - большое разнообразие несводимых друг к другу типов материаль-

ного производства (онтологическая сложность) и методологическое разнообразие научных подходов (гносеологическая сложность).

Первое обстоятельство затрудняет использование научного аппарата, удовлетворительно обслуживающего анализ экономики одного типа, для изучения экономики какого-либо другого типа. До недавнего времени один из основных упреков наших ученых в адрес западной экономической науки состоял в нереалистичности попыток рассматривать различные типы экономик, вплоть до натурального хозяйства, сквозь "рыночные очки". Сейчас справедливость этой критики во многом подтверждается невысокой степенью адекватности анализа и рекомендаций, адресуемых руководству и общественности нашей страны со стороны монетаристски ориентированных западных специалистов. Но потерпела крах и прежняя "пятичленка", которая вроде бы показывала, что основное содержание современной эпохи - переход от капиталистической формации к коммунистической, что наша страна - в авангарде этого перехода, а имеющаяся "марксистско-ленинская теория" - надежный компас в исследовании переходных, межформационных процессов, ключ к решению основных загадок истории развития человечества, и прежде всего - развития экономики.

Второе обстоятельство затрудняет даже формулировку "списка" общих проблем. В разных научных направлениях он выглядит по-разному. Например, в марксистском направлении на роль таких общих проблем претендуют соотношение производительных сил и производственных отношений, темпы и пропорции воспроизводства общественного продукта. Практически ни одно из использованных выше словосочетаний не используется в "основном течении" (main stream) западной экономической науки. Для него главная проблема - равновесие - как общее, так и разнообразные локальные рыночные равновесия. Плюс факторы, как способствующие приближению системы к равновесию, так и препятствующие этому. Сюда относятся прежде всего информация, мобильность реальных и потенциальных производителей и потребителей, естественные монополии, специфика общественных товаров и т.п.

Пожалуй, одна из немногих тем, претендующих на роль действительно общих, - это тема выживания, самосохранения. В марксистском направлении она присутствует прежде всего в теме простого воспроизводства, являющегося также и моментом расширенного воспроизводства, в "основном течении" - в темах устойчивости равновесия на рынках и банкротства фирм. И в том и в другом случае непосредственным объектом анализа выступает прежде всего индивидуальный капитал (отдельно взятая фирма), его воспроизводство. Такой масштаб, вероятно, был вполне адекватным в XIX веке, однако со времен Великой депрессии проблематичным стало выживание и более крупных экономических субъектов - народных хозяйств отдельно взятых индустриально развитых стран. В наше время проблематичным становится и выживание человечества. Причем по причинам, имеющим отношение не только к политике (ядерное и другое оружие массового поражения), но и к экономике (экология, проблема голода и другие экономические проблемы, принявшие глобальный характер).

В диссертации ставятся следующие взаимосвязанные цели исследования:

- сравнить представления о человеке, свойственные: а) "основному течению" западной экономической теории; б) экономической теории К.Маркса и в) отечественной политической экономии;

- разработать научный инструментарий, обеспечивающий комплексное рассмотрение экономических отношений, возникающих между субъектами по поводу воспроизводства материальной жизни человеческого рода.

Теоретико-методологическая основа исследования. Автор исходит из западной культурной традиции в понимании человека и его взаимодействия с природой в ходе присвоения материальных благ, необходимых для жизни, и опирается на марксов подход к пониманию человека в экономике. Этот подход рассматривается в широком историческом потоке мировой культуры с естественным акцентом на Европу и Россию. В диссертации используются некоторые произведения выдающихся мыслителей древности и нового времени, философов и экономистов, в которых имеются положения, имеющие принципиальное значение для темы исследования.

Важнейшим методологическим приемом, характерным для данного исследования, является метод философской абстракции, суть которого состоит в выходе за пределы не только экономики как одной из сфер жизнедеятельности человека, но и за пределы самого человека, отталкиваясь от его свойств, не являющихся исключительно человеческими. Прежде всего речь идет о таком естественном свойстве, как ограниченность жизни индивида.

Использование метода философской абстракции чревато соскальзыванием в схоластику. Во избежание этого автор по мере надобности опирается на современные представления естественных наук (астрономии, физики, биологии, психологии), что позволяет точнее развести в самом человеке, в т.ч. в его производительных и потребительных силах, естественные и общественные компоненты. Кроме того, это позволяет и в экономике точнее различить закономерности развития, связанные с особенностями человека как ее главного элемента, субъекта, и иные закономерности, как, например, балансовые, которым человек вынужден подчиняться.

Этой же цели - различению общего и особенного, сквозного и специфического в роли человека в разнотипных экономических системах - подчинено использование фактов экономической истории, включая новейшую, как основной информационной базы исследования. Поскольку разнотипность - от кочующих родовых общин до постиндустриальных технополисов - сохраняется и сейчас, история не остается только историей, а является также одним из способов более глубокого понимания действительности. Автор старается не упустить эту возможность научной методологии.

Учитывая тему исследования, более подробная характеристика его теоретико-методологических основ будет дана при изложении основного содержания диссертации.

Основные научные результаты, их новизна обобщенно сводятся к следующим:

1. Проведен сравнительный анализ концепций человека в экономике в "основном течении" западной экономической науки и в марксистском направлении. Показана методологическая близость трактовки ряда положений концепции "экономического человека" в работах представителей неоклассического направления и понимания человека как "родового существа" в трудах К.Маркса.

2. На основе анализа представлений о человеке в экономике в работах ряда крупных российских экономистов начала XX века. Выявлена их тесная связь с фундаментальными традиционными ценностями России и отличие от западной культурной традиции в понимании человека.

3. Разработан методологический инструментарий для анализа производственных (экономических) отношений как многоуровневых отношений по поводу производства (воспроизводства) материальной жизни индивидов, общностей, человеческого рода в целом. Для этой цели исследованы предметные свойства материальных циклических процессов и показано значение учета этих свойств для разработки:

проблем двойственности в экономической жизни;
взаимосвязей хозяйствования и присвоения;
соотношения потребностей и интересов;
проблемы отчуждения человека,
а также разработки общей системы воспроизводственных процессов, происходящих с участием человека.

4. Введена категория производственных отношений между поколениями людей по поводу воспроизводства материальной жизни человеческого рода и показано место этой категории в системе категорий политической экономии. Показаны нерыночный характер производственных отношений между поколениями людей и вытекающая из этого ограниченность отношений рыночного типа между реальными субъектами внутри хозяйствующего поколения.

Исследованы связи хозяйственной жизни индивида с жизнью человеческого рода через наследование и развитие культуры, в т.ч. экономической, - в части, касающейся отношений с предшествующими поколениями, - и через изменение внешней среды - в части, касающейся отношений с последующими поколениями.

5. Внесены структурные и функциональные уточнения в характеристику "личного фактора" производительных сил. Во-первых, "личный", а точнее субъектный, фактор предлагается рассматривать как многоуровневый, выделяя в нем как минимум три уровня - индивидуальный, групповой (общественный) и родовой. К первому относятся уровень культурного развития индивида, этическая позиция, квалификация, сила, выносливость и другие качества отдельно взятого человека как фактора производства материальных благ. Ко второму - производительная сила кооперации людей, производственного и общественного разделения труда, план и рынок как формы согласования действий реальных агентов в масштабах отдельных коллективов, регионов, мирового хозяйства. К третьему, родовому уровню относится прежде всего наука как производительная сила знаний, накопленных всеми существующими и предшествующими поколениями людей, а также культура в целом, поскольку материальное производство рассматривается в единстве производства людей и производства материальных благ.

Во-вторых, предлагается строго различать собственно субъектную ("умственную") и объектную ("физическую", исполнительскую) компоненты в рамках самого субъектного фактора. Первая связана с выработкой и принятием хозяйственных решений. Вторая - с их исполнением теми же или другими субъектами или внешними устройствами, "вещественным фактором".

Эти уточнения позволяют четче анализировать динамику изменения роли человека в экономике и его производственные отношения в рамках одного поколения и с другими поколениями.

6. Углублено понимание ряда политико-экономических категорий. В частности, развито представление о конкуренции как отношении потребительной силы к произ-

водительной силе, предложенное Ф.Энгельсом и использованное К.Марксом в "Капитале". На этой основе проведено различие внутрисубъектной конкуренции (в т.ч. соотношения потребления и накопления) и межсубъектной конкуренции с подразделениями последней на вертикальную (иерархическую) и горизонтальную (рыночную), прямую (собственник - пользователь) и косвенную (между собственниками, между пользователями). Введено разграничение экзистентной конкуренции субъектов ("или - или"), их относительной конкуренции и творческой конкуренции.

7. Проведено политико-экономическое различие между обменом и арендой как не сводимыми друг к другу типами возмездных отношений. Показаны универсальный характер отношений арендного типа и исторически преходящий характер отношений обмена и важность учета различия этих отношений при исследовании проблемы эксплуатации в сфере экономики.

Практическая значимость исследования. Своим исследованием автор вносит посильный вклад в процесс саморазвития науки: в диссертации сделан один из шагов по реинтеграции отечественной науки в мировую. Другим важным практическим результатом можно считать то, что предложенные в диссертации уточнения понимания рынка как необходимой исторически формы включения человека в экономику дают дополнительные научные аргументы в борьбе с бытовой мифологией, как рыночной, так и антирыночной, "социалистической", способствуют более реалистичному пониманию людьми социально-экономических процессов, происходящих в России и в мировом масштабе. Для этих же целей могут быть использованы и соображения по теории эксплуатации, имеющиеся в диссертации.

Одним из важных практических результатов исследования автор считает возможность использовать материалы диссертации для реформирования курсов экономической теории в вузах и средних учебных заведениях. Отдельные вопросы, исследованные в диссертации, автор использовал при проведении занятий по курсам политической экономии и экономической теории и политики.

Апробация и реализация работы. По материалам исследования автором написаны три монографии (две в соавторстве), ряд статей, научно-методических брошюр общим объемом более 35 п.л., включая тезисы выступлений на международных конференциях в Челябинске (1988 г.), Баку (1988 г.), Киеве (1989 г.), Москве (1990 г.). Автор неоднократно выступал на методологических семинарах различного уровня в Институтах экономики и философии РАН, МГУ им.М.В.Ломоносова, АОН, РАУ.

Глава 1. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ ЧЕЛОВЕКА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

1. Эволюция представлений об "экономическом человеке" в "основном течении" экономической теории

Концепция "экономического человека" впервые появилась в XVIII веке и широко использовалась А.Смитом при описании экономической жизни. Он исходил из того, что люди, обмениваясь друг с другом результатами труда, услугами, руководствуются своекорыстными побуждениями, стремлением к личной выгоде. И именно такое поведение индивидов, взятое в совокупности, ведет к наилучшему распределению ресурсов в обществе, их наиболее эффективному использованию, росту богатства общества. Главное - не мешать людям делать то, что они сами считают нужным, и тогда "невидимая рука" наведет порядок в обществе. Каждый будет производить то, что он умеет лучше всего, а его уровень потребления будет гораздо выше, чем если бы он пытался все делать для себя сам.

В последующие века и в экономике, и в экономической науке изменилось очень многое, но концепция "экономического человека" по-прежнему остается фундаментом того, что в западной научной литературе часто называется "основное течение" (mainstream, general stream). Можно даже сказать, что ее значение возросло. Для мыслителей классического периода особенности экономического поведения индивида оставались как бы фоном для исследования глобальных, макроэкономических процессов. Не случайно основной экономический труд А.Смита имеет название "Исследование о природе и причинах богатства народов" и представляет собой заключительную часть трилогии, в которую входили также "Теория нравственных чувств" и "Лекции о законодательстве, политике, доходах и армии".

Точно также для Д.Рикардо и других классиков "робинзонады" были лишь словесными инструментами объяснения современного им общества. Воспроизводство общественного продукта, его распределение между классами, разделение труда в обществе, связь между ростом народонаселения и производством материальных благ - этот перечень можно продолжать, но не трудно заметить, что все эти темы не предполагают "в явном виде" отдельно взятых людей как элементов теоретической системы, описывающей экономическую реальность. Иными словами, концепция "экономического человека" не работала как формализованный инструмент, а как бы витала в головах теоретиков, оставалась "за кадром".

Этот явный недостаток был замечен в 70-е годы XIX века одновременно и независимо друг от друга К.Менгером, У.Джевонсом и Л.Вальрасом. С появления их работ, как известно, берет начало маржинализм. Решительно критикуя не только К.Маркса, но и других предшественников, придерживавшихся трудовой теории стоимости (ценности), маржиналисты указывали на то, что общество в целом - это что-то вроде фантома. В экономике реальными субъектами являются только конкретные люди, фирмы, т.е. агенты, принимающие хозяйственные решения. И если теория призвана отображать жизнь, то экономическая теория должна заниматься экономическими агентами, их поведением.

Можно сказать, что маржинализм пересмотрел не концепцию "экономического человека" классиков, а место этой концепции в экономической теории. Причем пересмотрел в сторону кардинального повышения этой роли. Вместе с этим радикально сильно изменились и представления о феномене равновесной цены, о том, что является ее субстанцией. Место затрат труда заняла полезность. Для того, чтобы полезность могла успешно выполнять роль субстанции цены равновесия, первоначальному, австрийскому маржинализму пришлось предположить количественную измеримость полезности каждого отдельно взятого блага (кардиналистская функция полезности). Это предположение оказалось очень сильным и вызвало критику не только со стороны последователей классической школы, но и со стороны альтернативного маржинального течения, начало которому положил Ф.Эджуорт, предложивший аппарат "кривых безразличия". Согласно этому направлению, нет необходимости

численно соизмерять полезности разных количеств одного и того же блага и даже верить в существование каких-либо функций полезности. Достаточно предположить, что различные блага могут частично замещать друг друга, причем для большинства благ выполняется условие уменьшающейся предельной нормы замещения (чем больше имеется какого-либо блага, тем меньше надо убавить другого блага, чтобы с увеличением первого на единицу полезность набора из двух благ осталась неизменной), а человек может сравнивать различные наборы благ и выбирать из них. В настоящее время именно это, ординалистское (порядковое) понимание полезности является преобладающим в "основном течении", а современное понимание кардиналистской функции полезности ограничивает ее применение вероятностными ситуациями и не привязывает к конкретным числовым значениям.

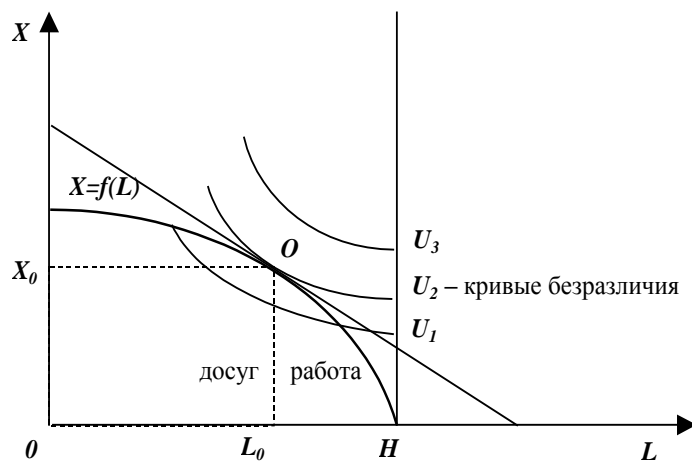
Следует подчеркнуть, что в методологическом отношении эти подходы не совместимы. Одно из них, "австрийское", сохраняет классическую веру в существование "скрытых величин", "субстанций", расходясь с ним в их понимании. Другое, ординалистское, полностью отказывается от изучения принципиально ненаблюдаемого, переходя тем самым на жесткие позитивистские требования к науке. Чуть ниже мы вернемся к рассмотрению методологических вопросов, но в начале отметим некоторые конкретные направления использования концепции "экономического человека" в "основном течении".

Во-первых, следует упомянуть рациональность как атрибут экономического человека. Различают два проявления рациональности - технологическое и поведенческое. Под первым имеется в виду способность каждого человека либо присвоить любому количеству любого блага определенное значение его полезности для себя (кардиналистский вариант), либо упорядочить любые совокупности благ по степени предпочтительности, включая случай равного предпочтения, безразличия (ординалистский вариант). Под вторым имеется в виду стремление каждого человека максимизировать уровень благосостояния при так или иначе заданных ограничениях. Прежде всего - ограничению по доходу. (Доход при этом приходится учитывать в денежной форме, что порождает коллизию между предположением о равенстве нулю трансакционных издержек, фундаментальным для "основного течения", и деньгами как одним из порождений "трений" в реальном процессе обращения).

Во-вторых, следует упомянуть модель "Робинзона Крузо" или модель вертикального равновесия. В этой модели досуг выступает как одно из благ наряду с другими, получение которых требует затрат труда и, следовательно, уменьшения досуга. В рамках этой модели уж нет ограничения по доходу. Сам доход оказывается лишь одним из параметров равновесной ситуации, ценой времени труда наряду с ценами на другие, рукотворные блага. Все эти параметры выступают не как "средние", а как сопутствующие вполне определенному набору благ, включая время досуга и, следовательно, время труда, его продолжительность. Единственным и вполне естественным ограничением выступает календарное время (сутки, год - не имеет значения). См. рис. 1.1.

В-третьих, следует упомянуть модель "жизненного цикла" человека, в соответствии с которой суммарный доход (оплата труда) человека, получаемый или за всю жизнь, должен совпадать с суммарными же расходами. Простейший вид такой модели приведен на рис. 1.2.

Поскольку модель, представленная на рис. 1.2, охватывает периоды, когда человек не выступает активным экономическим агентом (это относится прежде всего к детству, т.к. в других возрастных группах сохраняется активность, связанная с потребительским поведением), она рассматривается обычно в макроэкономических исследованиях и ее модификации, приближенные к реальности, имеют важное значение в прикладных исследованиях по благосостоянию общества.

По оси L откладываются: время досуга - от начала координат и время работы - от точки H , обозначающей общий лимит времени. По оси X откладывается обобщенное благо, удовлетворяющее потребности и требующее затрат труда на производство. Линия $X=f(L)$ представляет собой кривую предельного производства продукта X , а линии $U_{1,2,3}$ - кривые безразличия досуга и производимого блага. В точке O достигается равновесие (оптимум).

Рис. 1.1.

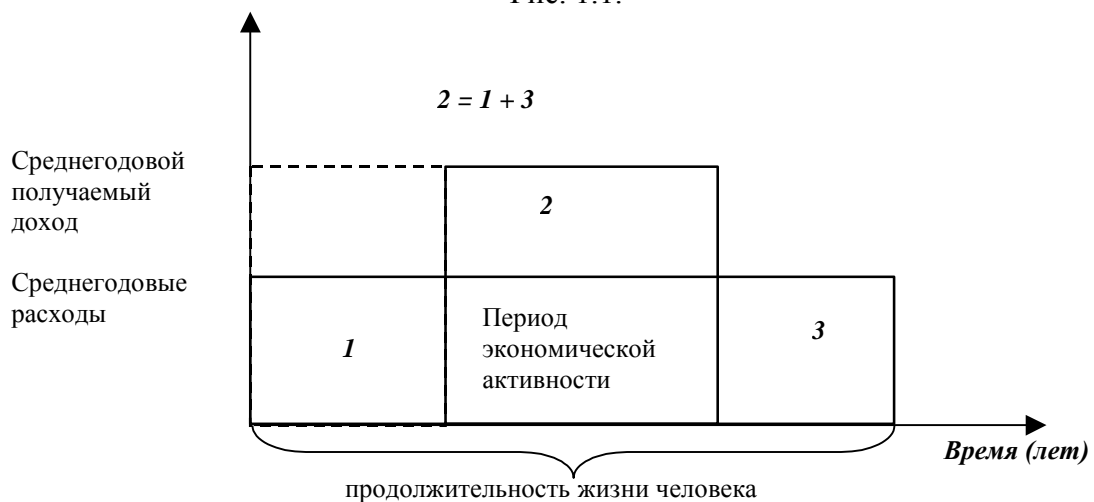

Рис. 1.2

Таковы основные направления конкретизации исходной концепции "экономического человека" в современном "основном течении". Следует отметить, что далеко не все существенные свойства реальных хозяйствующих субъектов нашли в ней отражение. Критика этого течения, касающаяся понимания человека, осуществляется по нескольким направлениям.

Больше всего критических стрел направлено на представление о человеке как о рационально действующем субъекте. Сомнениям подвергаются как технологический, так и поведенческий аспекты рациональности. Действительно, предположение о полноте представлений человека о собственных предпочтениях выглядит сильно преувеличенным, равно как и предположения о полноте его знаний о свойствах всех товаров, предлагаемых на рынках и о ценах на них. Однако, во-первых, на практике каждый человек имеет дело с довольно узким набором благ, хорошо известных ему по прошлому опыту, и, во-вторых, в рыночной экономике неизбежно предполагается, что каждый человек обладает энциклопедическими познаниями в области товароведения. Точно также, как в правовом государстве предполагается знание гражданином всех законов ("Незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение").

Несколько сложнее обстоит дело с предположением о максимизаторском поведении индивидов. Нет никакой объективной процедуры, позволяющей определить, действительно ли потребитель остановил выбор на наилучшем варианте, или он решил сэкономить время выбора и ограничился первым попавшимся допустимым. Точно так же невозможно эмпири-

чески проверить, является ли изменение выбора во времени отражением изменения предпочтений или простым перемещением по поверхности безразличия в рамках допороговых отклонений от предшествующего выбора.

Давний критик "основного течения" Г.Саймон предлагает провести тщательные эмпирические исследования поведения экономических агентов на предмет выявления их реальных установок¹. Другие специалисты, опираясь на собственный практический опыт, утверждают, что большинство менеджеров ограничивается "удовлетворенческой" линией поведения. Удовлетворительно - значит, допустимо, но не обязательно наилучшим образом. Это же значит, что существуют и неудовлетворительные варианты, что на графиках кривых безразличия обычно не отражается.

Иными словами, для потребителей в "основном течении" не стоит вопрос: "жить или не жить", они озабочены лишь вопросом: "как жить лучше?" Возможно, для физических лиц в развитой рыночной экономике вопрос выживания уже потерял актуальность. Однако для других времен и стран он остается актуальным, точно так же, как и для производителей в современной рыночной экономике.

Р.Акофф, выделивший удовлетворенчество, оптимизаторство и адаптивизацию как качественно различные виды поведения производителей, выживание соотнес только с первым видом. "Удовлетворенческое планирование редко приводит к радикальным переменам. Как правило, оно порождает консервативные планы, которые продолжают старую политику, исправляя лишь только явные недостатки. Такое планирование поэтому по нраву тем организациям, которые больше озабочены выживанием, чем ростом и развитием"². Однако опыт показывает, что удовлетворенчество и стремление к выживанию доминируют и в динамично растущих и развивающихся корпорациях. "Несмотря на исключительную прибыльность ИБМ, видимо, такой взгляд представляется оправданным и в ее случае, поскольку ее первостепенная цель - выживание в долгосрочном аспекте, а к выбору плановых показателей подходят прежде всего с точки зрения их достижимости, а уж только потом - максимизации"³.

Тема выживания в данной работе будет рассматриваться весьма скрупулезно. Для начала можно сравнить два варианта соотношения производственных возможностей и потребностей - "основного направления" (рис. 1.3а) и "реалистический" (рис. 1.3б).

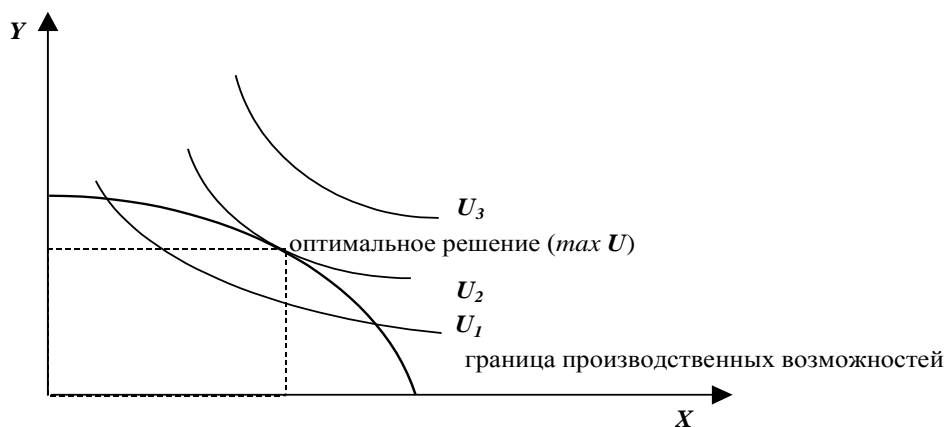

Рис. 1.3.а.

¹ См. Саймон Г. Методологические основания экономики. Системные исследования. Ежег. 1989-1990. М.: Наука. 1991.

² Акофф, Р. Планирование в больших экономических системах. М.: Советское радио. 1972. С.23

³ Мерсер, Д. ИБМ: управление в самой преуспевающей корпорации мира. М.: Прогресс. 1991. С.436.

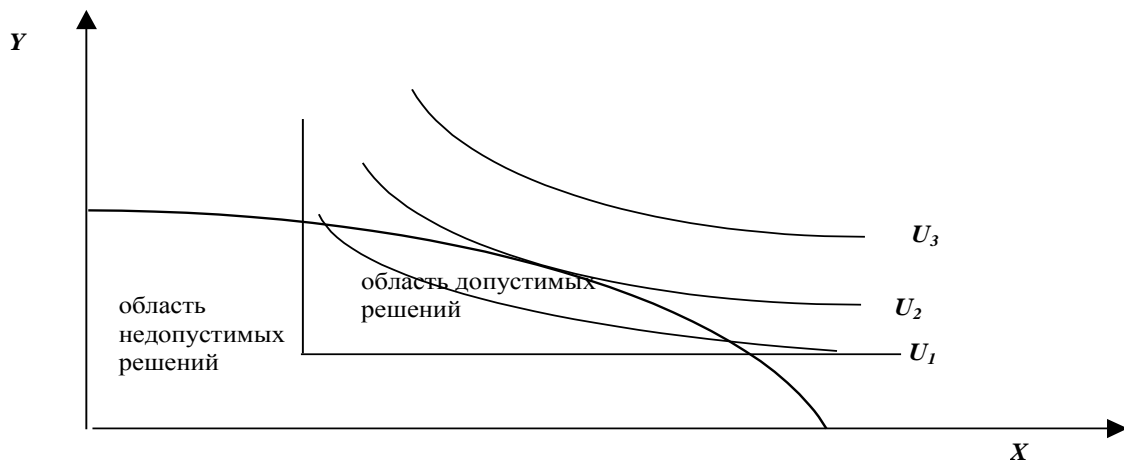

Рис. 1.3.6

Из сравнения рисунков видно, что во втором случае далеко не всякое возможное решение, даже лежащее на кривой предельных производственных возможностей, является допустимым. И определение области допустимых решений, или хотя бы проверка имеющегося решения на допустимость, является совершенно иной по технике расчетов, чем поиск оптимального решения. В частности, маржинальные эффекты здесь могут и не наблюдаться ("не до жиру...").

Следующее направление, по которому базовая концепция человека подвергается критике, связана с проблемой соизмеримости предпочтений различных агентов. Неоклассика (ординалистская) вынуждена настаивать на несоизмеримости предпочтений, т.к. автономность решений индивидов иначе не может быть обеспечена. А без этой автономности рушится все, т.к. западная (иудейско-христианская) концепция человека подчеркивает автономность индивидов, их личную ответственность за принимаемые решения. Но автономия каждого ограничена автономиями всех остальных, а вопрос о границах - где кончаются права одного и начинаются права другого - не имеет общего решения. Поэтому оптимальность по Парето ограничивается нахождением зоны, где невозможно улучшение благосостояния одних агентов без ухудшения благосостояния других. При этом первые могут иметь "почти ничего", а вторые - "почти все". Т.н. "ящичная модель" экономики ("ящик Эджуорта") демонстрирует этот эффект весьма наглядно. См. рис. 1.4.

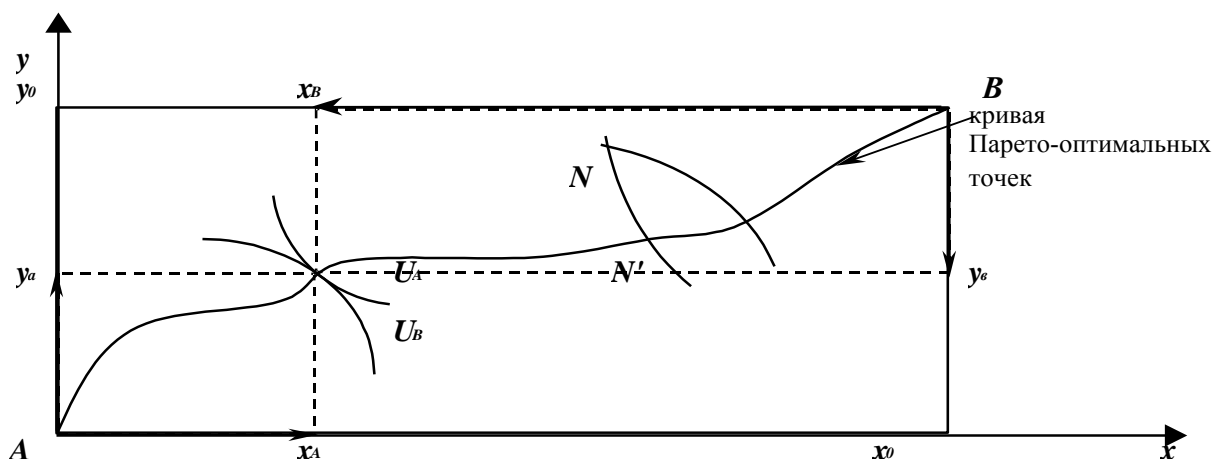

Рис. 1.4.

A и B - два субъекта замкнутой экономики, в которой имеются два товара в количествах x_0 и y_0 . На Парето-оптимальной линии кривые безразличия субъектов - U_A и U_B касаются. Во всех других точках они пересекаются, что позволяет перейти к более эффективным вариантам. Например, переход из точки N в точку

N' будет считаться вполне приемлемым по Парето, хотя весь выигрыш от перехода получает только субъект *B*.

Кроме того, известно, что рынок "работает" не везде. Существуют такие явления как "естественная монополия", "общественные блага", асимметричность информации и т.п. В этих случаях проблему соизмерения полезностей между различными субъектами обойти не удастся. То же самое можно сказать о налогах и субсидиях. Здесь волей-неволей приходится выходить за рамки неоклассической теории и даже за пределы чисто экономических подходов, затрагивая область этики. См. например, работы А.Сена⁴.

Третье направление критики касается проблемы т.н. "нереальных агентов" и связано главным образом с обеспечением прав будущих поколений, чьи представители не могут непосредственно отстаивать свои интересы. Наиболее явной сферой таких интересов является охрана окружающей среды, а также потребления невозпроизводимых ресурсов. В этой ситуации реальные агенты должны отстаивать уже не только каждый свои собственные интересы в конкурентной борьбе между собой, но и интересы потомков от самих себя. Вряд ли можно представить более противоречивое сочетание эгоистических и альтруистических установок. А раз так, то неизбежно административно-волевое вмешательство в экономическую жизнь со стороны государства или даже надгосударственных институтов.

Весьма заметный шаг в этом направлении был сделан в Рио-де-Жанейро (Бразилия), где с 3 по 14 июня 1992 г. работала Конференция ООН по окружающей среде и развитию: "Судя по документам Конференции и общему ходу дискуссии, мировое сообщество очень быстро идет к введению системы цен (не рыночных! - Л.Г.) на все виды ресурсов с полным учетом ущерба, наносимого окружающей среде и будущим поколениям, а также к квотированию выбросов на душу населения, что, например, уже сделано применительно к выбросам фреонов, разрушающих озоновый слой"⁵.

Четвертое направление критики, связанное с третьим, касается ограниченности существования каждого отдельно взятого человека. Предпочтение настоящих благ будущим формально связывается в микроэкономике только с рентой за пользование капиталом (понимаемым как совокупность орудий труда и других произведенных факторов). Однако размер ренты в макроэкономике оказывается тесно связан со сбережениями, которые выступают лишь как отложенное на время потребление того же самого субъекта, а не его забота о потреблении других, тех, кто так или иначе является наследником. Известное изречение короля Франции: "После нас - хоть потоп!" надолго пережило монархию и стало девизом жизни весьма широких слоев "реальных агентов". Этому во многом способствует и практика обложения налогами наследства, широко принятая в развитых странах. Конечно, такая практика стимулирует "вложения в человека", стремление обеспеченных людей дать наиболее качественное образование своим детям, обеспечив им таким образом благоприятные стартовые условия. Но - не более того. "В долгосрочном периоде все мы покойники" - это выражение Дж.М.Кейнса стало крылатым. Комментируя его, Ф.Хайек поясняет: "т.е. не имеет значения, какой долговременный ущерб мы наносим своей деятельностью: внимания заслуживает только текущее, кратковременное общественное мнение, социальные требования, голоса избирателей и все эти демагогические штучки"⁶.

Наконец, последнее по счету, но не по важности направление, по которому можно критиковать концепцию человека "основного течения", это пассивность индивида, отсутствие у него творческого импульса. В современной экономической литературе чаще всего как синоним реального агента встречается термин *choicer* - выбиратель. При этом набор альтернатив, среди которых приходится выбирать, выступает как что-то уже заданное. Актив-

⁴ Sen A. Resources, Value and Development. Cambridge, Harv. UP. 1984

⁵ Коптюг В. На пути к устойчивому развитию цивилизации. "Свободная мысль", 1992. N14. С.9.

⁶ Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости. 1992. С.101.

ность индивида ограничивается лишь принятием решения. Вряд ли такое "обрезание" дает сколько-нибудь адекватную модель поведения человека в экономике. Даже если абстрагироваться от изобретателей и рационализаторов в области технологий обработки сырья и материалов, а ограничиться фигурой предпринимателя, то без "новатора" И.Шумпетера невозможно представить эффективное функционирование рыночной экономики. Творческое начало в большей или меньшей мере присуще каждому человеку и все более активно утилизируется непосредственно в экономической сфере. Особенно в т.н. постиндустриальных обществах. Пока что остается открытым вопрос - сможет ли "основное течение" впитать в себя и это проявление человеческой природы.

Как известно, статичность является ахиллесовой пятой "основного течения". По-видимому, исключение из рассмотрения в экономической теории общества в целом, поскольку это "метафизический агент", ограничение круга субъектов "реальными агентами", уже само по себе предопределяет высокую степень статичности возможных формальных построений. Ведь каждое физическое лицо, индивид имеет заведомо конечный срок существования, узкие границы возможных изменений, динамики.

Усилению статичности теоретических конструкций "основного течения" способствовала и концентрация внимания ученых на выборе как основном проявлении активности субъектов. Ведь выбор (или принятие решения) - это точечное во времени и пространстве явление. Из всех видов хозяйственной активности субъектов экономисты-теоретики выбрали выбор не случайно. Во-первых, это наиболее индивидуалистичный вид активности. Известная теорема Эрроу доказывает возможность нетранзитивности предпочтений при групповом выборе, даже если каждый ее член осуществляет выбор вполне рационально, транзитивно. Поэтому, взяв мировоззренческий ориентир на индивида, трудно не взять методологический ориентир на выбор.

Во-вторых, реальное развитие индивидуального начала в хозяйствовании связано с развитием рыночных связей между экономическими субъектами, "реальными агентами", прежде всего самими людьми. А без возможности выбора партнера и необходимости его выбирать рынок немыслим. Поэтому выбор выступает как наиболее фундаментальный, если не единственный, вид экономической активности "реальных агентов". Возникает естественное желание рассмотреть эту активность "в чистом виде", простерилизовав рыночную реальность. В итоге получается "карта предпочтений" отдельно взятого субъекта, функция полезности и разветвленная мифология оптимизации.

Термин мифология здесь использован без негативного оттенка. Фактически любая научная система имеет мифологическое ядро, явное или неявное. ("Наука не рождается из мифа, но наука не существует без мифа, наука всегда мифологична" Лосев А.Ф. Философия. Методология, Культура. - М.: Политиздат, 1991. С.32.) Его обнаружение отнюдь не дискредитирует соответствующую научную систему, но позволяет четче определить область ее применимости, "освободив" тем самым место для других теоретических систем.

Попробуем в нескольких предложениях наметить область применимости теории, опирающейся на выбор индивида как фундаментальную отправную точку. Прежде всего, выбор предполагает наличие ряда равнодопустимых (хотя и не обязательно равножелательных) альтернатив. Иначе просто нет возможности выбора. Ведь нельзя говорить о жизни и смерти как равнодопустимых альтернативах экономического выбора. Хотя бы потому, что выбор смерти - последний в жизни соответствующего субъекта, снимающий саму ситуацию выбора. В свою очередь, наличие ряда равнодопустимых альтернатив предполагает определенный уровень материального богатства, достатка. Реальный выбор в мире реальных благ означает существование невыбранных благ, избыточных, "лишних". При этом сам выбор определяется не нуждой, а желаниями: "жить так" или "жить иначе". (В частном случае - жить лучше или хуже, но о том, чтобы жить - вопрос уже не стоит). В итоге вырисовывается более-менее стройная экономическая теория желаний (или экономическая теория богатства, что то же са-

мое). Ее естественная материальная основа - индустриальное производство, гипертрофированное развитие материальных потребительных сил участников такого производства. Нет необходимости доказывать, что подобная экономическая теория неплохо соответствует реалиям экономической жизни западных обществ Нового времени. Хотя и здесь остается открытым вопрос о границах применимости "максимизаторского" подхода к описанию поведения экономических агентов, особенно крупных корпораций.

Для сравнения (и использования в последующем изложении) также в нескольких предложениях наметим возможность теории, опирающейся на другой вид хозяйственной активности субъектов - поиск. В отличие от выбора эта активность всегда: а) имеет динамический характер, протекает в реальном масштабе времени; б) сопровождается разнообразными издержками, абстрагироваться от которых вряд ли возможно; в) отличается высокой степенью неопределенности возможного результата и весьма "размытой" рациональностью самого процесса. При этом спонтанность, недетерминированность самой активности, проявляемой субъектом в процессе поиска ("малая неопределенность") естественно корреспондирует с неопределенностью внешней среды, в которой этот поиск осуществляется ("большой неопределенностью"), а индивидуальная активность поиска не имеет явных преимуществ перед групповой. "Истина познается сообща человеческим родом, здесь существует естественный и неустранимый коммунизм" (Булгаков С.Н. Религия человекобожества у Л.Фейербаха. М.: Изд. Свободная совесть. 1906. С.63.) Поисковая деятельность человека имеет родословную явно животного происхождения, доминирует в хозяйственной активности первобытных кочевых общин и в разнообразных формах присутствует и в современной экономической жизни. В частности, без нее немыслим процесс инноваций, не вписывающийся в теоретические рамки "основного течения".

Сама поисковая активность в хозяйственной жизни инициируется нехваткой ("дефицитом") или угрозой нехватки тех или иных благ, необходимых для продолжения жизни субъектов или общностей, членами которых они являются. Поэтому теорию, опирающуюся на этот вид активности, будь она создана, можно было бы назвать экономической теорией нужды (или экономической теорией бедности, если учесть низкий уровень обеспеченности жизни тех сообществ, где доминирует поисковая хозяйственная активность). Хотелось бы обратить внимание, что это была бы иная теория, чем теория дефицитной (дефицитарной) экономики, разрабатываемая Я.Корнаи, в которой делается попытка проанализировать реальность экономики бедности, нужды с помощью познавательных средств экономической теории богатства, желаний.

Поскольку поиск и выбор - не сводимые друг к другу виды хозяйственной активности людей, основанные на них экономические теории также оказались бы не взаимозаменяемыми. Вряд ли они оказались бы и взаимодополняющими, поскольку не факт, что хозяйственная активность исчерпывается выбором и поиском. Можно, например, назвать такие традиционные виды экономической активности, как потребление и производство. Причем выбор естественно связан с потреблением, а поиск столь же естественно трансформируется в производство. Уже поэтому теория фирмы, опирающаяся на выбор, обречена на неадекватность метода рассмотрения его предмету. Реальный потребитель, физическое лицо, действительно ограничено сроком своего существования и при определенной системе ценностей может стремиться выбрать для себя из возможного "по максимуму". Фирма же, особенно в корпоративной форме, потенциально бессмертна, но бессмертна именно потенциально. Поэтому объективно она озабочена поиском возможностей продолжения существования, выживания. В то же время теория, опирающаяся на поиск, имеет шанс оказаться нечувствительной к проблемам потребления, быть односторонне ориентированной на "производство ради производства".

По сути дела, структура реальной деятельности хозяйствующих субъектов еще не стала объектом специального изучения экономистов-методологов на предмет возможностей ге-

нерирования и согласования разнообразных специальных экономических теорий. Имеется лишь указание на потенциальную плодотворность такого изучения. (См.: Ананьин О.И. Экономическая теория: кризис парадигм и судьба научного сообщества. М.: Изд-во ИЭ РАН. 1992. С.22-26.)

Вряд ли можно надеяться на создание некоей общей экономической теории, опирающейся на понятие деятельности как таковой и при этом удовлетворяющей позитивистским стандартам научности. Очень уж понятие деятельности богато содержанием и изменчиво. Однако не исключена возможность формирования общего понимания, претендующего на объективность.

В то время как "основное течение" стремилось выжать все возможное из исходной версии концепции "экономического человека" классической школы, некоторые крупные экономисты XX века либо обходились вообще без этой концепции, либо весьма основательно пересматривали ее. Ниже будет рассмотрена концепция Ф.Хайека, поскольку она, во-первых, довольно последовательно развивает классическую линию и, во-вторых, противопоставляется им марксистской концепции, имеющей довольно широкое распространение в нашей стране. За основу берется последняя (1988 г.) работа этого лауреата Нобелевской премии: "Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма" (М."Новости", 1992).

В этой работе, как и вообще в своем творчестве, Ф.Хайек выступает как последовательный сторонник классического принципа *laisse-fair* - естественного порядка экономической жизни, невмешательства в нее правительств и других групп, преследующих цели улучшения этого порядка. Из этой позиции вытекает резкая критика конструктивизма, парадигма которого, по Ф.Хайеку, состоит из четырех взаимосвязанных положений: 1.неразумно следовать тому, что не научно; 2.неразумно следовать тому, что непонятно; 3.неразумно следовать тому, что не направлено на определенную цель; 4. неразумно следовать тому, последствия чего не известны целиком заранее (см. указ. соч. с. 108-109). Эта критика распространяется далеко не только на социалистов. Ф.Хайек относит ее и на одного из главных идеологов "экономического человека" - И.Бентама: "Иеремия Бентам разработал наиболее последовательную систему того, что мы сейчас называем правовым или моральным позитивизмом. Я имею в виду конструктивистскую интерпретацию систем права и морали, в соответствии с которой предполагается, что их действенность и значение всецело зависят от воли и намерения их создателей. Бентам является поздним представителем этого течения мысли; оно объединяет не только последователей традиции самого Бентама (традиции, освоением и развитием которой был занят Дж.С.Милль, а позднее - либеральная партия в Англии); такой конструктивизм свойственен практически всем современным американцам, именующих себя "либералами"....Современный швейцарский исследователь остроумно замечает, что конструктивистский способ мышления становится поистине неизбежным для того, кто примет господствующую либеральную (читай - "социалистическую") философию, согласно которой постольку, поскольку различие между добром и злом вообще имеет для человека значение, он и должен - и может - сам сознательно проводить между ними разграничительную линию"⁷.

Приведенная выше цитата показывает, что Ф.Хайек выступает против "социализма" (кавычки - Ф.Хайека) в той мере, в какой тот "причастен" конструктивизму. Поэтому, как ни парадоксально, в наименьшей степени его критика относится к взглядам К.Маркса, рассматривавшего становление и развитие любого общества, в том числе и буржуазного, как естественно-исторический процесс. Особенно хорошо фактическая близость позиции Хайека к "научному социализму" К.Маркса и Ф.Энгельса просматривается на его изложении "происхождения семьи и частной собственности" в "Пагубной самонадеянности". Как и Ф.Энгельс в "Происхождении семьи, частной собственности и государства", Ф.Хайек начинает с жизни

⁷ Там же. С.92-93.

родовой общины и "естественного человека", несвободного члена такой общины. Далее он показывает неизбежный характер разложения таких общин по мере развития отношений обмена, усиления роли индивидов, параллельного развития все более сложной системы норм морали, регулирующих их поведение вне узких рамок семьи.

Как весьма существенный момент следует отметить, что Ф.Хайек четко различает частную (*privat*) и обособленную (*several*) собственность и предпочитает пользоваться вторым термином при описании рыночной экономики (каталлактики, как уточняет Ф.Хайек). Он подчеркивает, что термин *privat* в английском языке относится главным образом к индивидам, тогда как на рынке, особенно развитом, современном, реальными агентами часто выступают корпорации и другие "наиндивидуальные" образования. Кроме того, термин *several* подчеркивает генетическую вторичность, преемственность обособленной собственности по отношению к общей собственности. Отметим, что К.Маркс различал первичную и вторичную формации как основанные соответственно на общей и частной собственности. Однако К.Маркс не различал частную и обособленную собственность, что вносило определенную путаницу в его размышления о судьбе частной собственности в рамках акционерной формы организации реальных экономических агентов. В советской экономической литературе термин "обособленность" применялся широко, но в основном по отношению к хозяйствованию, а не к собственности. К сожалению, термин Ф.Хайека *several* на русский язык переведен как "индивидуализированная", а не обособленная. Это не способствует пониманию причины, по которой Ф.Хайек различает значение *privat* и *several*.

Если попытаться выделить ключевой термин концепции Ф.Хайека, то на качество такового, по-видимому, может претендовать только "выживание". Уже на одной из первых страниц рассматриваемого произведения читаем: "Спор о рыночном порядке и социализме есть спор о выживании - ни больше, ни меньше"⁸. Последняя фраза основного текста: "От ответа на этот вопрос [об источнике правил, регулирующих поведение людей - Л.Г.] может зависеть выживание нашей цивилизации"⁹. Внутри текста этот термин встречается не менее, чем на двух десятках страниц. Это не случайно. Если Ф.Хайек отрицает конструктивизм как способ изменения общества, то он обязан следовать эволюционистской традиции. В соответствии с ней источник изменений - спонтанные изменения, мутации ("метод проб и ошибок"), а естественный отбор ("на выживание") закрепляет новации, оказавшиеся полезными или по крайней мере безвредными.

По Ф.Хайеку, этот метод хорошо работает в очень широком диапазоне: "идея эволюции ни в коей мере не ограничивается живыми организмами; скорее эволюция начинается в каком-то смысле уже на уровне атомов, образующихся из элементарных частиц. Таким образом, через многообразные процессы эволюции мы можем объяснять как молекулы - самые примитивные из сложных организмов, так и сложный современный мир"¹⁰. Конечно, подобное утверждение можно сделать и обосновать, опираясь на достижения самых различных наук (начиная с физики), только в наше время. В то время, когда К.Маркс начинал, не было даже открытия Ч.Дарвина, ключевого для теории эволюции. Тем не менее, дух этой теории, если так можно выразиться, в то время уже существовал. Ф.Хайек отмечает, что Ч.Дарвин читал А.Смита как раз в то время (в 1838 г.), когда формулировал собственную теорию. А первые слова о генетическом развитии, по его мнению, были сказаны немецким философом и историком культуры И.Гердером. "Таким образом, современная биология заимствовала понятие эволюции из исследований культуры, имеющих более древнюю родословную"¹¹. Конечно, это понятие весьма различно проявляется в разных сферах, и Ф.Хайек на это указывает. Можно также отметить, что наблюдение Ф.Хайека подтверждает методологический

⁸ Там же. С.18.

⁹ Там же. С.240.

¹⁰ Там же. С.32.

¹¹ Там же. С.47.

принцип К.Маркса, коротко сформулированный им в афоризме: "Анатомия человека - ключ к анатомии обезьяны".

Коль скоро "выживание" - ключевой термин при эволюционистском подходе в самом широком его понимании, необходимо уточнить - что выживает (или не выживает) в определенной сфере. Например, в биологическом мире термин "выживание" применим к объектам двух типов - индивидам и видам. Причем один и тот же процесс спонтанных изменений - мутаций по разному влияет на судьбы этих объектов. Высокий уровень мутаций ведет к увеличению доли нежизнеспособных индивидов, а низкий - ставит под угрозу выживание вида, если условия его существования быстро изменяются. В человеческой эволюции Ф.Хайек также выделяет два типа предметов, к которым он применяет термин "выживание" - это группа (малая группа - род, община, семья) и цивилизация, не совпадающая с человечеством в целом. Причем группа для него - исходный предмет, а цивилизация, расширенный порядок - производный, имеющий сравнительно недавнее происхождение.

Каждый индивид живет в двух мирах, в двух системах этических ценностей, во многом исключаящих друг друга. "Мы не избавились от наследия, доставшегося нам от знавших друг друга в лицо членов первобытного стада, а унаследованные от них инстинкты не полностью "приноровились" к нашему относительно недавно сложившемуся расширенному порядку и отнюдь не безвредны для него... Наши сегодняшние трудности возникают частично из-за того, что мы вынуждены постоянно приспосабливать нашу жизнь, наши мысли к одновременно проживанию внутри различного типа порядков, сообразуясь с различными правилами... Следовательно, мы должны научиться жить в двух мирах одновременно"¹². Если учесть, что микрокосм (племя, семья) - это сфера воспроизводства индивидов, а макрокосм (расширенный порядок) - это сфера воспроизводства (включая обмен) материальных благ, можно и здесь заметить близость точки зрения Ф.Хайека к взглядам К.Маркса и Ф.Энгельса, их четкому разделению "производства людей" и "производства вещей".

Более того, нельзя не заметить и близость терминологии, отражающей двойственность процесса воспроизводства. Так, Ф.Хайек активно использует термины "конкретное" и "абстрактное", без которых немислим и Марксов подход к рыночному хозяйству: "... так или иначе, пусть медленное, пусть с частыми откатами вспять, упорядоченное сотрудничество расширялось, и разделяемые всеми конкретные цели вытеснялись всеобщими, независимыми от чьих бы то ни было целей, абстрактными правилами поведения"¹³. Конечно, Ф.Хайек пользуется указанными терминами без привязки к труду, как это делал К.Маркс. Это естественно, т.к. после маржиналистской революции трудовая теория стоимости потеряла былой авторитет. Важнее другое - Ф.Хайек видит или, по крайней мере, чувствует, ощущает двухуровневость воспроизводственных процессов. При этом высший, всеобщий уровень проявляется на единичном уровне в абстрактных правилах поведения отдельно взятых индивидов.

Ф.Хайек готов даже признать полезность апелляции к Богу и другим обозначениям "высшего начала" (которые лично он как агностик не принимает), лишь бы индивиды не пытались представить подобные правила как всего лишь разновидность результатов собственного конкретного труда, целесообразной деятельности. В приложении G он присоединяется к мнению Дж.Фрезера (1909 г.), что "суеверие оказало человечеству огромную услугу. Многим оно послужило основанием, пусть и ложным, для правильных действий; и, конечно, для мира лучше, когда вредные мотивы приводят людей к правильным поступкам, чем когда из лучших побуждений совершаются вредные дела. Для общества важно не то, как думают, а то, как себя ведут; и коль скоро наши поступки добры и справедливы, для ближнего не имеет ни малейшего значения: ошибочны наши взгляды или нет"¹⁴. В связи с таким инструмен-

¹² Там же. С.35-36.

¹³ Там же. С.57 (курсив мой - Л.Г.).

¹⁴ Там же. С.267.

тальным подходом к иррациональному со стороны Ф.Хайека можно отметить, что и К.Маркс уделял серьезное внимание проблеме фетишизма и ее специфике при товарном (рыночном) типе воспроизводства. Известный параграф "Товарный фетишизм" из 1 главы I тома "Капитала" - далеко не единственный пример такого внимания.

Ф.Хайека отличает большая тщательность в выборе терминов, относящихся к описанию роли человека в экономике. Выше уже приводился пример с терминами *privat* и *several*. Даже термин экономика он считает неудачным, т.к. греческий оригинал относится к отдельно взятому хозяйству, а не к их совокупности при рыночном типе взаимных связей. Для такой системы он предпочитает термин каталлактика. Но наибольший протест с его стороны вызывает термин "общество", которым, по его мнению, со времен К.Маркса замазывали различия между правительством и другими институтами¹⁵. Как и греческая "экономика", латинское "общество" первоначально описывает довольно целостную систему, своего рода организм (от *socius* - лично знакомый соплеменник, товарищ, компаньон). Соглашаясь с критикой Ф.Хайека по поводу слишком широкого употребления (и даже злоупотребления) этого термина в наше время, следует отметить, что лично К.Марксу ее адресовать нельзя. В его работах очень последовательно различается "*gemain*" и "*gessel*". Первое относится к малым группам, в которых индивиды выступают лишь в определенных ролях, как части целого. Второе относится к атомистически "организованному" гражданскому обществу. К сожалению, в переводах на русский язык эта терминологическая тонкость далеко не всегда учитывалась. Но К.Маркс здесь не при чем.

Ф.Хайек большое внимание уделяет проблеме спонтанности, что естественно для эволюциониста. Причем в качестве основного, если не единственного источника спонтанности в обществе он видит индивида, его свободное поведение. "Открытия, позволяющие кому-то преуспевать, по большей части носят непреднамеренный характер, и предвидеть их невозможно - это не под силу ни тем, кто преуспевает, ни тем, кто проигрывает"¹⁶. Следствием спонтанности поведения индивидов является отсутствие жесткой детерминистской связи между затратами и конечными результатами: "Затраченные усилия, безусловно, повышают шансы индивида, но одни лишь усилия не гарантируют успеха"¹⁷.

Весьма логичен и общий вывод о роли отдельно взятых людей, пусть даже крупных собственников, капиталистов, в общем воспроизводственном процессе: "Им [интеллектуалам] явно не приходит в голову, что капиталисты... на деле и сами являются орудиями безличного процесса: что им точно так же неизвестны предназначения и конечные следствия их действий; что они просто имеют дело с событиями более высокого уровня (и, соответственно, более широкого охвата) в рамках целостной структуры"¹⁸.

Не трудно заметить, что этот вывод очень похож на подход К.Маркса, который фигуры капиталиста и рабочего рассматривал как носителей определенных функций в рамках более общего процесса. О близости подходов этих теоретиков к пониманию человека свидетельствует и такое высказывание Ф.Хайека: "По пути приспособления ведет человека не разум, не врожденное "естественное добро", а только горькая необходимость подчиняться неприятным ему правилам, чтобы сохранить себя в борьбе с конкурирующими группами"¹⁹.

Все это далеко не исчерпывает Хайекову концепцию роли человека в экономике. Остались незатронутыми его размышления о роли рассеянной информации, доступной только отдельно взятым индивидам и только в процессе непосредственной деятельности, а не априорно (здесь он активно использовал подход А.Смита и теорию сравнительных издержек Д.Рикардо применительно к индивиду, мимо чего в свое время прошел К.Маркс), о приспособ-

¹⁵ См. там же. С.194.

¹⁶ Там же. С.129.

¹⁷ Там же. С.204.

¹⁸ Там же. С.143.

¹⁹ Там же. С.134.

соблениии к неизвестному, о справедливости эволюции (точнее, об отсутствии таковой) и о физическом труде как основе специфических представлений о справедливости в распределении производимых благ, о калькуляции жизней. Эти темы в той или иной степени будут затронуты в последующих главах диссертационного исследования.

Сказанное выше позволяет отметить некоторые проблемные узлы, которые остались нерешенными или противоречиво решенными самим Ф.Хайеком. Один из таких узлов прямо связан с его модификацией концепции "экономического человека". Суть этой модификации, как можно заметить из сказанного выше, состоит в переходе от двухуровневой системы "индивид - общество" к трехуровневой: "индивид - группа - общество", что формально сближает ее с принятой в отечественной науке трехчленке "общество - коллектив - трудящийся". В концепции Ф.Хайека свойствами "экономического человека" обладают в основном субъекты среднего уровня, жизнь которых неотделима от взаимодействия друг с другом на рыночной основе. Реальные же индивиды, физические лица, живут одновременно как бы в двух мирах. Как члены группы они вынуждены пользоваться одними правилами в экономических отношениях внутри группы (здесь неизбежны элементы альтруизма, взаимопомощи, поддержки ради выживания группы) и совсем другими - в отношениях с представителями других групп (здесь обязательны элементы эгоизма, который, по Ф.Хайеку, и является сердцевинной естественного отбора на уровне групп).

Выход Ф.Хайека за рамки индивида в понимании человека в экономике - вольный или невольный (скорее всего, невольный) шаг в сторону классического марксизма ("сущность человека не есть абстракт, присущий индивиду"). Однако следующие шаги привели его на позицию, далекую от Марксовой, но очень близкую к критикуемой самим Ф.Хайеком: "каждому человеку устанавливается узаконенная сфера свободы. Это в высшей степени важно, ведь обладание чем-то своим, собственным, пусть и совсем малым - это фундамент формирования самостоятельной личности и особой среды, в рамках которой могут беспрепятственно преследоваться конкретные индивидуальные цели"²⁰. Строго говоря, "совсем малым" обладают и заключенные в тюрьмах. Можно, например, говорить о свободе их передвижения по камере хотя бы в рамках установленного распорядка дня.

Нетрудно заметить, что в приведенном примере подразумевается наличие еще одной группы лиц - тюремщиков, с существенно иной сферой личной свободы. Ф.Хайек полагает, что такой ситуации можно избежать, "одинаково ограничив свободу всех с помощью единых абстрактных правил" (там же). Но ведь подобные правила, согласно его концепции, эволюционно рождаются в процессе конкурентной борьбы между группами и так или иначе несут на себе печать групповых интересов, довлеющих над интересами индивидов. Например, даже в очень демократических странах с высоким уровнем развития "единых абстрактных правил" (скажем, в США) существует большое различие в "узаконенной сфере свободы" между "своими" и "чужими" - не гражданами данной страны. Таким образом, связка "индивид - группа - общество" оказывается довольно-таки неопределенной. Положение "группы" в ней у Ф.Хайека проработано недостаточно.

Второй проблемный узел связан с представлением самоподдерживающегося процесса как некоей целостности, своеобразного материального тела, объекта. Тема эта не является чисто экономической и Ф.Хайек вынес ее рассмотрение в специальное приложение: "Фактор времени и зарождение и репродуцирование структур". В этом кратком приложении, состоящем всего из двух абзацев, Ф.Хайек пишет: "Самоподдерживающиеся и развивающиеся структуры, представленные до какого-то момента лишь определенными материальными воплощениями, обретают самостоятельное бытие, сохраняясь во времени в самых разнообразных манифестациях... Появившись однажды, подобная модель становится такой же состав-

²⁰ Там же. С.111.

ляющей мирового порядка, как и любой материальный объект"²¹. Прочитанное можно рассматривать как личное открытие Ф.Хайека, поскольку он не ссылается здесь на других авторов, хотя в других аналогичных ситуациях он старается не просто дать ссылку, но и указать на первого автора приводимого положения.

Высказав данное положение, Ф.Хайек сделал заметный шаг вперед по сравнению с позицией своего друга и единомышленника К.Поппера. Последний в методологической работе "Нищета историцизма" (в названии - полемика с "Нищетой философии" К.Маркса) по сути дела не замечает объектов такого типа, не чувствует их специфики. "Когда мы берем какой-то организм и переносим его в другое место, мы обращаемся с ним, как с физическим телом, пренебрегая многими другими его сторонами. Убивая его, мы разрушаем некоторые его качества, но ни в коем случае не все. В сущности мы не можем разрушить всю совокупность его свойств и всех взаимных связей его частей, даже если разобьем его вдребезги или сожжем"²². Как видно из этого рассуждения, К.Поппер не делает различия между вещью и ее субстанцией. Для него всякая вещь, целостность - это система, состоящая из вещных же частей, целостностей. То, что такое понимание целостности уводит в дурную бесконечность, К.Поппер вряд ли замечает.

Между тем, далеко не всякая целостность "состоит" из частей. Всякий циклический, самоподдерживающийся процесс обладает свойством целостности, но его "частями" являются не вещные элементы, а отдельные метаморфозы, определенная замкнутая последовательность которых и обретает "самостоятельное бытие". Если процесс прерывается, то вместе с целым исчезают и его "части", хотя вещи, через изменения которых и реализуется бытие цикла, продолжают существовать. Вообще говоря, только по отношению к таким самоподдерживающимся структурам, циклам-предметам и актуальна постановка вопроса о "выживании".

Итак, Ф.Хайек видит и фиксирует специфику циклических, самоподдерживающихся структур, понимает, что они присутствуют и в жизни человека, в экономике и даже пользуется термином деятельность для обозначения одной из них: "... С помощью этих частичных и фрагментарных сигналов [цен - Л.Г.] к условиям, которых ни один отдельный человек не в состоянии предвидеть или знать, приспосабливается структура деятельности в целом... Вот почему выживает эта структура..."²³. Ни в коей мере не умаляя заслуги Ф.Хайека, судя по всему, самостоятельно пришедшего к этому важному выводу вопреки методологическим традициям неоклассического направления, следует иметь в виду, что задолго до него специально исследовал подобные структуры Г.Гегель, причем с акцентом на специфику саморазвития культуры. Странно, что Ф.Хайек, с таким вниманием отнесшийся к И.Гердеру и другим немецким ученым-культурологам конца XVIII века, не заметил эту исполинскую фигуру, ее реальный вклад в понимание эволюции.

Видимо, незнание Ф.Хайеком аппарата исследования самоподдерживающихся структур, предложенным Г.Гегелем, не позволило ему плодотворно разработать эту идею. Ф.Хайек прошел мимо разнообразия циклических процессов и в жизни человека, человеческого рода. Даже такого термина - "человеческий род" нет в его работе. Нет для него и проблемы выживания человеческого рода, а только проблема выживания цивилизации. Причем ее решение он видит не в постоянном повышении качества реально живущих людей (их все более свободном развитии), а в количестве будущих людей. "Не на сохранение и поддержание наибольшего количества жизней ныне существующих людей направлена эволюция, а на максимизацию ожидаемого потока будущих человеческих жизней"²⁴. Не трудно заметить, что эта формула - точная калька неоклассического представления о долгосрочной максими-

²¹ Там же. С.256-257 (курсив мой - Л.Г.).

²² Поппер К. Нищета историцизма. Вопросы философии. 1992. №9. С.34 (курсив мой - Л.Г.).

²³ Хайек Ф. Цит. соч. С.134 (курсив мой - Л.Г.).

²⁴ Там же. С.227 (курсив Ф.Хайека - Л.Г.).

зации прибыли как стратегической цели корпорации. И такая же не конструктивная, не поддающаяся проверке из-за неопределенности понятий "долгосрочный период", "ожидаемый поток будущих жизней".

Но, возможно, дело не столько в незнакомстве Ф.Хайека с диалектикой Г.Гегеля, сколько в невозможности следовать ей. Ведь, сказав "а", т.е. признав самоподдерживающиеся и развивающиеся структуры такой же реальностью, как и любой материальный предмет ("объект"), надо было сказать и "б", т.е. признать самостоятельное бытие и за обществом как за самовоспроизводимым предметом, определенной целостностью. А это для Ф.Хайека равносильно "персонификации" общества, т.е. грех, который он признает за Гегелем, Кантом и Марксом²⁵, и которого не хочет совершать сам.

В рассматриваемой работе Ф.Хайека нет ни одной математической формулы. В отличие от многих экономистов-неоклассиков он не фетишизирует этот аппарат и даже считает его недостаточным для описания поведения человека в экономике. "Некоторые дурные повадки закрались в материалистический анализ рыночного процесса и подчас вводят в заблуждение даже опытных, хорошо подготовленных экономистов. Распространена, например, практика ссылаться на "существующее состояние знания" и на информацию, доступную участникам рыночного процесса, как на нечто "данное" или "заданное" (иногда даже пользуются плеоназмом "заданные данные"), как бы предполагая, будто это знание существует не только в рассеянном виде, но и что оно может целиком сосредоточиться в каком-нибудь одном уме. Это не позволяет прояснить характер конкуренции как процедуры открытия"²⁶.

Тем не менее, есть некоторые основания и его причислять к последователям классического, декартовского рационализма вместе со всеми экономистами-неоклассиками. Применяемый ими аппарат - от кривых спроса и предложения, безразличия до оптимизации в многомерных декартовых пространствах - это всего лишь более или менее сложное перемещение (точек) в абсолютном пространстве. "Человеческое тело постепенно приобрело способность усваивать чрезвычайно сложные принципы, позволяющие ему успешнее перемещаться в окружающей среде"²⁷.

Конечно, перемещение - одно из реальных изменений, которые могут претерпевать тела, предметы, причем весьма специфическое. Об этом подробнее речь пойдет во второй главе данной работы. Однако к нему нельзя сводить все многообразие возможных изменений. Это во-первых. Во-вторых, классический тип рациональности, во многом навеянный достижениями небесной механики, основывался на представлении, что познающий разум как бы со стороны созерцает мир и таким путем познает его. Задача познания состояла в построении объективной картины реальности, описании изучаемых объектов как бы "самих по себе", без воздействия на них наблюдателя, познающего субъекта. Предполагалось, что можно открыть единственно правильный метод, гарантирующий построение истинной теории на основе фактов²⁸.

Теория предпочтений, опирающаяся только на факты выбора людьми (потребителями) из нескольких альтернатив одной и лежащая в основе "основного течения", - это как раз методологический идеал, соответствующий философским представлениям о рациональности примерно двухвековой давности. Автономия личности здесь сводится только к несоизмеримости индивидуальных функций предпочтения в потреблении. А о сфере производства предполагается, что все фирмы предпочитают минимизировать издержки при ограниченном выпуске и максимизировать прибыль при ограниченных ресурсах. Впрочем, нет ничего удивительного в том, что это течение продолжает базироваться на столь старом философском багаже. Ведь концепция "экономического человека" - его ровесница.

²⁵ См. там же. С.187.

²⁶ Там же. С.172-173.

²⁷ Там же. С.42-43 (курсив мой - Л.Г.).

²⁸ См. Степин В.С. Деятельностная концепция знания. Вопросы философии. 1991. N8. С.132.

Между тем, за последующие века в философии понимание рациональности радикально обновлялось по крайней мере два раза. Первый раз - на рубеже XIX и XX веков на основе революции в естествознании и последующего создания квантово-релятивистской физики. Второй раз - в последние десятилетия на основе развития междисциплинарных исследований сложных человеко-машинных систем. Первое обновление привело к появлению неклассической рациональности, второе - постнеклассической (как видим, собственных названий для новых представлений о рациональности философы пока не нашли).

Неклассический тип рациональности исходит из того, что наблюдатель не извне изучает мир, а находится внутри него, и не пассивно отражает, а активно участвует в жизни. Довольно четкое представление о новом типе рациональности дал В.И. Ленин в известном афоризме, подытожившем размышления Г.Гегеля на эту тему: "Сознание (человека) не только отражает объективный мир, но и творит его"²⁹. Возникли представления о многообразии методологий исследования, о возможности и даже желательности эквивалентных описаний одной и той же реальности³⁰. Но так произошло в естествознании. В общественном знании же, в том числе и в экономике и даже в философии, до применения одним исследователем различных методологических подходов и даже до мирного сосуществования представителей различных подходов пока далеко.

Например, опыт издания в США в 80-е годы журнала "Экономика и философия" привел его редакторов к таким выводам: "Наиболее острые расхождения относительно стандартов взаимных оценок прошли не по линии, разделяющей философов и экономистов, а между различными школами экономистов и различными школами философов. Трудности, с которыми сталкивался философ, когда хотел получить должную оценку своей работы со стороны экономиста - ничто по сравнению с трудностями, возникавшими, когда нужно было, чтобы неокейнсианец оценил работу представителей "австрийской" школы или индуктивист - работу попперианца"³¹.

Между тем, экономическая жизнь, похоже, подтверждает онтологическую включенность науки в реальность. На примере развитой рыночной экономики это хорошо иллюстрирует следующее соображение: "Монетаризм или кейнсианство - любая из моделей будет работать одинаково хорошо, все будет зависеть от того, которую из двух моделей участники согласятся считать истинной. Так, например в течение достаточно долгого периода данная модель может работать достаточно хорошо (как это было, например, с кейнсианской моделью, которая продержалась почти четыре десятилетия) благодаря молчаливому согласию участников, но потом ее сменяет другая модель (например, монетаризм), которая тоже в свою очередь может работать хорошо, если получает поддержку возрастающего числа участников. Модель в таком понимании становится обобщенным продуктом соглашения, определяющего ожидаемые действия участников"³². Поистине сознание (ученых-экономистов) в какой-то мере творит мир, в котором живут люди. Но и это не все.

Если на этапе неклассической методологии науки внимание обращалось главным образом на объектные структуры деятельности, то в постнеклассической методологии требуется, кроме того, учитывать особенности субъектных структур деятельности в их историческом развитии: особенности субъект-субъектных связей, ценностей и целей деятельности субъектов, их соотносительности с ценностями соответствующего общества³³. В экономической жизни тоже имеется "объект", изучение которого требует именно такого понимания рациональности. Речь идет о планирующих структурах. "Японское правительство не являлось собствен-

²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.194.

³⁰ См. Степин В.С. цит. соч. С.133.

³¹ Цит. по Ананьин О.И. "Экономическая теория: кризис парадигмы и судьба научного сообщества" М.: ИЭ РАН. 1992. С.21.

³² Мерсер Д. ИБМ: управление в самой преуспевающей компании мира. С.443-444.

³³ См. Степин В.С. Цит. соч. С.137.

ником корпораций, но оно успешно ими управляло, позволяя им участвовать в выработке (и, что еще более важно, в реализации) планов национального развития. "Чудо", возникшее из этого симбиоза государства и корпораций,... может возрасти и на западной почве. Все, что для этого нужно, - это главным образом вера в необходимость диалога и доверия к партнерам, чтобы выработать подходящую рациональную модель. Располагая одной из самых совершенных систем планирования в мире, ИБМ может привнести в этот процесс много ценного, еще больше - получить от него. Тоже самое можно сказать обо всех МНК и почти обо всех государствах"³⁴.

Нельзя сказать, что "основное течение" совсем проходит мимо субъект-субъектных отношений. Учет в явном виде рыночного "трения", т.е. издержек, связанных с поиском партнеров, ведением переговоров, страхованием коммерческих рисков (в целом - транзакционных издержек) позволил отчасти ввести в микроэкономическую теорию изучение института собственности. "Теорема Коуза" об оптимизации распределения прав пользования независимо от исходного распределения прав собственности рыночных агентов излагается сейчас во всех учебниках по экономической теории. Более того, этот подход позволил включить в неоклассический анализ отношения не только на рынке, но и внутри фирм - между собственниками факторов производства и управляющими. Но ключевые проблемы, трудные для решения в рамках концепции "экономического человека", так и остались нерешенными. Это уже упоминавшиеся проблемы отношения "реальных" агентов с "нереальными", т.е. с будущими поколениями, и отношения индивидов с наиндивидуальными экономическими "агентами".

Неоднократно цитировавшийся управляющий из ИБМ подчеркивает, что аппарат микроэкономической теории практически не пригоден для понимания феномена крупных корпораций. В частности, он особенно подчеркнул культуру, особую концепцию человека как решающий фактор функционирования и успеха ИБМ. "Собственно, управление осуществляется с помощью немногих, очень простых и нетрадиционных, но мощных механизмов. Никакие обычные инструменты управления не могут обеспечить их точную настройку, и только благодаря исключительно сильной культуре достигается интегрирование в систему. Именно корпоративная культура оказывается, в конце концов, той "невидимой рукой", которая правит ИБМ"³⁵.

Таким образом, по нашему мнению, проверка концепции "экономического человека" на соответствие современным философским представлениям о рациональности показывает ее некоторую методологическую устарелость. Впрочем, к аналогичным выводам приходят и участники крупных дискуссий об обоснованиях экономической науки, развернувшихся в 80-е годы на Западе. Один из главных возмутителей методологического спокойствия, Д.Мак-Клоски в 1989 г. резюмировал ситуацию так: "Многие экономисты, которыми я восхищаюсь, объясняются в позитивистских терминах - Фридман, Армен Алчиян, Гарольд Демзетц, Роберт Фогель. Я думаю, что это говорит лишь о том, что можно быть хорошим экономистом и плохим философом"³⁶.

Но философская оценка экономической методологии - не единственная и даже, может быть, не самая фундаментальная, когда речь идет о роли человека в экономике. Более фундаментальной представляется общекультурная оценка. В данном случае, поскольку концепция "экономического человека" - феномен европейской науки, можно говорить об иудейско-христианской культурной традиции и ее современных трактовках.

Пожалуй, первая особенность этой традиции - подчеркивание господствующего положения человека в природе, его потребительское отношение к ней, заявленное в первых же

³⁴ Мерсер Д. Цит. соч. С.447.

³⁵ Мерсер Д. Цит. соч. С.204.

³⁶ Цит. по Ананьин О.И. Экономическая теория на пути к новой парадигме. М.: ИЭ РАН. 1992. С.30.

стихах Ветхого Завета: "И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле"³⁷. Такое потребительское отношение к природе очень отличается от восточного стремления к гармонии с природой, равенству, а не господству над ней.

Вторая особенность, тесно связанная с первой - подчеркивание индивидуального начала по сравнению с коллективным. Поскольку бог един, то и человек, созданный по его образу, единичен. Кроме того, душу он получает непосредственно от создателя в личное пользование, "без права передачи". И в этом иудейско-христианская традиция противостоит восточной, которая предполагает вечность душ, принимающих разное воплощение, инкарнацию. Причем, "переселение" души может быть и от животного к человеку, и обратно.

Третья особенность, отличающаяся уже чисто христианскую традицию, состоит в признании абсолютного равенства (перед богом) всех индивидов и возможность спасения каждого из них в отдельности после "конца света", исчезновения человеческого рода.

Нетрудно заметить, что концепция "экономического человека" в полной мере соответствует общекультурным представлениям западной культурной традиции, как она сформулировалась несколько тысячелетий назад. Но за те два века, что прошли с момента формирования концепции "экономического человека", многое в мире изменилось. Изменились и акценты в христианской традиции. Вот примеры таких изменений, впервые опубликованные в 1957-1958 гг. доцентом свящ. К.Войтылой: "И Ветхий, и Новый Завет подчеркивают все обязанности, связанные со справедливостью и любовью; справедливость же и любовь - добродетели, общественные по своей сути... Человек создан Богом для господства над теми существами видимого мира, которые стоят ниже его, и для совместной жизни с существами подобными, равными ему... Если исходить из единичного человека, природа которого никак не велит ему принадлежать обществу, если общество и социальная жизнь - только результат договора, как утверждали, например, Юм, Гоббс или Руссо, тогда индивид тоже имеет право во всем диктовать обществу свою волю... Любая точка зрения, исходящая из таких посылок, какую бы программу она ни провозглашала, - это индивидуализм. Тогда индивид первичнее и важнее общества, а общество, которое своим бытием обязано его воле (воле многих индивидов), существует исключительно для него (для них)...

Итак, в своем споре с эмпиризмом и позитивизмом, за которыми кроется этический утилитаризм, христианская этика защищает не только христианские добродетели, бесценный дар Откровения, но и сами основы этих добродетелей в человеке, их право на существование. Человек свободен, но свобода эта не означает независимости от общества... Человеческая личность не может развиваться и совершенствоваться вне общества"³⁸.

Под этими словами священника, будущего Папы Иоанна-Павла II, могут подписаться и марксисты, и даже ленинцы. Как видно из них, в современном мире концепция "экономического человека" теряет и общекультурную основу. О признании на Западе ее методологической устарелости выше уже говорилось.

2. Человек как родовое существо в экономическо-философских работах основоположников марксизма

В предыдущем параграфе уже затрагивался ряд существенных моментов Марксовой концепции человека в экономике. Особенно часто это приходилось делать при анализе взглядов Ф.Хайека, поскольку он часто пытался противопоставить свой подход Марксовому. Здесь нам придется отчасти затрагивать тему следующего, третьего параграфа, поскольку то, что писал, например, К.Маркс, и то, как это понимали отечественные философы и экономисты - это далеко не одно и то же.

³⁷ Быт. 1-26.

³⁸ Войтыла К. "Основания этики". Вопросы философии 1991. N1. С.52-53.

Прежде всего, человек для К.Маркса - это не индивид, точнее, далеко не только индивид, как это считает большинство обществоведов, относящих себя к марксистам, и утверждавшим, что человек - это "совокупность общественных отношений". Такое понимание, текстуально похожее на Марксово, ближе всего к бихевиористской концепции "ансамбля социальных ролей", которые играют индивиды в различных ситуациях. Но, согласно 6-му тезису о Фейербахе, "сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду"³⁹. Тем самым К.Маркс четко различил человека и индивида в том, что касается сущности этого феномена. Лишь затем он продолжил: "В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений". Какова же эта совокупность? В нее входят, во-первых, отношения индивида с самим собой, во-вторых, его отношения с современниками и, в-третьих, его же отношения с предшествующими и последующими поколениями людей. Именно эта совокупность отношений отдельного индивида описывает его как родовое существо, представляет собой специфический Марксов взгляд на природу человека.

Нетрудно заметить, что отношения с современниками далеко не исчерпывают "совокупности общественных отношений", хотя именно их потом экономисты-марксисты взяли в качестве единственного предмета исследований. Можно сказать даже больше. Отношения с современниками сами по себе вообще не являются специфическими для человека, поскольку они существуют и у любых других живых существ. Есть даже наука - этология - которая изучает поведение животных, распределение ролей и т.п. Специфичны для человека отношения к самому себе (саморефлексия) и отношения к другим поколениям (уже и еще не существующим). К сожалению, эти отношения практически не попали в поле зрения экономистов, и неоклассиков и марксистов. Единственное исключение - отношение функционирующих предпринимателей к собственным ресурсам как к заемным в условиях развитых отношений аренды факторов производства.

Итак, концепцию К.Маркса отличает, прежде всего, объемное понимание человека - и как индивида, и как современников, поколения, и как человеческий род, совокупность всех поколений, включая будущее. "История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями"⁴⁰. "Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не есть собственные земли. Они лишь ее владельцы, пользующиеся ею и, как добрые отцы семейств, они должны оставить ее улучшенной последующим поколениям"⁴¹.

Во-вторых, концепцию К.Маркса отличает гораздо более широкое понимание производства, чем это принято у большинства его последователей, различающих только материальное производство в узком смысле (производство вещей) и производство в широком смысле (производство, распределение, обмен и потребление вещей, взятое в целом).

Для нескольких поколений советских ученых - специалистов по воспроизводству основу их категориального аппарата составляют известные схемы К.Маркса, в целом "Капитал" и "Введение" из "Экономических рукописей 1857-1859 годов". Именно в этом "Введении" К.Маркс дал свое описание производства, распределения, обмена и потребления как взаимосвязанных моментов материального производства безотносительно к какому-либо определенному способу производства. Это описание, ставшее классическим, широко используется и сейчас, несмотря на его историческую ограниченность.

В самом деле, что в этом описании в центре внимания, чья жизнь - людей или вещей? Вещей. Именно они производятся, распределяются, обмениваются и потребляются. К.Маркс во "Введении" не столько дает изложение своего подхода к воспроизводству жизни обще-

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.3.

⁴⁰ Там же. Т.3. С.44-45.

⁴¹ Там же. Т.25. Ч.II. С.337.

ства, сколько критикует метафизичность подходов буржуазных ученых, искусственно разрывающих эти моменты жизни вещей в процессе жизни человека и общества. По сути дела, все это рассуждение, имеющее вид универсального, всеобщего, относится главным образом к капиталистическому способу производства.

Следовательно, "Введением" никак нельзя ограничиваться при формировании исходных положений теории воспроизводства, его надо вписывать в более широкий, более фундаментальный контекст. Контекст материальной жизни общества.

Строго говоря, этот контекст присутствует и во "Введении". Причем настолько разнообразно, что может показаться, что его вполне достаточно для рассмотрения производства не только вещей, но и людей. Можно даже указать на весьма современную по времени издания книгу "Воспроизводство человека: политико-экономический аспект", автор которой пытается во всем опираться именно на "Введение". Обозначение производства человека как производства "второго вида" здесь трактуется как сугубо марксистское⁴² со ссылкой и на "Введение", и на предисловие Ф.Энгельса к "Происхождению семьи, частной собственности и государства". У нас еще будет повод обратиться к этой работе Ф.Энгельса. А во "Введении" на странице, указанной Ю.Н.Нетесиным, К.Маркс пишет: "Однако, говорит политическая экономия, это идентичное с потреблением производство есть второй вид производства, проистекающий из уничтожения продукта первого"⁴³.

Как видно, сам К.Маркс не считал себя автором термина "производство второго вида", а тремя страницами позже подчеркивает, что отождествление этих процессов (производства и потребления) - ошибка не только гегельянцев, но и самых прозаических экономистов.

К сожалению, категория "жизнь" пока не входит органично в методологический аппарат экономистов в нашей стране. Может быть, и в этом проявляется отход нашей теории от реальной жизни? Если теория абстрагируется от жизни, то с таким же успехом (и с такими же потерями) жизнь абстрагируется от теории. Возможно, работать с категорией "жизнь" трудно даже в чисто методологическом отношении. Не случайно она у Гегеля появляется только в третьей части "Науки логики", в учении о понятии. Эту категорию заметил и оценил В.И.Ленин ("Мысль включить ж и з н ь в логику понятна - и гениальна")⁴⁴, чуть раньше него - С.Н.Булгаков, положивший пару "жизнь - смерть" в основу книги "Философия хозяйства" ("Хозяйство есть борьба человечества с стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни"...может ли хозяйство преодолеть смерть? Нет, человек всегда останется рабом смерти)⁴⁵, но до недавнего времени практически игнорировали экономисты. И сейчас еще приходится согласиться с упреком, что "экономисты обычно пишут о производстве и воспроизводстве общественного продукта, национального дохода, производительных сил. Вопросам воспроизводства общества и человека больше внимания уделяют философы: у них имеются довольно серьезные попытки преодолеть сведение производства к производству вещей, продукта, выйти на объяснение производства самой непосредственной человеческой жизни, социальных отношений, образа жизни"⁴⁶.

Что же касается К.Маркса, то у него категория "жизнь" работает во всех экономических трудах - и в самых ранних (с первых строк первой экономическо-философской рукописи 1844 г. - "Заработная плата определяется враждебной борьбой между капиталистом и рабочим. Побеждает непременно капиталист. Капиталист может дольше жить без рабочего, чем рабочий без капиталиста"⁴⁷, и в самых поздних. (В 1881 г. в первом наброске ответа на письмо В.И.Засулич он писал: "Чтобы быть в состоянии развиваться, необходимо прежде

⁴² См.: Нетесин Ю.Н. Воспроизводство человека: политико-экономический аспект. Рига. 1988. С.48.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. С.27 (курсив мой - Л.Г.).

⁴⁴ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.29. С.184.

⁴⁵ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1912. С.43-45.

⁴⁶ Ельмеев В.Я. Воспроизводство человека и общества. М., 1988. С.11.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.42. С.47.

всего жить... Жизнеспособность первобытных общин была неизмеримо выше жизнеспособности семитских, греческих, римских и прочих обществ, а тем более жизнеспособности современных капиталистических обществ"⁴⁸.

В работе "Происхождение семьи, частной собственности и государства" Ф.Энгельс писал: "Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны - производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой - производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны - труда, с другой - семьи"⁴⁹.

Наиболее известная характеристика значения именно материальной жизни дана К.Марксом в предисловии к "Критике политической экономии": "В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения... Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще"⁵⁰. Человеческая жизнь постоянно подразумевается и по мере необходимости упоминается в "Капитале". "Размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию"⁵¹. Он доказывал, что "строй общественного жизненного процесса, т.е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда оно станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем"⁵². Он считал, что "процесс труда, как мы изобразили его в простых и абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей... вечное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам"⁵³.

Абстрактные моменты, о которых говорилось в приведенной только что цитате, - это набор элементов производительных сил, ориентированных на вещные условия жизни человека. Но К.Маркс в "Капитале" говорил и о потребительных силах по отношению к этим же условиям жизни, т.е. рассматривал эту категорию как парную производительным силам. "Условия непосредственной эксплуатации и условия реализации ее не тождественны, - писал он. - Они не только не совпадают по времени и месту, но и по существу различны. Первые ограничиваются лишь производительной силой общества, вторые ограничиваются пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества. Но эта последняя определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной силой, а потребительной силой на основе антагонистических отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму"⁵⁴.

Речь здесь идет о капиталистической эксплуатации на основе товарно-денежных отношений, и, кажется, можно было бы поэтому говорить об ограничивающем воздействии уровня оплаты труда на потребление рабочих, на удовлетворение их потребностей, наконец, о спросе как форме выражения этих потребностей. Однако К.Маркс предпочел более общий, универсальный термин, точно корреспондирующий именно с производительной силой. Здесь он прямо продолжил традицию, заложенную Ф.Энгельсом еще в 1844 г. в "Набросках к кри-

⁴⁸ Там же. Т.19. С.408,402.

⁴⁹ Там же. Т.21. С.25-26.

⁵⁰ Там же. Т.13. С.6 (курсив мой - Л.Г.).

⁵¹ Там же. Т.23. С.85 (курсив мой - Л.Г.).

⁵² Там же. С.90 (курсив мой - Л.Г.).

⁵³ Там же. С.195 (курсив мой - Л.Г.).

⁵⁴ Там же. Т.25. Ч.I. С.268 (курсив мой - Л.Г.).

тике политической экономии": "Истина конкуренции состоит в отношении потребительной силы к производительной силе. В строе, достойном человечества, не будет иной конкуренции, кроме этой"⁵⁵. Таким образом, пара "производство - потребление материальных благ", описывающей жизнь общества как реальный процесс присвоения предметов природы, соответствует пара "производительные силы общества - потребительные силы общества" на уровне потенций, возможностей общества.

К сожалению, до недавнего времени категория "потребительная сила" не привлекала у нас должного внимания. Об этом, в частности, свидетельствует ее отсутствие в предметном указателе к собранию сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса.

Между тем именно ее, в паре с "производительной силой человека", можно рассматривать как естественный способ ввести субъектность в производственные отношения.

Представляется, что, вставая на обычную точку зрения нашего политэкономо-профессионала (предмет политической экономии - производственные отношения, понимаемые лишь как отношения по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ), мы и на "Капитал" смотрим несколько односторонне. Вот один пример такой односторонности. В русском переводе предисловия К.Маркса к первому изданию I тома "Капитала" можно прочесть, что предметом его исследования "...является капиталистический способ производства (жизни общества? - Л.Г.) и соответствующие ему отношения производства и обмена (материальных благ? - Л.Г.)"⁵⁶. Эту семантически неполную формулировку мы укоротили еще больше, убрав слова о способе производства и оставив только отношения производства и обмена. Такая формулировка уже в явном виде на передний план выдвигает именно вещи, по поводу производства и обмена которых возникают какие-то отношения.

После механического добавления к ним отношений распределения и потребления, почерпнутых из "Введения", и получается ставшее уже каноническим определение производственных отношений как отношений, возникающих между людьми по поводу производства, распределения, обмена и потребления жизненных благ. Оно воспроизведено и в новейших учебниках⁵⁷. Движение от такого понимания производственных отношений к категории "способ производства" уже как бы автоматически подразумевает только одно: "материальных благ", самое большее - "жизненных благ" и исключает иное: "материальной жизни общества".

Между тем в "Капитале" имеется и более развернутая формулировка процесса производства вообще и его капиталистической формы (способа) в частности: "Капиталистический процесс производства есть исторически определенная форма общественного процесса производства вообще. Этот последний есть одновременно и процесс производства материальных условий существования человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих производственных отношений, а тем самым и носителей этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, то есть определенной общественно-экономической формы последних. Ибо совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу и при которых они производят, - эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры. Капиталистический процесс производства, подобно всем его предшественникам, протекает в определенных материальных условиях, являющихся, однако, в то же время носителями определенных общественных отношений, в которые вступают индивидуумы в про-

⁵⁵ Там же. Т.1. С.562.

⁵⁶ Там же. Т.23. С.6.

⁵⁷ См.: Политическая экономия. Учебник для вузов. М., 1988. С.48; Введение в философию. Учебник для вузов. Ч.2. М., 1989. С.428.

цессе воспроизводства своей жизни"⁵⁸.

Эта мысль К.Маркса в контексте рассматриваемой здесь проблемы интересна целым рядом моментов. Во-первых, видно, что под производством вообще понимается нечто большее, чем производство (и воспроизводство) материальных благ, вещей, - речь идет именно о производстве и воспроизводстве жизни людей. Все остальное рассматривается только как стороны, аспекты этого производственного процесса. Во-вторых, в качестве таких существенных, несводимых друг к другу сторон выделяются три: а) производство материальных условий существования (это - не только предметы потребления и средства производства, к ним можно добавить и более общие материальные условия жизни человека); б) производство производственных отношений; в) производство носителей процесса производства. В-третьих, сам носитель К.Марксом не персонифицирован, хотя, казалось бы, ясно, что под носителем подразумеваются люди, субъекты, физические и юридические лица (термин "носители" в этой работе будет использоваться довольно широко). Однако последующий ход мысли показывает, что это сделано специально, что есть такая форма производства, которая от всех предшествующих ей отличается именно тем, что носителем определенных отношений становятся определенные материальные условия. (В "Капитале" К.Маркс показал, что таким условием становится машина как орудие труда, машинное производство как адекватная материальная основа капиталистической формы жизни общества.) В-четвертых, производственные отношения здесь только названы, но не определены. Указано лишь, что это отношения носителей производства к природе и друг к другу, при которых они производят. Из этого можно сделать только один вывод: "отношения производства и обмена" материальных благ не вполне соответствуют этим указаниям, ибо это отношения непосредственно производства, причем понимаемого весьма односторонне.

Почему же в предисловии к "Капиталу" К.Маркс употребил именно это выражение - "капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена"? Почему он не продолжил "распределения и потребления"? Ответ на эти вопросы можно найти в немецком издании "Капитала", где на месте слова, переведенного на русский язык как "обмен", стоит слово *Verkehr*, которое гораздо более многозначно (движение, связь, общение и др.). В немецком же языке слову "обмен" соответствует *Austausch*. Вряд ли можно предположить, что К.Маркс допустил здесь употребление разных терминов для одного и того же понятия. Логичнее исходить из того, что он в одном и том же произведении употреблял разные термины для разных понятий, которые и в переводе следовало бы сохранить как разные. На наш взгляд, именно потому, что речь идет об отношениях производства и общения (а не только обмена как частной, весьма специфической формы общения), этот ряд не может быть продолжен "фазами" (распределения и потребления материальных благ). Если его и продолжать, то только словами: "людей, носителей жизни общества". Почему же был сделан именно такой перевод? Интересно, что появился он не сразу. В первом русском издании I тома "Капитала", появившемся в Петербурге в 1872 г., соответствующий термин оригинала был переведен как "обращение" с указанием в скобках немецкого слова (*Verkehrverhältnisse*), что отражало неуверенность в точности передачи смысла, затруднения с подбором русского эквивалента. Затем появился другой термин - обмен - и сомнения исчезли. Почему это произошло?

Скорее всего, невольным виновником трансформации перевода этого термина стал сам К.Маркс, под наблюдением которого в том же 1872 г. вышел чуть переделанный французский перевод, где в этом же месте было употреблено слово *echange* (обмен)⁵⁹.

Способствовало закреплению этой упрощенной трактовки определение политической экономии, которое Ф.Энгельс дал в "Анти-Дюринге" с ведома и одобрения К.Маркса, не

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25. Ч.II. С.385 (курсив мой - Л.Г.).

⁵⁹ См.: Marx K. *Le Capital*. Paris. 1872. P.10.

только прочитавшего эту работу в рукописи, но и написавшего одну из глав как раз в отделе "Политическая экономия". Вот это определение: "политическая экономия, в самом широком смысле, есть наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе"⁶⁰ (для сравнения: "Политическая экономия есть наука, изучающая условия освобождения человека от рабства природе"⁶¹). На наш взгляд, к этому определению надо бы подойти с учетом общего характера "Анти-Дюринга" как работы полемической. На необходимость учета подобных моментов указывалось еще в 20-х гг. Заслуживают внимания такие, например, строки: "Хотя Энгельс и противопоставляет взглядам Дюринга свои и Марксовы взгляды, все же это противопоставление и обоснование основных положений теории строится часто не в систематическом порядке, но приспособляясь к ходу полемики с Дюрингом; в связи с этим, выдвигаются, подчеркиваются то одни, то другие стороны теории, сообразно с тем, какие из них в данный момент лучше выражают различие взглядов, лучше подчеркивают неправильность взглядов Дюринга. Не является вполне самостоятельной, строго исследовательской работой и другая работа Энгельса, также дающая материал по вопросу о классах, его "Происхождение семьи, частной собственности и государства"... Только в свете выводов, полученных из анализа положений Маркса, выясняются во всей их совокупности, в их единстве, взгляды самого Энгельса на существо классов. С другой стороны, в силу указанных выше особенностей трудов Энгельса, нельзя изучать его воззрения на основе отдельных, оторванных друг от друга, отрывков из его произведений, необходимо привести их связь как друг с другом, так и с общим учением Энгельса об обществе"⁶².

В данном случае Ф.Энгельс критиковал Е.Дюринга за "выпячивание" процесса распределения как чего-то самостоятельного и "задвижение" обмена, обращения внутрь процесса производства. Для такой полемики, остававшейся на почве капиталистической и докапиталистической реальности, вполне хватало указанного определения. Точно так же в главе X этого же отдела (Из "Критической истории"), написанной К.Марксом, сравнительно много внимания уделено экономическим взглядам греков, Петти, Локка, Юма и Кенэ и практически ничего не сказано ни о Смита, ни о Рикардо. И здесь дело было не в действительной роли тех или иных личностей в развитии политической экономии, а в полемике с Е.Дюрингом, ведущейся в русле критики его взглядов на отдельных ученых.

Однако для анализа современной экономики представление о предмете политической экономии как отношениях производства и обмена оказывается как минимум недостаточным и даже не вполне корректным. Во всяком случае, в "Капитале" есть и другое определение производственных отношений, которым К.Маркс широко и с большим успехом пользовался при анализе самых различных способов производства, включая и докапиталистические, и социализм. Причем в этом определении К.Маркс явно оперирует именно с субъектами воспроизводства. Вот это известное определение: "Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям - отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, - вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства"⁶³.

Нетрудно заметить, что хотя сам термин "производственные отношения" здесь отсутствует, речь по существу идет именно об этой категории, причем взятой в подчеркнuto обшей форме (всегда, всякая...). Это видно из положения, которое эти отношения занимают

⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.150.

⁶¹ Булгаков С.Н. Краткий очерк политической экономии. М., 1906. С.7.

⁶² Архив К.Маркса и Ф.Энгельса. М., 1924. Т.I. С.415-416.

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25. Ч.II. С.354 (курсив мой - Л.Г.).

"между" производительными силами и надстройкой (в следующем предложении К.Маркс прямо называет их экономическим базисом). Корреспондируют они и с уже упоминавшимися указаниями из третьего тома "Капитала" - отношение к природе (условиям производства, в том числе и к человеку как существу природному - фактору производства), и друг к другу (собственник к производителю).

Сам К.Маркс дал эту формулировку при анализе земельных отношений в условиях азиатского способа производства (который имеет для нас особый интерес, так как собственность на землю при этом государственная, а пользование ею - коллективное и индивидуальное), а затем с помощью этого категориального аппарата решает проблему земельной ренты, оставшуюся в наследство от Д.Рикардо. Речь идет о разделении двух видов монополии - монополии собственности на землю и монополии ее хозяйственного использования. Аналогичный подход К.Маркс применяет и при анализе разделения капитала на капитал-собственность и капитал-функцию.

Следует также обратить внимание на то, что здесь К.Маркс говорил не о средствах производства и не просто об их соединении с личным фактором, а об условиях производства, включающих и главную производительную силу - человека (точнее, его рабочую силу), соединение которых всегда опосредуется отношениями собственников и непосредственных производителей. Именно это выражение (условия производства) он употребляет и в "Критике Готской программы": "...было вообще ошибкой видеть существо дела в так называемом распределении и делать на нем главное ударение. Всякое распределение предметов потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Распределение же последних выражает характер самого способа производства"⁶⁴.

На это есть смысл обратить внимание. Мы обычно говорим, что работник при капитализме отделен от средств производства, не является их собственником. Иными словами, в формулу "отношения собственника условий производства и непосредственного производителя" мы на место первого субъекта - собственника - ставим капиталиста, а на место второго - производителя - ставим рабочего. А нельзя ли поменять этих субъектов местами? В этом случае рабочий выступает как собственник одного из условий производства - рабочей силы, а капиталист - в качестве непосредственного производителя. Представляется, что такой вариант формулы имеет ничуть не меньшее право на существование, чем стандартный. Во всяком случае, именно в него хорошо укладываются и зачаточные формы капиталистических производственных отношений, и самые современные, чего нельзя сказать о стандартном.

Например, на заре развития капитализма в России капитал проникал в жизнь крестьян и ремесленников через централизацию торговли (сначала сбыта готовой продукции, потом снабжения материалами). Работники хотя и использовали собственные орудия труда, но самостоятельными хозяевами, производителями в точном смысле слова уже не являлись. Они были только собственниками всех условий производства, в том числе и в первую очередь рабочей силы, но были вынуждены применять их так, как диктовал им конкретный организатор производства, а не безликий рынок.

Более того, наемное рабство именно потому рабством и называется, что представляет собой шаг назад от феодализма: носитель рабочей силы хотя и собственник одного или даже всех условий производства материальных благ, но уже не его хозяин. Поэтому проблемы мотивации трудовой активности периода заката рабовладения и современного капитализма имеют довольно много общего. Можно обнаружить и сходство "рецептов" лечения этой болезни - переход к колонату в одном случае, многообразные формы "диффузии" собственности, участия в прибылях и тому подобное - в другом. Кроме того, в современных условиях отношение между собственником средств производства и рабочим отнюдь не является непосредственным, а вот отношение найма между собственником рабочей силы и реальным хо-

⁶⁴ Там же. Т.19. С.20.

зяйствующим субъектом (будь то обычное капиталистическое предприятие, акционерное общество, кооператив или что-то другое) остается непосредственным. Причем отношением именно найма, аренды, а не обмена. Если внимательно присмотреться к актам обмена и аренды, которые, конечно, роднит возмездность отношений ("ты мне, я тебе"), то можно заметить разницу между ними в отделении монополии собственности от монополии хозяйствования. Когда товар меняет владельца, то монополия его хозяйственного использования полностью (а не на время, как при аренде) переходит от продавца к покупателю, а монополия собственности остается за продавцом (при эквивалентном обмене) только на его стоимость.

На наш взгляд, сделка между собственником рабочей силы и капиталистом является не обменом товаров (куплей-продажей) в точном смысле этого слова, а арендой, ведь рабочая сила всегда сохраняется в личной собственности работника, который только на определенное время передает монополию ее использования тому или иному функционирующему капиталу. Трудно сказать, почему сам К.Маркс не оперировал этой терминологией (отношения собственника условий производства и непосредственного производителя, монополия собственности и монополия хозяйствования) на протяжении всего "Капитала", а лишь в самом конце перешел к ней. Известно, что над всеми томами "Капитала" К.Маркс работал параллельно, поэтому в принципе он имел возможность обеспечить более высокий уровень унификации терминологии. Может быть, это в какой-то мере можно объяснить полемическим характером "Капитала"? Тем, в частности, что первая задача, которую он решал, получив ее в наследство от Д.Рикардо (как возможна эксплуатация при эквивалентном обмене), могла быть решена, по его мнению, из анализа самого обмена.

В рассмотренном выше определении производственных отношений принципиально важным является функциональная разница между двумя сторонами их носителей. Одна из них - непосредственные производители - является активной по отношению к природе, выступает причиной изменений внешних предметов, их преобразования в формы, удовлетворяющие жизненные потребности индивидов. Другая сторона - собственники, непосредственные потребители - является пассивной по отношению к предметам, данным природой, и активной по отношению к непосредственным производителям жизненных средств, поскольку от производителей зависит существование потребителей, их собственные изменения как материальных предметов (именно эти изменения, на наш взгляд, и представляют собой интересы, вокруг которых вращается вся экономическая жизнь общества).

Стороны эти функционально противоположны, но неравноценны. Поскольку, изменяя внешний мир, человек изменяется сам, постольку непосредственный производитель, по крайней мере отчасти, выступает и как субъект присвоения уже в рамках самого процесса производства материальных благ. Собственно, именно на этом эмпирическом факте основан закон "тождества труда и собственности"⁶⁵. Поэтому всякий реальный производитель вступает в производственное отношение и с самим собой (а его отношение с противоположной стороной одновременно предстает и как отношение собственников). Это относится не только к людям, но и к таким носителям производственных отношений, как капитал. У К.Маркса неоднократно можно встретить такие, например, выражения, как "отношение капитала к самому себе"⁶⁶.

Вторая сторона выступает как совершенно не самостоятельная в онтологическом аспекте. Ее существование целиком зависит от первой стороны. Только на этой стороне производственных отношений находятся все нетрудоспособные члены общества, а также его будущие поколения. Именно на этой стороне возможно появление феномена односторонней эксплуатации, которая в чистом виде проявляется в праздности части трудоспособных членов общества, ограничивающих свое участие в производстве (присвоении) предметов приро-

⁶⁵ См.: там же. Т.46. Ч.I. С.459.

⁶⁶ Там же. С.253-256.

ды лишь стадией конечного потребления.

Как ни парадоксально, Марксово понимание производственных отношений как отношений между указанными двумя сторонами практически сразу было подхвачено западными экономистами и, по сути, стало стандартным, однако долгое время было "на подозрении" у его последователей. Об этом свидетельствует, например, такое довольно недавнее высказывание: "Л.Вальрас делил всех агентов производства на две группы: владельцев производительных услуг (земли, труда и капитала) и предпринимателей. Это основополагающее деление общества (на владельцев факторов производства и предпринимателей), которое с тех пор вошло во все буржуазные учебники политэкономии, не раскрывает, маскирует коренную дихотомию буржуазного общества - на пролетариат и буржуазию. Таким образом, в самой основе математических моделей Вальраса заложен рыночный подход к экономическим явлениям"⁶⁷.

Наконец, объемное понимание человека (от индивида до человеческого рода, т.е. одновременно на единичном, особенных и всеобщем уровнях), широкое понимание производства как производства жизни человека и, соответственно, производственных отношений, естественно дополнились у К.Маркса "трехчленной" схемой формаций, которая довольно широко и разнообразно представлена в его рукописях всех периодов, от 40-х годов до 80-х, но почти не выпускалась в печать им самим.

Наиболее цитируемая в 80-е годы в советской экономической литературе мысль К.Маркса на эту тему такова: "Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) - таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости, такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, - такова третья ступень. Вторая ступень создает условия для третьей"⁶⁸. Впервые на русском языке она была опубликована в 1968 г., а в активный научный оборот политико-экономов введена в 1983 г. Р.М.Нуреевым⁶⁹.

Исходным пунктом для К.Маркса всегда был человек, индивид, его жизнь, его счастье. Самое большое богатство для человека - другой человек, общение с ним. И чем больше связей между людьми, чем они разнообразнее, тем полнее, богаче жизнь каждого. Такова общегуманистическая установка, которая отнюдь не является монополией марксизма. Жизнь показывает, что далеко не всякое общение людей действительно обогащает их, делает счастливее. К сожалению, войны - это тоже разновидность общения и купля-продажа - тоже. Поэтому естественно возникает вопрос о качестве общения и о том, что может сделать человек для повышения этого качества.

Самая общая классификация видов общения естественно включает два вида несовершенного общения - непосредственное общение людей, ограниченное сравнительно узким, замкнутым кругом (неизбежно ведущее к изоляции от других людей, от человеческого рода) и опосредованное движением вещей общение людей, которое хотя и способно связать людей в самых широких масштабах, но связать весьма однобоко, узко, утилитарно. Такая связь К.Маркса никак не могла удовлетворить, поэтому он постоянно высмеивает иллюзии многих современников о справедливости устройства "гражданского общества", человечности "отношений полезности".

По контрасту с этими исторически известными несовершенными формами общения

⁶⁷ Всемирная история экономической мысли. М.: Мысль. 1989. Т.3. С.160.

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.I. С.100-101.

⁶⁹ См.: Нуреев Р.М. К.Маркс об основных формах производственных отношений и развитии личности. Вопросы философии 1983. №6. С.3.

можно сформулировать гипотетическую идеальную форму общения людей, свободную от корысти и разобщения. Так формируются три крупные формы общения как отправной пункт дальнейших изысканий.

Нетрудно заметить, что классификация эта имеет довольно умозрительный, абстрактный характер. Более того, она не представляет собой ничего нового по сравнению, например, с христианским подходом. Ветхозаветная формула "не сотвори кумира", которая вспоминается противниками культа личности, была направлена против локальных богов, за предельное расширение круга общения, пусть и религиозного по форме. Новозаветное изгнание торговцев из храма - показатель отношения к однобокой форме универсального общения.

Поэтому "тройственная" классификация видов общения сама по себе не представляет интереса. Интересное появляется при поисках ответа на второй вопрос: что человек может сделать для повышения качества общения, для его освобождения от привходящих моментов? Именно здесь и происходит переход от общения людей как такового к его связи с производством средств существования, переход к научному исследованию реальных фактов как современной жизни, так и прошлого в той мере, в какой они становятся известными, входят в научный оборот. При этом исходная классификация превращается как бы в инструмент "для служебного пользования", не представляющий самостоятельного значения как предмет публикации, но позволяющий как-то классифицировать все более расширяющийся эмпирический и научный материал.

Например, научное исследование материальной жизни общества позволило К.Марксу выработать понятие способа производства и дать описание различных способов производства, встречавшихся в реальной истории человечества. А пользуясь своей схемой, он отнес один из этих способов к первичной, архаической формации, следующие три, начиная с азиатского, - к переходному периоду от первичной к вторичной экономической общественной формации, которую, в свою очередь, рассматривал как промежуточную, переходную к следующей, пока гипотетической, но последней с точки зрения совершенства форм общения. "...земледельческая община повсюду представляет собой новейший тип архаической общественной формации, и поэтому же в историческом движении Западной Европы... период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной"⁷⁰. (Впрочем, в другом наброске того же письма В.Засулич рабовладение и феодализм он отнес прямо к частнособственнической формации⁷¹. Это и поставило исследователей, взявших такой вариант "трехчленки" как основной, перед большими трудностями в понимании вторичной формации как определенного единства производительных сил, отношений людей, всех сторон жизни общества).

Такое "обращение" со способами производства чем-то напоминает кантовский априоризм, попытку использовать схемы "чистого разума" для упорядочивания эмпирического материала. А это уже несовместимо с последовательным монизмом. Для того, чтобы избавиться от невольного дуализма, надо было бы саму исходную "схему гуманизма" получить как результат некоего обобщения, примерно так же, как это было сделано со способами производства. Причем простые ссылки на связь, взаимопереходы гуманизма и натурализма, как это делалось в рукописях 1844 г. К.Маркса, оказываются недостаточными. Точнее, это скорее гипотеза, заявка на исследовательскую программу, как сказали бы сейчас. Интуиция, пусть и гениальная, а не результат научной работы, для которой, строго говоря, тогда еще явно не хватало эмпирического материала.

В этом вынужденном дуализме, возможно, основная гносеологическая причина довольно заметных различий рукописного и печатного наследия К.Маркса, некоторой несогла-

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С.404.

⁷¹ Там же. С.419.

сованности терминологии, подходов в разных томах "Капитала", его незавершенности. За прошедшие сто с лишним лет научная картина мира сильно изменилась. Сейчас, видимо, имеется гораздо больше возможностей снять упомянутое "разнородство" общей гуманистической идеи и результатов научного изучения реальной жизни человека.

Но особенности Марксовой концепции человека в экономике во многом связаны и с тем социальным заказом, призраком коммунизма, который, как многим казалось, уже бродил по Европе в начале XIX века. Представления о крахе капитализма сложились у К.Маркса как бы сами собой в ранней юности, задолго до начала научных занятий. Если не считать восстаний лионских ткачей в 30-х гг. XIX в., К.Маркс в начале своего творческого пути имел дело с той же реальностью, что и его великие предшественники в философии, политической экономии и научном социализме (последний термин применяли к своему учению уже последователи Ш.Фурье). Строго говоря, в течение нескольких лет все они даже были современниками, с разных сторон осмысливали один и тот же феномен - становление буржуазного общества. Многим уже тогда было ясно, что и это общество - не последнее в истории человечества. Поэтому не казались досужими вопросы: кто, когда и как осуществит его замену. Все теоретики социализма, начиная с А.Сен-Симона, были уверены, что это можно сделать общими силами уже довольно скоро и без всякого насилия, кровопролития. Восстания в Лионе, особенно в 1834 г., когда К.Марксу было 16 лет, вроде бы подтвердили, что буржуазное общество не вечно и конец его близок, но конец отнюдь не мирный. Указали они, как казалось, и на непримиримого врага буржуазии, его будущего могильщика - пролетариат, наемных производителей материальных благ. Эти представления о крахе капитализма уже "бродили по Европе", когда К.Маркс вступал в сознательную жизнь, и основное внимание он уделил их научному обоснованию.

Его теория прибавочной стоимости должна была подтвердить вроде бы очевидный факт эксплуатации капиталистами и землевладельцами наемных производителей материальных благ. И это было сделано на предельно высоком для своего времени научном уровне. Однако необходимость именно насильственной ликвидации капитализма научно обосновать не удалось, как не удалось обосновать и близость его краха. Скорее наоборот, теория видела историческую миссию капитализма в хозяйственном объединении людей всех стран на основе втягивания в отношения купли-продажи не только результатов производства материальных благ, но и всех его условий, включая рабочую силу (сумма того и другого - в известном призыве: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"). И пока эта миссия не выполнена, утопично пытаться заменить капитализм чем-то другим. Иначе может получиться только "местный коммунизм", который К.Маркс подверг уничтожающей критике в написанной совместно с Ф.Энгельсом "Немецкой идеологии" уже в 1845 г.: "Это развитие производительных сил (вместе с которым уже дано эмпирическое осуществление всемирно-исторического, а не узко местного, бытия людей) является абсолютно необходимой практической предпосылкой (уничтожения отчуждения - Л.Г.) еще и потому, что без него имеет место лишь всеобщее распространение бедности; а при крайней нужде должна была бы снова начаться борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость. Это развитие производительных сил является, далее, необходимой предпосылкой потому, что только вместе с универсальным развитием производительных сил устанавливается универсальное общение людей... и, наконец, местно-ограниченные индивиды сменяются индивидами всемирно-историческими, эмпирически универсальными. Без этого 1) коммунизм мог бы существовать как нечто местное, 2) сами силы общения не могли бы развиваться в качестве универсальных... они остались бы на стадии домашних и окруженных суеверием "обстоятельств" и 3) всякое расширение общения упразднило бы местный коммунизм..."⁷². Жаль, что впервые эти слова были опубликованы только в мае 1924 г. в I т. "Архива

⁷² Там же. Т.3. С.33-35.

К.Маркса и Ф.Энгельса". Жизнь подтвердила их правильность.

Но ведь в те же 40-е гг. появляется учение о возможности победы пролетарской революции одновременно во всех развитых капиталистических странах. От науки в этом учении то, что связанность стран единым рынком исключает возможность "выпадения вперед" одной из них (а "выпадение назад" никому не выгодно). Жизнь и это подтвердила. От утопии - все тот же "местный коммунизм", ограниченный отдельно взятой группой стран, охватывающей меньшую часть человечества. От нее не так уж трудно перейти к возможности социализма в группе менее развитых стран или даже в одной стране, особенно если она большая по численности населения или территории.

Верность своему учению 40-х гг. о пролетарской революции в промышленно развитых странах К.Маркс хранил всегда. Подтверждение этому - ответ В.Засулич, первый набросок которого выше уже цитировался (размышления о всемирно-историческом переходе от первичной формации к вторичной, от общей собственности к частной собственности). Вопреки этому первому наброску в своем ответе К.Маркс пытается заузить применимость теории, изложенной в "Капитале", лишь странами Западной Европы на том основании, что капитализм невозможен, если не проведена так или иначе экспроприация земельной собственности у производителей сельскохозяйственной продукции (сейчас в той же Западной Европе большая часть продовольствия производится на собственной, а не арендованной земле). Сделано это было для того, чтобы обосновать возможность некапиталистического пути развития России и других стран с сильными пережитками общей собственности в хозяйственной жизни.

Такая возможность имела бы под собой почву, если бы капитализм, как и переходные к нему формы (азиатский способ производства, рабовладение, феодализм), был лишь страновым явлением. На самом деле он - первая всемирная форма общества, вторичная формация, через которую всему человечеству придется пройти, как оно прошло и через первичную формацию.

Таким образом, на наш взгляд, не учение о пролетарской революции, а теория втягивания в мировой рынок могла бы стать естественным продолжением теории о трех крупных формациях.

Представляется, что и учение о классах К.Маркса не вполне последовательно соответствует его концепции человека в экономике. Вопреки собственному теоретическому подходу (выделению наряду с производством вещей и производства людей) К.Маркс (видимо, следуя своим предшественникам и отражая современное положение дел) классы общества выделял прежде всего по их месту в производстве вещей. В то время производство людей (в Западной Европе) действительно было в основном частным делом самих людей (семей). Жизнь показала, что производство людей в высокой степени обобществляется уже при капитализме, и доля людей, профессионально занятых в этой сфере, становится соизмеримой с долей людей, занятых в сфере производства вещей, а то и превышает ее. Если применять к современному обществу термин "классы", понимая под ними большие группы людей, различающихся по способам включения в материальное производство жизни общества и получения средств к собственному существованию, то в качестве наиболее крупных групп надо выделить две - занятых в производстве людей и занятых в производстве вещей. Причем только первая из них имеет большое будущее, а вторая уже сейчас в развитых странах сокращается. В первую группу входит не только гуманитарная интеллигенция (прежде всего, учителя и врачи), но и специалисты других массовых профессий (например, сиделки в больницах). Нетоварный характер результата деятельности этого класса с самого начала задает оппозиционность отношения его идеологов к капиталистическим методам хозяйствования, их экспансии в сферу производства людей. Фактически К.Маркс был одним из таких идеологов еще в то время, когда указанного класса не было даже "в-себе", когда он представлял собой лишь прослойку в обществах начального периода становления капитализма. Жизнь показала, что обращение с

критикой капитализма к рабочему классу было не совсем по адресу и услышали его маргиналы. Противоестественный симбиоз критиков капитализма "из будущего" и "из прошлого" мог закончиться только победой слоев "из прошлого" в странах, страдающих не столько от капитализма, сколько от недостаточного его развития, паразитированием этих слоев на вульгаризации идей слоев "из будущего".

В целом, концепция человека в экономике для К.Маркса должна была стать наиболее фундаментальным методологическим средством удовлетворения почти очевидного социального заказа: близкая мировая пролетарская революция - теория капиталистической эксплуатации - теория прибавочной стоимости - теория стоимости - труд - концепция человека. И здесь возникла довольно тонкая методологическая коллизия. Социальный заказ требовал всемирно-исторического подхода к пониманию человека в экономике. Концепция человека как родового существа отвечала этому требованию. Но она практически не давала никаких возможностей для построения подходящей теории стоимости. Логика этой концепции предписывала каждый предметный результат производства рассматривать как функцию от трех аргументов, "факторов", через которые и проявляется человек, его производительная сила как родового существа. Один из них - это живой труд непосредственного производителя (индивида), другой - общество как побудитель производства именно этого предметного результата (через адресный план, рынок или иначе - не имеет значения), третий - человеческий род (в лице предшествующих поколений) - как создатель используемого материального и нематериального богатства. Синкретический, неразделяемый характер воздействия этих трех ипостасей "человеческого фактора" на результаты производства лишал возможности как-то "вменить" отдельные части результата разным "факторам". Поэтому К.Маркс пошел по пути элиминации "наиндивидуальных" проявлений человека, т.е. по-сути дела по пути отказа от собственной концепции человека как родового существа. Общественную ипостась он элиминировал, приняв предположение о равновесности рыночной ситуации (равенстве рыночных цен стоимостям). Родовую ипостась он элиминировал, сведя ее к овеществленному труду, "мертвому", и противопоставив "живому" (т.е. индивидуальному, который теперь только и создает стоимость). Откровенно апологетическую форму (в пользу рабочих, занятых простым трудом) это противопоставление приняло в оппозиции "труд-капитал".

Но дело не только в апологетике. Сама рыночная экономика представляет собой взаимодействие только реальных агентов, современников. Их отношения с другими поколениями не принимают рыночную форму, а потому могут присутствовать в экономической жизни лишь в превращенном виде: собственности на землю, на средства производства, знания. Исключив их из рассмотрения в ключевой первой главе I тома "Капитала", К.Маркс, на наш взгляд, фактически перешел в этом месте на позицию концепции "экономического человека". Об этом, в частности, свидетельствуют и его собственные ссылки на Робинзона в этой главе. Как и другие разработчики трудовой теории стоимости (ценности), он полагал, что моносубъектный обмен процесса на предмет лежит в основе полисубъектного обмена предметов в соответствующих пропорциях: "... этот обмен (своего труда на продукт труда - Л.Г.) есть скрытая форма (зародыш) действительного обмена"⁷³, все отношения между Робинзоном и его самодельным богатством просты и прозрачны, "и все же в них уже заключаются все существенные определения стоимости"⁷⁴. Однако для перехода от моносубъектного взвешивания и сопоставления полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда⁷⁵, свойственного и плановому ведению хозяйства в масштабах страны, к обычному полисубъектному обмену важна не абсолютная эффективность самообмена (процесс - предмет), а его относительная эффективность

⁷³ Там же. Т.42. С.32.

⁷⁴ Там же. Т.23. С.87.

⁷⁵ См. там же. Т.20. С.321.

(предмет - предмет). Этот механизм был рассмотрен Д.Рикардо в теории сравнительных издержек (сравнительных преимуществ), однако лишь на примере обмена между странами⁷⁶. К сожалению, ни он, ни К.Маркс не обобщили эту теорию на случай полисубъектного обмена вообще. Не отличали они, как и многие другие, и "обмен" процесса на предмет при арендно-рендном отношении от обычного обмена товаров.

На наш взгляд, при формулировании своей теории стоимости К.Маркс совершил ту же ошибку, от которой предостерегал коллег: не путать сущность с явлением (для него, например, - прибавочную стоимость с прибылью). Затрачивание труда, рабочей силы на производство вещей - это субъектный процесс в точно такой же мере, как и процесс выбора предметов потребления самостоятельным агентом. Ни то, ни другое агрегированию, усреднению не поддается, если признавать автономию агента, без которой нет рынка. Поэтому средние затраты труда, на наш взгляд, - такая же бессмыслица, как средняя полезность, какими бы оговорками ни сопровождать термин "средние". Можно сказать, что методологически ординалистская критика кардинализма адресована и К.Марксу, как представителю классической школы.

Попробуем показать, что эту ошибку К.Маркс мог бы не допустить, если бы при написании главы "Товар" использовал аппарат теории сравнительных издержек (или сравнительных преимуществ), известный ему из работ Д.Рикардо. (См. рис. 1.5)

Прежде всего, следует отметить отсутствие единственности пропорции взаимовыгодного обмена, что вполне согласуется с моделью "ящик Эджуорта", изображенной на рис. 1.4. Говорить же о равенстве выгоды в общем случае нет никаких оснований, т.к. отсутствует объективный критерий равенства. Лишь после перехода от затрат труда к затратам капитала и от выгоды конечных потребителей к прибыли предпринимателей возникает возможность сравнения выгоды, ее выравнивания "по затратам". До этого, т.е. до содержания III тома "Капитала", говорить о равенстве при обмене, на наш взгляд, вообще не корректно.

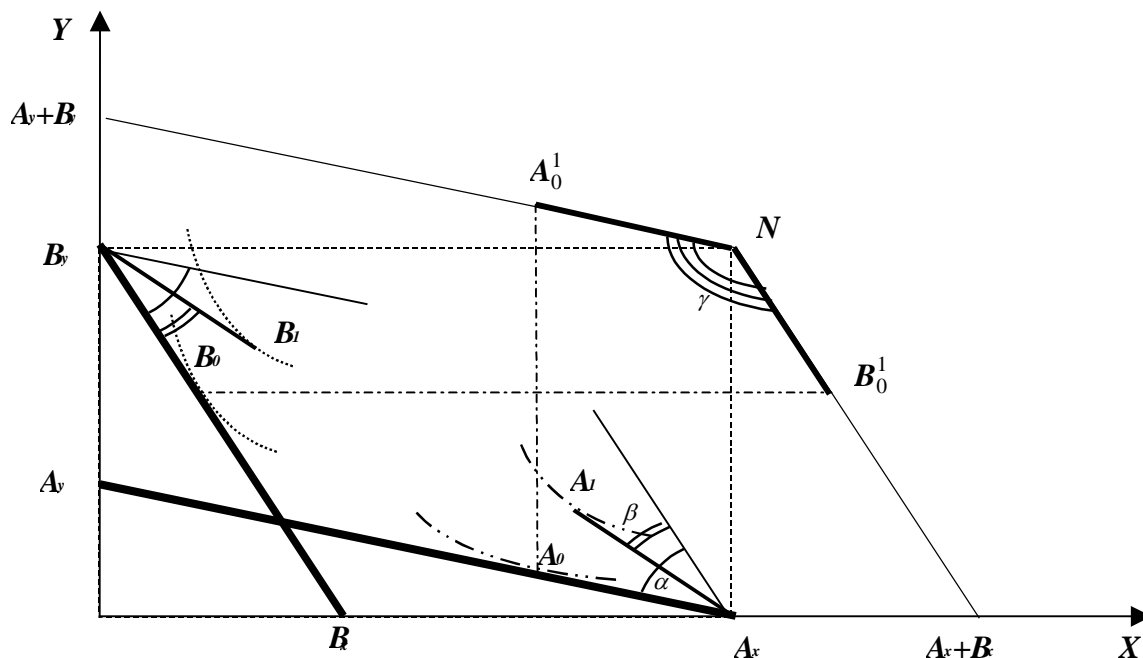

Рис. 1.5.

На осях отложены товары X и Y , отрезок (A_x, A_y) описывает производственные возможности субъекта A , а отрезок (B_x, B_y) - субъекта B . Точки A_0 и B_0 соответствуют их выбору производственных программ при отсутствии обмена, а ломаная (A_0^I, N, B_0^I) обозначает суммарную область выбора производственных программ при взаимовыгодности обмена. Угол $\square\square$ характеризует диапазон

⁷⁶ См.: Рикардо Д. Соч. М., 1955. Т.1. С.117.

возможных колебаний пропорций обмена, при которых сохраняется взаимовыгодность, но не гарантируется равная выгодность обмена. Угол \square - показывает отклонение пропорции обмена от индивидуальной пропорции затрат субъекта B , а точки A_I и B_I соответствуют выборам потребителей при обмене. Отрезки (A_x, A_I) и (B_x, B_I) равны и параллельны.

Как видно из рис. 1.5, затраты труда действительно влияют на пропорцию обмена, задавая диапазон ее возможных колебаний. Но, во-первых, это влияние оказывают именно индивидуальные затраты т.н. "замыкающих" производителей, т.е. наименее эффективных из тех, чья продукция пользуется спросом, и только как нижняя граница цены, а не ее реальное значение. Во-вторых, и это еще важнее, чем глубже специализация, тем ближе к прямому углу ($A'NB'$) и его дополнение - угол, а с ним и область изменений пропорции обмена, цены. В пределе она приближается к диапазону $(0, +)$, т.е. может быть любой с точки зрения соотношения индивидуальных затрат. Их влияние на цену при этом исчезает. Вместо этого возрастает влияние на цену предпочтений потребителей и (или) государства.

Это и понятно. Если предприниматель не имеет возможности выбора "что производить", то он, если не монополист, принимает любую цену, предлагаемую так или иначе извне. В нашей стране этот эффект наблюдается очень часто. В развитой рыночной экономике всегда есть выбор между ведением собственного дела и сдачей своей собственности в аренду, что не является отношением обмена.

Таким образом, пожертвовав концепцией человека как родового существа, К.Маркс не сохранил и автономию индивида, не создал теорию стоимости, хотя бы в минимальной степени ориентированную на человека как субъекта, а не "дрессированную силу природы", пользуясь его собственным выражением. Это, в свою очередь, лишает прочной основы его теорию прибавочной стоимости и, следовательно, его теорию капиталистической эксплуатации.

Этот итог тем более досадно констатировать, что общеметодологический подход К.Маркса гораздо тоньше, чем у его предшественников - экономистов. Техника мышления Г.Гегеля была ему знакома лучше, чем современникам и даже потомкам, что пришлось признать и В.И.Ленину в конспекте "Науки логики" Г.Гегеля. В отличие от Ф.Хайека, К.Маркс свободно обращался с циклическими процессами, применяя специфический термин "метаморфозы". Это позволило ему весьма многое объяснить в механизме капиталистического воспроизводства и даже создать первую теорию цикла. Но соединить циклы воспроизводства человеческого рода с циклами воспроизводства материальных благ ему не удалось. Точнее, он даже не ставил перед собой такой задачи, если судить по его публикациям на русском языке.

Что касается общекультурного слоя марксовской концепции человека как родового существа, то он остался традиционным, иудейско-христианским с одним существенным уточнением. К.Маркс всегда негативно оценивал утилитарное отношение и к человеку, и к природе. Это определяло его мировоззрение, критику и иудаизма, и христианства.

Уже в первом тезисе о Фейербахе К.Маркс критикует этого философа за то, что он практику берет и фиксирует только в "грязно-иудейской" форме ее проявления, т.е. чисто утилитарно. Этот оттенок подхода К.Маркса исчез во втором издании сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса⁷⁷ и во всех последующих публикациях, где вместо этого употребляется словосочетание "грязно-торгашеская форма". На это "уточнение", обесмыслившее и позицию Л.Фейербаха, и позицию К.Маркса, обратил внимание Э.Ильенков: " "Торгашество" здесь абсолютно ни при чем. Речь здесь идет о большой философской проблеме, с которой Фейербах не справился, - об отношении человека как субъекта деятельности к природе как к объекту... Речь идет исключительно о том, что авторы Библии рассматривают природу как объект, не имеющий никакого самостоятельного значения, как нечто презренное и ничтожное, а весь

⁷⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.1.

смысл ее полагают в том, что она есть средство практически-человеческих целей, есть объект приложения воли.

Фейербах и противопоставляет этому - "иудейскому" - принципу отношения к природе античное, "теоретическое", "истинно-человеческое" отношение к природе как "созерцание природы", для которого природа "является прекрасным объектом, "имеющим цель своего существования в ней самой"...

Эти рассуждения Фейербаха прямо и имеет в виду К.Маркс. Фейербаха он и упрекает (как и в ряде других мест) в том, что тот не знает действительной, человеческой практики, а знает ее только в том виде, в каком она преломлена в религии, и именно в христианской религии"⁷⁸.

Можно сказать, что концепция человека как родового существа развивает личностное начало иудейско-христианской традиции ("свободная индивидуальность") и находится в оппозиции к аспекту этой традиции, связанному с утилитарным отношением к "тварному миру". Эта оппозиционность и питает критический настрой по отношению к политической экономике, следовавшей (и продолжающей следовать) в основном русле иудейско-христианской традиции, даже если ее представители, как, например, Ф.Хайек, относили себя к агностикам. Позитивное же проявление "родовой концепции" приняло форму учения о двойственном характере труда, оставшегося не понятым и не принятым научным экономическим сообществом вне марксистского направления и, на наш взгляд, практически не понятым, хотя и принятым, в марксистском.

Сказанное выше отнюдь не исчерпывает Марксову концепцию человека в экономике. В частности, ничего не сказано о роли человека как создателя орудий труда, крайне важном компоненте этой концепции. В последующих главах еще будет повод вернуться ко всем аспектам данной концепции. Здесь важно подчеркнуть ее довольно разветвленный, но незавершенный ни К.Марксом, ни Ф.Энгельсом характер и далеко не полное ее отражение в их собственных публикациях, что весьма пагубно отразилось на понимании марксизма в целом и его экономической теории в частности современниками и ближайшими последователями основоположников. В значительной мере это относится и к судьбе марксизма в России.

3. Российские поиски понимания человека в экономике

Тема, указанная в заголовке данного параграфа, слишком обширна, чтобы ее можно было бы сколько-нибудь полно изложить здесь. Поэтому ниже речь пойдет лишь о сравнительно коротком времени - первых десятилетиях XX века и лишь о нескольких именах, представлявших основные направления в российской экономической науке - "народническое", либеральное, и марксистское.

Прежде всего необходимо хотя бы в нескольких словах охарактеризовать особенности российской экономической жизни и культурной традиции по сравнению с западноевропейской, на которую Россия того времени во многом ориентировалась (как, впрочем, и сейчас). Основное отличие в экономической жизни - сохранение в широких масштабах и разнообразных формах земледельческой соседской общины. Это обстоятельство признавалось всеми. Различались лишь представления о ее дальнейшей судьбе по мере развития капитализма или продвижения России по иному, некапиталистическому пути. Народники и в еще большей степени их фактические преемники - большевики-сталинцы - делали ставку на сохранение (и усиление) общинно-коллективистских основ экономической жизни и на селе, и даже в городе (на промышленных предприятиях). "Ортодоксальные марксисты" и либералы (в том числе т.н. "легальные марксисты") предполагали, что развитие капитализма в России довольно быстро разрушит остатки общинного образа жизни и не связывали с ним каких-либо перспектив, специфики дальнейшего развития экономической жизни в стране. В частности, развитие кооперации они никак не связывали с традициями общины.

⁷⁸ См.: Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат. 1991. С.448-449.

Между тем, общинный характер мирской жизни способствовал весьма специфической интерпретации иудейско-христианской религиозной традиции, во многом предопределившей накал страстей и драматизм пути России в XX веке. В Западной Европе, где в дохристианские времена не было соседских общин, а были полукочевые племена, мирская соседская община фактически сливалась с религиозной, которая и выступала как ведущее, доминирующее начало. Причем, начало, подчиненное единому мировому центру - Ватикану. Протестанство отнюдь не ломало этого механизма, оно лишь замыкало общину "на саму себя", отказывалось подчиняться земному представительству небесной власти. Окончательный выход из тесных уз общины в данном случае требовал разрыва и с религиозной христианской традицией, т.е. атеизма. Конечно, полного разрыва при этом не происходило. Индивид продолжал считать себя (каждый в отдельности) венцом творения (теперь уже безымянного), а все остальное - средствами удовлетворения своих желаний, пространством проявления своей свободной воли. Такой атеизм есть религия человекобожества, и об этом немало писали русские философы конца XIX - начала XX веков.

В отличие от Западной Европы, в России переход к оседлому образу жизни, соседской общине произошел в дохристианский период, на языческой духовной основе. Поэтому традиции взаимопомощи и вообще совместной жизни отнюдь не нуждались в подкреплении христианской религией. Обрядовая сторона православия, при всей ее красочности и многочисленности, вряд ли уступающих католичество, отнюдь не была наиболее существенным компонентом. По сути дела, религия в российской общине была гораздо более личным делом, чем в Западной Европе. Несвобода личности в мирской жизни как бы компенсировалась ее духовной свободой. В этом смысле личностное начало на Руси, как и вообще на Востоке, с давних пор было развито гораздо сильнее, чем на Западе. Подтверждает такой вывод и удивительное разнообразие на Востоке религиозных систем и их длительное относительно мирное сосуществование.

Все это можно подытожить в таком сравнении. Западноевропейский индивид более всего печется о своих правах (на жизнь, свободу и счастье), которые считает естественными и готов на многое для их защиты от посягательств со стороны кого бы то ни было. Российский же человек в гораздо большей степени озабочен вопросом о праведности, смысле жизни (и своей собственной, и других людей), а именно вокруг этого вопроса и строятся религиозные системы. И ответ на вопрос о смысле жизни часто оказывался дороже самой жизни (опять таки и своей, и других людей). История Западной Европы сохранила имя одного человека, сожженного за упорство в своих убеждениях - Джордано Бруно. В России за верность убеждениям тысячи людей сжигали себя сами. Праведность и права - два эти слова с одним корнем, но весьма различным содержанием характеризуют разные концепции человека.

Философское осмысление специфики православия весьма активизировалось в конце XIX века. Пожалуй, ключевыми словами такого осмысления стали соборность, всеединство. Однако и здесь скорее можно говорить о втягивании в религиозную систему дохристианской мирской коллективности общины, а не об обратном воздействии. Не случайно эти тонкие религиозно-философские изыскания оставили практически равнодушными современников в России и только сейчас они вызывают повышенный интерес у людей, интересующихся культурным наследием предшествующих поколений. Повторяем, в свое время они воспринимались как реакционное отражение обреченного института общественной жизни - русской соседской общины.

С таким менталитетом на рубеже веков Россия встретила социалистическими идеями Запада, в том числе и с марксизмом, которые давали свои ответы на вопросы о смысле жизни, созвучные мирскому коллективизму россиян.

Но в это время с Запада шел не только марксизм, но и маргинализм, если говорить о новациях в экономической теории. И эти новации принимались частью российских ученых, в том числе и ученых, профессионально занимавшихся изучением аграрного сектора экономи-

ки, крестьянского хозяйства. Крупнейшим из них был А.В.Чаянов.

В свое время А.В.Чаянова причисляли к неонародникам, совсем недавно это "обвинение" с него было снято⁷⁹. Но дело не в ярлыках. В период, когда А.В.Чаянов вступал в науку, а это произошло уже после революции 1905 года, с народничеством как идеологическим течением было уже давно покончено общими усилиями марксистов и либералов. Но община еще была жива и крестьянское хозяйство - предмет внимания Чаянова-ученого - имело ее в качестве ближайшего фона, естественной среды.

В теоретическом отношении А.В.Чаянов начинал как последователь австрийской школы предельной полезности. Более того, и в своем основном труде "Организация крестьянского хозяйства", написанного и впервые опубликованного в России в 1924 году, т.е. уже в советское время, А.В.Чаянов работает в той же парадигме: "... Чем большее количество работы реализуется в какой-нибудь определенный период времени, тем более и более тягостны для человека последние (предельные) единицы затрачиваемого труда. С другой стороны, субъективная оценка ценности, добываемой этим предельным трудом, будет зависеть от высоты ее предельной полезности для хозяйствующей семьи. А так как предельная полезность понижается по мере роста общей суммы ценностей, поступающей в обладание хозяйствующего субъекта, то на известной высоте повышающегося трудового дохода наступает момент, когда тягостность предельной затраты труда будет равняться субъективной оценке предельной полезности получаемой этим трудом суммы"⁸⁰.

Конечно, сейчас можно сказать, что австрийский вариант маржинализма давно морально устарел, что естественная сфера кардиналистской полезности - рынок финансового капитала, срочных (фьючерсных) сделок и страхования, а не натуральное или полунатуральное крестьянское хозяйство. Однако А.В.Чаянов смог выйти довольно далеко за пределы уровня абстракции, привычного для маржинализма, да и марксизма, особенно в его российском варианте.

Например, он категорически отвергает как бесплодную попытку видеть в крестьянине "двуликого Януса": предпринимателя и рабочего (как сказали бы маржиналисты, неоклассики), собственника и трудящегося (как говорили наши марксисты): "Как видно из нашего путного анализа, все эти случаи могут быть истолкованы при помощи категорий капиталистического хозяйства, построенного на наемном труде. Для этого, однако, приходится создавать весьма сомнительную концепцию, объединяющую в лице крестьянина и предпринимателя-капиталиста, и эксплуатируемого им рабочего, впадающего в хроническую безработицу и заставляющего своего хозяина во имя своих рабочих интересов переламявать свое хозяйство и поступать предпринимательски невыгодно. Возможно, что эта фикция в интересах монизма экономического мышления и должна быть сохранена, как указывал, например, профессор А.Вебер.

Однако нам лично она кажется слишком натянутой и к тому же практически скорее запутывающей наблюдающиеся факты, чем поясняющей их. Поэтому мы более склонны воспользоваться для теоретического истолкования наблюдавшихся организационных особенностей другой гипотезой, основанной на концепции крестьянского хозяйства как трудового семейного хозяйства, в котором семья в результате затраты годичного труда получает единый трудовой доход и соизмеряет свои усилия с получаемым материальным результатом (т.е. по модели вертикального общего равновесия, экономике Робинзона Крузо, представленной в первом параграфе данной главы на рис. 1.1 - Л.Г.)...

В этой скромной предпосылке и заключается вся оригинальность нашей теории организации крестьянского хозяйства, так как все остальные выводы и построения строго логи-

⁷⁹ См.: Краткий биографический очерк в сборнике работ Чаянова А.В. "Крестьянское хозяйство". М.: Экономика. 1989.

⁸⁰ Чаянов А.В. "Крестьянское хозяйство". С.244.

чески вытекают из этого основного предположения и увязывают весь эмпирический материал в довольно стройную систему.

В противопоставлении этих двух гипотез весь ключ вопроса: мы должны или принять концепцию фиктивного двоедущия крестьянина, объединяющего в своем лице и рабочего, и предпринимателя, или концепцию семейного хозяйства с мотивацией своей работы, аналогичной мотивации сдельщины. Ничего третьего не дано"⁸¹.

Выбор А.В.Чаяновым второй гипотезы позволил ему естественно ввести понятие самоэксплуатации и провести расчеты количественной меры самоэксплуатации. Причем речь у него шла о коллективной самоэксплуатации индивидов в рамках единого крестьянского хозяйства. Такой взгляд на человека в экономике можно считать весьма оригинальным и плодотворным, особенно для экономик советского типа. Однако понятие самоэксплуатации может иметь гораздо более широкое применение. А.В.Чаянов хорошо понимал и это. "Если мы хотим иметь для крестьянского трудового хозяйства одну организационную концепцию вне зависимости от того, в какую народнохозяйственную систему оно входит, то мы должны будем неизбежно остановиться на семейно-трудовом понимании его организационной сущности"⁸².

Семейный подход к экономике позволил А.В.Чаянову естественным образом увязать производственные отношения и внутри одного поколения - между трудоспособными членами семьи - и между поколениями. Тем самым семья выступила как единственный институт, унаследовавший хозяйственную структуру родовой общины. Правда, в работах А.В.Чаянова основное внимание уделялось вещно-производственной стороне крестьянского хозяйства, воспроизводство же людей, подрастающих поколений как бы оставалась вне поля зрения. Конечно, это может выглядеть как недостаток с позиций сегодняшнего дня, когда воспроизводство поколений людей стало основной (и самой важной для общества) функцией семьи. Но для крестьянской семьи ситуация выглядит иначе. Система воспитания не формируется в каждой семье как бы заново. Она наследуется от предков и не требует сознательных усилий по ее разработке или адаптации. По мнению самого А.В. Чаянова, уже в "Домострое" Сильвестра (XVI век) были систематически изложены основные традиции семейного хозяйства в единстве всех его функций - экономических, демографических, социокультурных.

Но в отличие от родовой общины или, например, акционерной компании семья - весьма кратковременное образование, короче жизни одного человека. Особенно малая семья (родители плюс неосемьянившиеся дети). А.В.Чаянов подробно анализирует жизненный цикл такой семьи, принятый им с некоторой долей условности в 26 лет, и показывает, что первая половина этого цикла отличается повышающейся нагрузкой на работающих членов семьи (примерно до двух едоков на одного работника). Связано это с демографическим фактором и А.В.Чаянов внимательно отслеживает влияние этого фактора на хозяйственную жизнь семьи, изменение ее потребностей в посевных площадях, других ресурсах, распределении дохода на накопление и потребление.

Естественным фоном крестьянского хозяйства, точнее, не фоном, а средой, в России и в начале века оставалась община. Именно она регулировала распределение посевных площадей между крестьянскими хозяйствами по мере изменения демографической ситуации в каждом из них, а также появления новых хозяйств и исчезновения старых. Без этого неизбежны проблемы, решение которых невозможно без вмешательства государства как регулятора прав населения, контролера за сохранением плодородия земли. Даже будучи юридически объектом частной собственности, в том числе и иностранной, земля и на Западе продолжает рассматриваться как общенациональное достояние с соответствующими правами и обязанностями государственных органов и частных собственников.

⁸¹ См.: Чаянов А.В. Цит. Соч. С.202-203.

⁸² Там же.

Сам А.В.Чаянов сравнительно мало уделял внимания этой, подпочвенной среде крестьянского хозяйства (это было уже и небезопасно политически), отдавая его (внимание) среде вторичной - кооперации, добровольному объединению тех функций крестьянских хозяйств, которые из соображений экономической выгоды стоило объединять. Однако этот аспект уже выходит за рамки темы данного исследования. Можно сказать, что для А.В.Чаянова экономическим индивидом была лишь семья, а ее члены самостоятельной экономической роли не играли. Именно в этом - отзвук "народнического" менталитета, сближавшего этого автора с будущими коллективизаторами.

Гораздо более западническим менталитетом обладал М.И.Туган-Барановский. Проблема человека как индивида ему была очень близка, равно как и проблема справедливости общественного устройства. Его последний труд "Социализм как положительное учение" (Пг. 1918 г.) как бы подытоживает многолетнее изучение разнообразных попыток решить дилемму "личность - общество" и содержит свое видение ее решения. Весьма характерен тот факт, что при описании разнообразных социалистических систем, М.И.Туган-Барановский ограничился только западными авторами - от Платона до анархистов (одно исключение - П.Кропоткин, изложению взглядов которого уделено 2,5 страницы). Причем "марксистской" системы социализма в этом описании не оказалось именно потому, что К.Маркс "не измышлял утопий" в точном соответствии с ньютоновским идеалом научности, и М.И.Туган-Барановский подчеркнул это.

В дилемме "свобода или равенство" М.И.Туган-Барановский однозначно отдает приоритет свободе. "Равенство само по себе отнюдь не является положительным благом. Неравенство есть несомненное социальное зло, но устранение зла есть лишь первый шаг в направлении к социальному идеалу. Социальным же идеалом является не социальное равенство, а социальная свобода. Общество совершенно свободных людей - вот конечная цель общественного прогресса. С точки зрения этого высшего социального идеала - свободы человеческой личности - и должны быть оцениваемы различные типы социалистического общества. Централизация социалистического государства, предполагающая строгое подчинение личности велениям центральной власти и передачу этой последней всей хозяйственной инициативы и всей ответственности за правильный ход процесса общественного хозяйства, не соответствует идеалу наибольшей свободы личности"⁸³.

Конечно, М.И.Туган-Барановский знал классическую формулу "Манифеста коммунистической партии": "свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех", но для него высшим авторитетом по этому вопросу оставался И.Кант. То, что лишь свобода личности может быть признана высшим идеалом, писал он в другой работе, "открыли отнюдь не анархисты - это ясно и определенно сформулировал величайший представитель философской мысли нового времени - Кант, категорически заявивший в своей "Метафизике нравов", что существует только одно прирожденное, естественное право человеческой личности и этим правом является право каждого человека на свободу, независимость от принуждающей воли другого человека"⁸⁴.

Но даже такая высокая оценка И.Канта М.И.Туган-Барановским делается с оговоркой. В предисловии к русскому переводу книги К.Форлендера "Кант и Маркс: очерки этического социализма", опубликованного в 1909 г., он отмечает, что хотя кантовские этические идеи становятся обоснованием социализма, сам И.Кант выводил из них необходимость частной собственности. Поэтому лозунги типа "Назад к Канту" или "Вперед с Кантом!" совершенно неуместны. "Лозунгом современных социалистов должно стать "вперед, к созданию новой теории социализма!" - а Кант и Маркс должны остаться позади, как превзойденные этапы

⁸³ Туган-Барановский М.И. Социализм как положительное учение. Пг. 1918. С.83.

⁸⁴ Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М.: Экономика. 1989. С.439-440.

общественной мысли"⁸⁵.

Собственную концепцию человека М.И.Туган-Барановского отличает диапазон от индивида до всего поколения, всемирного масштаба. Развивая в этом отношении идеи А.Сен-Симона, он полагает, что задачей социалистического строя является "создание возможно более благоприятных условий для самого широкого развития каждой человеческой личности во всей ее сложности и полноте, но без ущерба развитию других человеческих личностей, принадлежащих к тому же общественному союзу, охватывающему собой, в идеале, все человечество, все разумные существа"⁸⁶. От А.Сен-Симона здесь именно всемирность масштаба, а от И.Канта - приоритет интересов личности, которого не было у А.Сен-Симона.

Следует подчеркнуть, что в трактовке М.И.Туган-Барановского историческое время, смена поколений практически отсутствует. Идет ли речь о "независимости от принуждающей воли другого человека", или о ненанесении "ущерба развитию других человеческих личностей", в любом случае вся проблема видится в пределах отношений реальных людей, представителей одного поколения. О том, что эти же проблемы могут иметь и совершенно иной, временной аспект, М.И.Туган-Барановский здесь не упоминает.

Попутно можно заметить, что именно через М.И.Туган-Барановского в русскоязычной литературе появилось выражение: "От каждого по способностям"⁸⁷. При описании взглядов сен-симонистов он творчески подошел к переводу одного из их важнейших положений: "Каждый по его способностям, каждой способности по ее делам, конец наследованию!"⁸⁸. Учитывая строгую иерархичность планового хозяйства "по сенсимонистам", в котором именно начальники указывают каждому его место работы и задание, М.И.Туган-Барановский чуть подправил перевод для того, чтобы его буква лучше соответствовала духу учения сен-симонистов. Так вместо "каждый" появилось "от каждого", которое затем попало и в сталинскую версию марксизма, и вместе с ней была тиражирована как одна из азбучных истин марксизма-ленинизма.

Коллективность этот автор ставит ниже кооперативности из-за подавления в первом случае индивидуального начала, поскольку в коллективе, по его версии, большинство диктует волю меньшинству. Вряд ли с этим можно согласиться. Во-первых, в кооперативах, пусть даже созданных на сугубо добровольной основе, решения, как правило, принимаются большинством голосов, т.е. имеется "диктат большинства", избежать которого можно только путем выхода из кооператива. Во-вторых, в реальных коллективах, например, в русских общинах, при решении жизненно важных вопросов часто применялись совсем другие способы принятия решений. Один из них - взаимное уговаривание, выход на консенсус, говоря "по западному". Другой - бросание жребия после максимально возможного выравнивания альтернатив.

Сказанное выше, на наш взгляд, подтверждает высокую степень ориентированности М.И.Туган-Барановского на иудейско-христианскую культурную традицию, что, в свою очередь, способствовало признанию его работ западными учеными. Но в его менталитете без труда можно обнаружить и российские особенности. Например, стремление к синтезу всего рационального, взаимодополняющего, что есть в самых разнообразных односторонних подходах. Особенно ярко это стремление к "всеединству" просматривается в работе "Социализм как положительное учение".

В этой же работе, на ее последней странице, М.И.Туган-Барановский практически вне связи с предшествующим содержанием обращается к традиционной российской теме смысла жизни. "Страдание никогда не исчезнет из человеческой жизни. Не исчезнет потому, что никогда не получит гармоничного примирения основное противоречие человеческой жизни -

⁸⁵ Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. Спб.: изд. Энергия. 1912. С.56.

⁸⁶ Туган-Барановский М.И. Социализм как положительное учение. С.95-96.

⁸⁷ См. Там же. С.24.

⁸⁸ См. Изложение учения Сен-Симона. М., 1961. С.113.

противоречие между беспредельностью нашего духа и ограниченностью наших сил и нашего личного существования... (курсив мой - Л.Г.)

В этом вечная основа религии. Вот почему социализм не может и не должен стать новой религией. Как религия, социализм жалок и беспомощен - разве может он преодолеть беспредельность пространства и времени? Разве социализм может преодолеть смерть?

Бессмертная смерть будет по-прежнему царить над миром - и этот основной диссонанс нашей жизни всегда будет окутывать ее траурным покрывалом"⁸⁹.

Как видно из сказанного, М.И.Туган-Барановский видит стандартную неоклассическую схему "редкость ресурсов - неудовлетворимость всех материальных желаний" в гораздо более человеческом плане: "ограниченность жизни человека - беспредельность стремлений его духа". Факт смертности для него - повод для обращения к религии, тогда как, например, для Дж.М.Кейнса тот же самый факт - повод заняться текущими делами, краткосрочными мерами, оставив долгосрочные (напомним его уже цитировавшееся высказывание: "в долгосрочном плане все мы покойники").

В данной работе имеет смысл также коротко осветить отношение М.И.Туган-Барановского к концепции человека, какой она виделась ему у К.Маркса. Тем более, что в отличие от А.В.Чаянова, он довольно много внимания уделял критике взглядов К.Маркса вообще и на природу человека в особенности.

Основной упрек М.И.Туган-Барановского имеет этический характер. "Признание внеклассовой морали несовместимо с материалистическим пониманием истории и с классовой точкой зрения - ибо, если этика для всех общественных классов одна, значит, есть нечто высшее, чем классовый интерес, значит, классовый интерес не играет такой преобладающей роли в общественной жизни, как это думали творцы материалистического понимания истории"⁹⁰.

Можно, конечно, возразить, что этика имеет дело с индивидами, а не классами, и потому они не соизмеримы по шкале "выше - ниже", что общечеловеческий интерес и К.Маркс и В.И.Ленин ставили выше узко-классовых. Но то понимание места этики в жизни общества, которое М.И.Туган-Барановский приписывал "творцам материалистического понимания истории" и которое он не принимал, действительно имело широкое хождение среди современных ему марксистов, особенно русских. Кроме того, в книге "Теоретические основы марксизма", выдержавшей в 1905 - 1918 гг. четыре издания, М.И.Туган-Барановский критиковал не теорию марксизма как таковую, а ее основы, как он их понял⁹¹. А понял он их примерно так же, как и его современники - марксисты. Но они их приняли, а он - нет. "Марксизм застыл в форме неподвижной ортодоксии, в которой не заметно никаких признаков развития"⁹².

В частности, М.И.Туган-Барановский не принял марксистскую теорию производительных сил, поскольку в ней ("как он понял") человеку не нашлось подходящего места. С этим приходится согласиться хотя бы частично. В предыдущем параграфе уже отмечалось, что общую концепцию родовой сущности человека К.Марксу не удалось реализовать в "Капитале". Как довольно тонкий методолог М.И.Туган-Барановский это почувствовал. Не принял он и трудовую теорию стоимости, основанную на двойственном характере труда, создающего товар. Но здесь уже дело не столько в К.Марксе, сколько в М.И.Туган-Барановском, который практически прошел мимо Г.Гегеля, не понял и не принял его, как и практически все его современники.

Тем не менее, на наш взгляд, М.И.Туган-Барановскому удалось найти одно действи-

⁸⁹ Там же. С.133.

⁹⁰ Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. С.55.

⁹¹ См. Туган-Барановский М.И. Теоретические основы марксизма. Спб., 1905. С.3.

⁹² Туган-Барановский М.И. Социальная теория распределения. Изв. Санкт-Петербургского политехнического института, 1913. Т.20. С.4

тельно слабое место трудовой теории стоимости К.Маркса. С одной стороны, товар - это внешний предмет, вещь. Ее двойственный характер как одновременно потребительной и меновой стоимости (ценности) определяется двойственным характером труда, создающего эту вещь. Но в эту теорию не вписывается товар - рабочая сила. "Нелепо говорить о производстве рабочей силы. Рабочую силу никто не производит"⁹³. Здесь нет необходимости подробнее развивать эту тему, т.к. она уже разрабатывалась в публикациях автора⁹⁴.

В связи с этим же пунктом следует отметить, что М.И.Туган-Барановский нащупал (но только нащупал, а не всесторонне раскрыл) довольно тонкую разницу между теорией стоимости и теорией распределения. Первая, по его мнению, должна объяснять цены товаров, вторая - распределение доходов в обществе. На этой основе он из всего мира товаров и их цен выделяет такие, которые на самом деле не являются товарами и ценами, т.к. не допускают равенства сторон, их возможности поменяться местами.

"В основе теории цены лежит предпосылка социального равенства участников меновых актов... Цены всех товаров в совокупности не могут составить единое целое и понятие сумм товарных ценностей не имеет смысла с этой точки зрения. Другое дело феномены распределения. Во-первых, участники актов распределения не только не равны в социальном отношении, но именно в этом неравенстве и состоит сущность самого феномена распределения. В актах распределения сталкиваются представители самых разных социальных классов... во-вторых,... одна из главнейших задач теории распределения заключается именно в определении отношения между всеми массами заработных плат, прибылей и рент в определенном обществе"⁹⁵.

Строго говоря, М.И.Туган-Барановский полемизирует здесь не только с К.Марксом, но и с господствующим в его время взглядом на соотношение теорий стоимости (ценности) и распределения (согласно которому образование доходов представляет собой частный случай образования цены), отдавая предпочтение "старой политической экономии", Д.Рикардо, который, однако, "руководствовался лишь правильным научным инстинктом, а не ясно сознательной логической природой данной научной проблемы"⁹⁶. Но фиксация социального неравенства, осуществленная М.И.Туган-Барановским, - лишь одно из необходимых условий методологического различения обмена и распределения. Другое - четкое разграничение обмена и аренды, соответственно цены и ренты. Этого у М.И.Туган-Барановского еще не было. "Мы можем рассматривать рабочую силу как товар. Она и действительно является товаром, если считать товаром все, что вступает в обмен"⁹⁷. Не трудно заметить, что обмен здесь отождествляется с возмездностью отношений, одинаково свойственной и собственно обмену (вещи на вещь), и аренде.

Детальное рассмотрение этой проблемы будет осуществлено в одной из последующих глав данной работы. Пока что отметим, что отношения аренды фундаментальнее отношений обмена, т.к. могут существовать (и реально существуют уже не одну тысячу лет) и вне рынка. "Явления распределения покоятся на более глубоком основании, не имеющем ничего общего с каким-либо явлением цены"⁹⁸.

Последнее, что следует отметить здесь в связи с полемикой М.И.Туган-Барановского с марксизмом, касается не теории, а политической практики русских марксистов, их постепенного перехода на позиции народников. "Молодые народники не отрицают, что... натуральное крестьянское хозяйство неизбежно разлагается современным хозяйственным строем. Они настаивают лишь на том, что... и в пределах капиталистической системы крестьянское хо-

⁹³ Там же. С.37.

⁹⁴ См. Гребнев Л.С. О чем писал М.И.Туган-Барановский. Экономические науки 1990. N5.

⁹⁵ Туган-Барановский М.И. Цит. соч. С.14-16.

⁹⁶ Там же. С.8.

⁹⁷ Там же. С.38.

⁹⁸ Там же. С.18.

зяйство не отмирает:... в то время как в промышленности неудержимо растет крупное производство, фабрика, в земледелии крестьянское хозяйство сильнее крупного капиталистического и постепенно вытесняет последнее"⁹⁹. Не трудно заметить, что под определение "молодых народников" здесь попадает и А.В.Чаянов, который как раз в период написания этих слов был молодым исследователем трудовых крестьянских хозяйств, изучавшим их повышенную живучесть по сравнению с капиталистическими.

Но марксисты приблизились к народникам по вопросам кооперации, которая лишь для теоретиков была вторична по отношению к самостоятельному крестьянскому хозяйству. Для широких же масс в России кооперация не имела существенных отличий от общинных традиций коллективности, в рамках которых и воспроизводились условия нормального функционирования трудовых крестьянских хозяйств. В результате приспособления социал-демократами своих политических требований к интересам господствующего по численности в России крестьянства "получилось, что аграрные программы марксистов стали все больше приближаться к аграрным программам народников, пока, наконец, между ними не исчезли какие бы то ни было принципиальные различия... Марксисты нашего времени несколько не менее народников сочувствуют кооперации и принимают, в лице своих представителей, деятельное участие в кооперативном движении. Наши наиболее видные кооператоры выходят даже теперь, по преимуществу, из среды марксистов. При таком положении дел старые споры и разногласия решительно утрачивают свой смысл. Жизнь, своей властной рукой, вынула из под них почву"¹⁰⁰. Написано это было до Октября 1917 года, после которого жизнь своей властной рукой похоронила и народников, и этих марксистов, поставив на их место совсем других марксистов-народников, "коллективизаторов". И все же об определенной преемственности и здесь можно говорить. Ведь колхоз потому и прижился, что во многом унаследовал традиции русской соседской общины.

Даже самый краткий обзор российских поисков концепции человека в экономике вряд ли может быть признан удовлетворительным без рассмотрения взглядов С.Н.Булгакова. Один из основных авторов "Вех", этот мыслитель проделал путь от аграрника-марксиста до православного священника. Этот переход во многом, если не в решающей степени, был связан с неприятием марксовой концепции человека, как он ее понимал. В начале этого перехода он писал: "Отрицая социально-философскую доктрину марксизма и исходя из совершенно других философских оснований, я по прежнему остаюсь верен ему во всем, что касается основных вопросов конкретной социальной политики, отступая от него лишь в тех пунктах экономической доктрины, где последняя представляется мне ошибочной в силу аргументов специально экономического характера (например, в аграрном вопросе)"¹⁰¹. За три года до этого им был опубликован двухтомный труд "Капитализм и земледелие", где он приходит (задолго до А.В.Чаянова) к выводам о высокой устойчивости крестьянского хозяйства и его благоприятных перспективах даже в условиях развития капитализма.

В конце перехода к православию, в 1912 году, им была опубликована работа "Философия хозяйства. Часть I. Мир как хозяйство", представляющая для нас особый интерес. Здесь он уже признает трудовую теорию стоимости не защитимой в прежнем виде, однако самому труду он уделяет гораздо большее внимание, чем его современники - маржиналисты и даже марксисты. В этой книге С.Н.Булгаков дает свое понимание хозяйства, потребления и производства, свободы и необходимости в экономике, ряда других ключевых тем.

Приведем из нее несколько высказываний С.Н.Булгакова, имеющих отношение к теме исследования. "Хозяйство есть борьба человека с стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечения природы, превращения ее в потенци-

⁹⁹ Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. С.52.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Санкт-Петербург, 1903. С.315.

альный человеческий организм"¹⁰². "[Мое] определение хозяйства шире, чем в политической экономии: хозяйство есть планомерная деятельность человека, направленная к удовлетворению его материальных потребностей... Труд, и притом подневольный, отличает хозяйство... Труд есть та ценность, которою приобретаются блага, поддерживающие жизнь. Эта истина как темное предчувствие лежит в основе так называемых трудовых теорий ценности в политической экономии"¹⁰³. "В поте лица, хозяйственным трудом, не только производятся хозяйственные продукты, но создается и вся культура. Печать хозяйства кладется именно трудом, в этом права трудовая теория ценности, права политическая экономия, которая верно чувствует универсальное, космическое значение труда"¹⁰⁴. "Политическая экономия, хотя и с самого своего возникновения не расставалась с принципом труда, но в силу низкой степени философской сознательности и ограниченности ее духовных горизонтов не знала, как ей воспользоваться этим принципом... Политическая экономия [в лице А.Смита и других] сузила понятие труда до "производительного" труда, выражающегося в материальных благах"¹⁰⁵. "Фактически экономический материализм есть господствующая философия политической экономии. Практически экономисты суть марксисты, хотя бы даже ненавидели марксизм... Дело обстоит так, как будто догматы экономизма есть единственно возможная и само собою разумеющаяся философия хозяйства вообще. Задача философской критики поэтому состоит в том, чтобы разбить этот наивный догматизм и, поставив его под вопрос, сделать предметом особого философского рассмотрения"¹⁰⁶. Схема трудовой теории меновой ценности такова: Большая посылка - труд есть высшее начало хозяйственной жизни, ее собой устанавливающее; меньшая посылка - эта роль труда должна соответственно проявляться и в феноменологии хозяйственной жизни; вывод - поэтому меновые пропорции, или ценности товаров, определяются количеством труда, затраченного на их производство... Но в действительности труд лежит еще глубже, поэтому, хотя трудовая теория ценности незащита в строгой форме, предчувствие роли труда в политической экономии опережало философию¹⁰⁷. Питание [включая и информацию] есть поддержание живого организма неживой средой. Жизнь есть способность потреблять [включая информацию] мир, приобщаться к нему¹⁰⁸. "Еда есть натуральное причащение, приобщение плоти мира,...обнаружение нашего единства с миром"¹⁰⁹. "Природа едина, и это единство просвечивает в основной функции хозяйства - потреблении"¹¹⁰. "Возможность производства основана на тождестве субъекта и объекта в хозяйстве... Это тождество есть труд как человеческая актуальность, объективирующая во вне"¹¹¹. "Насколько объект в хозяйстве ощущается как граница мощи субъекта, настолько в нем выражается необходимость, несвобода для субъекта; насколько же эта граница постоянно отодвигается и снимается субъектом, настолько в этом осуществляется его свобода. Свобода в хозяйстве имеет своим объектом необходимость, т.е. свою противоположность... свобода есть вненаучное, сверхнаучное (хотя и не противонаучное) понятие"¹¹². "В мировой цепи механической причинности включены звенья абсолютно-индивидуального характера, благодаря которым в данных точках мировая причинность преломляется по новому"¹¹³. "Я как обособляющее начало, побеждается не в субъекте,...но в объекте, через приобщение к единой

¹⁰² Там же. С.43.

¹⁰³ Там же. С.45.

¹⁰⁴ Там же. С.46.

¹⁰⁵ Там же. С.99.

¹⁰⁶ Там же. С.4.

¹⁰⁷ См. там же. С.105.

¹⁰⁸ Там же. С.83.

¹⁰⁹ Там же. С.84.

¹¹⁰ Там же. С.89.

¹¹¹ Там же. С.97-98.

¹¹² Там же. С.213.

¹¹³ Там же. С.215.

сущности - Божественной Софии, идеальному человечеству"¹¹⁴. "Только Бог имеет все в Себе и ничего вне Себя, поэтому объект для Него не существует. В тварном мире... субъекты неизбежно находят в себе объект, не-я, существующий вне субъекта как необходимости"¹¹⁵. "Конкретное творчество жизни, в котором действует живая причинность, т.е. причинность через свободу,...оказывается недоступной социологическому методу"¹¹⁶.

Читая подобные суждения, современный марксист, изучивший "Экономическо-философские рукописи 1844 г.", другие рукописные материалы К.Маркса, ставшие известными лишь в XX веке, может только удивиться, насколько критика С.Н.Булгаковым марксизма-экономизма шла в русле собственных размышлений К.Маркса. С одним существенным различием, касающиеся религии.

Для христианина С.Н.Булгакова выше личности только Бог. Он согласен считать человека частью человеческого рода, даже видеть связи между поколениями, превращающими человеческий род в нечто целое. Но это целое целиком принадлежит тварному миру, преходяще, как и все тварное. В отличие от тоже тварного индивида человеческий род не имеет души, не причастен сам по себе к Богу, к высшему началу жизни, "Христову телу". Личность выше рода. Поэтому всякое упоминание К.Марксом выражения "родовое существо" вызывает у С.Н.Булгакова законный протест, в нем усматривается готовность растворить личность "в темном и густом тумане, из которого соткано это "родовое существо", предносившееся воображению Фейербаха, и растаивающее в воздухе при всякой попытке его осязать"¹¹⁷.

Для атеиста К.Маркса "выше" личности не только материя в целом, частью которой является любое тело, но и человеческий род, как весьма специфическое тело, образуемое совокупностью циклических процессов смены поколений, обмена веществ с природой и развития культуры. Против религии он потому и возражает самым решительным образом, что она (в стандартном западном варианте) пытается дистанцировать индивида от человеческого рода, от реальных связей их жизней как через обещание воскресения и вечной жизни после страшного суда и прекращения воспроизводства человеческого рода ("Чада века сего женятся и выходят замуж; а сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят, и умереть уже не могут"¹¹⁸, так и через требование любовь к Христу ставить выше любви к другим людям, к ближайшим родственникам. ("Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником"¹¹⁹.

Строго говоря, восточная религия, чуждая идей страшного суда и воскресения для вечной жизни, так же "проскакивает" мимо такого специфического тела, как человеческий род. Например, идея "переселения душ", инкарнации не делает различий между человеком и каким-либо другим живым существом. В отличие от таких религиозных представлений о природе человека свободная индивидуальность, по К.Марксу, способна осознать причастность своей жизни к жизни человеческого рода и свою ответственность за продолжение жизни человечества после своей смерти.

Как видно из предшествующего обзора, в начале XX века в России велись весьма разнообразными и напряженными поисками концепции человека в экономике. В различной мере они воспринимали или, наоборот, отторгали марксизм в том виде, в каком он тогда проникал в страну в основном через очень ограниченный круг опубликованных произведений основоположников этого учения и большое число работ их учеников и политических последователей (от которых сам К.Маркс часто дистанцировался, утверждая, что сам он не "марксист"). Одно

¹¹⁴ Там же. С.225.

¹¹⁵ Там же. С.230.

¹¹⁶ Там же. С.261.

¹¹⁷ Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип. Вопросы экономики. 1990. N11. С.138.

¹¹⁸ Лук. 20, 34-36.

¹¹⁹ Лук. 14, 26.

из течений тогдашней российской интеллигенции отличалось стремлением исповедовать самый правильный марксизм, претендуя лишь на право творчески применять его в специфических российских условиях. Течение это со временем одержало крупную политическую победу.

Этого не смогло бы произойти, если бы упомянутое течение, особенно большевики, были бы всего лишь носителями чуждых народу западных умозрительных теорий, утопий. В чем-то очень важном менталитет их был именно российским. Вот как это виделось С.Н.Булгакову: "Известная неотмирность, эсхатологическая мечта о Граде Божиим, о грядущем царстве правды (под разными социалистическими псевдонимами) и затем стремление к спасению человечества - если не от греха, то от страданий - составляют, как известно, неизменные и отличительные особенности русской интеллигенции... В этом стремлении к грядущему Граду, перед которым бледнеет земная действительность, интеллигенция сохранила, быть может, в наиболее распознаваемой форме черты утраченной церковности. Сколько раз во II Государственной Думе в бурных речах атеистического левого блока мне слышались - странно сказать! - отзвуки психологии православия, вдруг обнаружилось влияние его духовной прививки"¹²⁰.

Само по себе православие здесь ни при чем. Выше уже отмечалось, что особенность российской культуры по сравнению с западной состояла в гораздо большей духовной свободе личности при ее меньшей социальной свободе. Одно другое хорошо дополняло и уравнивало, образуя устойчивую пару. В наше время, точнее в период застоя, эта пара имела вид сочетания "кухонной свободы мысли" и социальной лояльности "по службе". Сочетание же духовной раскрепощенности с обладанием деспотической властью ("интеллигенция в союзе с татарщиной" по выражению того же С.Н.Булгакова) - крайне неустойчиво и губительно. Это чувствовал (предчувствовал) С.Н.Булгаков¹²¹, но совершенно не ощущал М.И.Туган-Барановский, когда выступил одним из авторов анти-веховского сборника "Интеллигенция в России": "В чем будет заключаться "гибель России", ни С.Н.Булгаков, ни другие авторы "Вех" не поясняют. По-видимому, эту гибель они усматривают в распадении Русского государства как естественном результате торжества революции..."¹²².

Хорошо известна мысль К.Маркса, что идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами. История России в XX веке подтвердила истинность этой мысли, однако, как ни парадоксально, на примере далеко не марксовых идей, хотя они и проповедовались под именем марксизма. Если говорить о западном влиянии, то больше всего в них от учения А.Сен-Симона о мировом правительстве, универсальной иерархии, где каждому указано его место, ресурсы распределяются централизованно на основе системы материальных балансов.

"Если кому-либо отказано в инструментах, которые он просит, то это вызвано лишь тем, что, по мнению компетентных руководителей, он более способен выполнять другую функцию"¹²³. Правда, Сен-Симоновское миролюбие показалось чистой утопией и было отброшено. ("Но чтобы хорошо понять наши идеи о собственности, необходимо не отделять их от изложенных ранее идей о развитии человечества, о законе этого развития... Когда мы указываем на предстоящую перемену в социальном строе,... то мы хотим этим сказать и указать, что переход от одной организации к другой не будет и не может быть резким и насильственным, а мирным и постепенным"¹²⁴.

Выше уже отмечалось, что самому К.Марксу не удалось последовательно реализовать в экономической теории концепцию "человека как родового существа". Уже это стало благо-

¹²⁰ Вехи. Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия. 1991. С.48.

¹²¹ См. там же. С.45.

¹²² Там же. С.426.

¹²³ Изложение учения Сен-Симона. С.297.

¹²⁴ Там же. С.299-303.

приятной почвой для упрощений, которые вскоре и последовали. Довольно четко это проявилось в полемике по поводу перевода на русский язык "Капитала" К.Маркса. Особенно это касается термина Wert.

В последнее время предлагают восстановить перевод немецкого термина "Wert" как ценность, а не как стоимость. Выражения "потребительная ценность", "меновая ценность" товаров звучат по-русски действительно более осмысленно, более естественно, чем "потребительная стоимость", "меновая стоимость", поскольку они хорошо показывают различные полезные свойства вещи как товара для продавца. В то же время термин "стоимость" как обозначение общественно необходимых затрат труда представляется более оправданным именно из-за затратного оттенка в современном русском языке самого слова "стоимость" ("Кто бы знал, чего мне это стоило!" или: "Париж стоит обедни!"). Если быть совсем точным, то в обмене товар предстает и как меновая ценность (как показатель того, что может продавец получить в обмен на то, что у него имеется), и как меновая стоимость (как показатель того, что надо отдать, чтобы получить то, что требуется). (Вообще-то выражения типа "стоящая идея" как эквивалент "ценной идеи" свидетельствует о неполном расхождении смысла этих слов в русском языке.)

Современная дискуссия о правильности его перевода - далеко не первая. В первом русском издании "Капитала" (1872 г.) термин "Wert" был передан словом "стоимость" в отличие от существовавшего тогда в российской политической экономии термина "ценность". Этот вариант закрепился в марксистской политической экономии, сформировавшей свою традицию. В 1899 г. П.Струве пытался в новом переводе "Капитала" вернуться от "стоимости" к "ценности". Отчасти ему это удалось. Во всяком случае, в марксистской литературе того периода оба варианта сосуществовали вполне мирно, например, В.И.Ленин употреблял термин "стоимость", а Н.И.Бухарин - "ценность". М.И.Туган-Барановский применял оба термина, четко различая их смысл.

В дальнейшем употребление термина "ценность" было заклеено как вариант, который влечет целую теорию, в корне чуждую учению К.Маркса, - теорию предельной полезности, где термин "Wert" являлся таким же ключевым, как и в экономической теории К.Маркса¹²⁵. В предисловии к I тому "Капитала", изданном на русском языке в 1909 г., специально подчеркивалось, что "ценность", как она употребляется в обыденной речи, а также в психологии и философии, соответствует исключительно субъективно-психологическому смыслу слова "Wert". Одновременно признавалось, что "стоимость" передает только объективное содержание этого немецкого слова и притом далеко не во всем его универсальном объеме, а лишь в том случае, когда "иметь значение" равносильно "чего-нибудь стоить". "Таким образом ни ценность, ни стоимость - даже сложенные вместе - не выражают всех оттенков слова Wert"¹²⁶.

Нетрудно заметить, что сами "предельщики", "субъективщики" понимали ценность вполне объективно. Возьмем, например, Е.Бем-Баверка и прочтем: "Ценностью в субъективном смысле мы называем то значение, которое имеет известное материальное благо или совокупность известного рода материальных благ для благополучия субъекта"¹²⁷. Что здесь субъективного? Ничего. Речь идет о двух конкретных материальных телах ("блага" и "субъекте") и о том, какая объективная связь может быть между изменением одного из них ("блага") и изменением другого ("субъекта"). Если уж придирается, то к термину "субъективный", вместо которого точнее было бы сказать "субъектный". Отражает ли эта "противомарксистская" теория какие-то реальности, когда различаются значения блага для субъекта от жизненно важного до безразличного или почти безразличного? Конечно, если различать экзи-

¹²⁵ Маркс К. Капитал. /Под ред. В.Базарова и Н.Степанова, общ. ред. А.Богданова. М.: Моск.книгоиздательство. 1909. Т.1. С.XI.

¹²⁶ Там же. С.VI.

¹²⁷ Бем-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ. Л., 1929. С.7.

стентные, количественные и другие изменения субъекта. Но их различал и Ф.Энгельс в "Диалектике природы": "Благодаря производству так называемая struggle for existence (борьба за существование) вскоре перестает ограничиваться одними лишь средствами существования, но захватывает и средства наслаждения и развития"¹²⁸. Правда, в то же время ему казалось, что понимание истории как ряда классовых битв гораздо содержательнее и глубже, чем "простое сведение ее к слабо отличающимся друг от друга фазам борьбы за существование"¹²⁹.

Продолжить исторический экскурс, связанный с термином "стоимость", можно еще одной цитатой из Е.Бем-Баверка: "Двусмысленность выражения "ценность" (= "стоимость", Wert. - Л.Г.) породила бесчисленное множество ошибок и недоразумений, да и в будущем она, наверное, породит их еще немало (как в воду глядел. - Л.Г.). К сожалению, устранить это неудобство пока нет и не предвидится никакой возможности. Присвоить субъективной (субъектной. - Л.Г.) ценности какое-нибудь другое название, - как предлагал, например, Джевонс, - совершенно нельзя... Скорее можно было бы заменить название "ценность" в его объективном смысле кратким и выразительным словом "меновая сила". Я признаю это даже весьма желательным, но не рассчитываю, чтобы такого рода предложение было принято скоро. Дело в том, что в нашем (немецком. - Л.Г.) языке название "ценность" остается пока связанным с объективной половиной своего двойственного значения не менее прочно, чем с субъективной. Разорвать эту связь, правда не представляется невозможным, но все-таки это дело очень нелегкое, особенно для романских языков, в которых со словами "valore", "valeur", "value" соединяется объективный, меновой смысл в гораздо большей степени, чем с немецким словом "Wert"¹³⁰. Если учесть, что английский язык для классической политической экономии настолько же привычнее, насколько немецкий - для классической философии, то трудно найти более авторитетное свидетельство в пользу перевода "Wert" как "стоимость" в произведениях К.Маркса, чем свидетельство его теоретического антипода.

В дальнейшем эти споры о качестве перевода Wert на русский язык забылись вместе с именами, практически вычеркнутыми из нашей истории, и термин "стоимость" получил как бы самостоятельное значение, уже не связанное со сложной и тонкой теорией К.Маркса. Его затратность в обиходном употреблении стала доминантой и экономического мышления, внося свой вклад в наукообразное обоснование затратной экономики.

В предыдущем параграфе уже отмечалось, что невольный повод для упрощенного понимания марксизма давал и Ф.Энгельс (признавший в письме Й.Блоху от 21 сентября 1890 года за собой и К.Марксом частичную вину за то, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует). Например, когда в "Анти-Дюринге" в качестве предмета политической экономии назвал законы, управляющие производством и обменом материальных благ. Закрепил своим авторитетом этот вещистский уклон И.В.Сталин, когда, комментируя одну из известных работ К.Маркса, прямо отождествил производство жизни с производством материальных благ, необходимых для жизни¹³¹. Этому же автору принадлежит формула "От каждого по способностям, каждому по труду", которой нет и не могло быть ни у К.Маркса, ни у В.И.Ленина. Никак не могли они "свести" вместе способности человека (именно как человека) и средства поддержания его существования. Получая "по труду", человек работает не "по способностям", а по тому, как ему заплатят, стараясь не переработать лишних (неоплачиваемых) полчаса по сравнению с другим¹³².

Дело доходило и до прямых замалчиваний. Выше уже приводилась цитата из "Немецкой идеологии", где концепция "местного коммунизма" была прямо-таки высмеяна. В год

¹²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.622.

¹²⁹ Там же. С.623.

¹³⁰ Бем-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ. С.10,11.

¹³¹ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С.64.

¹³² Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.33. С.96.

первого опубликования соответствующего фрагмента - 1924 - о строительстве социализма в одной стране речь еще не шла. Впоследствии же на первые тома "Архива К.Маркса и Ф.Энгельса" был наложен арест одновременно с репрессиями против их редактора Д.Б.Рязанова. Вновь "Немецкая идеология" была опубликована только после полной победы линии на строительство у нас социализма.

Поскольку М.И.Туган-Барановский, С.Н.Булгаков и другие довольно квалифицированные критики марксизма также практически выбыли из нашей жизни, многие их замечания, способные стимулировать развитие марксовской концепции человека в экономике, также оказались не востребованными. Выше были приведены только некоторые из этих замечаний, наиболее интересные и существенные, на наш взгляд.

Наконец, главный недостаток российской версии марксизма, утвердившейся в качестве официального учения, состоит в том, что она оказалась совершенно неприспособленной для обнаружения и исследования феномена эксплуатации в России на протяжении шести десятилетий XX века. И это при том, что именно на наиболее глубокое, сугубо научное объяснение феномена эксплуатации претендовали и ортодоксальный марксизм, и его российская версия. Следует отметить, что возможность самоэксплуатации и даже эксплуатации коллективом своих членов признавал К.Маркс, правда в работе, оставшейся неизвестной первым российским марксистам - "Экономическо-философских рукописях 1844 г.". Он даже говорил об особой гнусности такой формы частно-собственнической эксплуатации¹³³. В отличие от него В.И.Ленин, рассматривая государство как один синдикат, в котором все работают по найму (т.е. та же община как всеобщий капиталист у К.Маркса), отмечает эту форму как первую ступень по избавлению от гнусности и мерзости капиталистической эксплуатации¹³⁴.

Подытоживая, можно сказать, что русская версия марксизма восприняла из первоначального учения главным образом то (и дополнило его из утопистов тем), что в какой-то мере создавало идеологическое обеспечение, или хотя бы видимость такого обеспечения, для перестройки российского общества, способствовавшей повышению его выживаемости в соседстве с более развитыми в техническом отношении странами с другой, индивидуалистической культурной традицией. При этом фактическое пренебрежение социальными правами индивидов, особенно имущественными, во многом продолжало российские традиции, а отнюдь не было заимствовано извне.

Сейчас вновь стоит вопрос о выживаемости российского общества, но в уже сильно изменившемся мире. Проблема человека в экономике опять становится актуальной и требующей рассмотрения в самом широком диапазоне - от индивида до человеческого рода. Наибольший задел здесь, по нашему мнению, все еще остается в Марксовом наследии, не смотря на критические замечания, высказанные выше. Поэтому в последующих главах данного исследования это наследие будет привлекаться более активно, чем работы других авторов.

* * *

В целом проведенное в данной главе исследование, на наш взгляд, приводит к следующим выводам.

1. Расхождения "основного течения" и марксизма в понимании человека в экономике не так велики, как это представляется самим представителям этих течений экономической теории.

2. Это оказывается возможным благодаря непоследовательности проведения исходных методологических принципов в рамках каждого из этих течений. Так, в работах, посвященных исследованиям рыночной экономики, в том числе в "Капитале", К.Маркс фактически переходит от концепции человека как родового существа к "экономическому человеку" в

¹³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.42. С.116.

¹³⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.33. С.116.

лице индивидов, чей труд и производит стоимость. В то же время Ф.Хайек отходит от выбора индивидов как исходной категории неоклассики, когда переходит к эволюционному рассмотрению экономических процессов, и по многим пунктам сближается с подходом основоположников марксизма.

3. И неоклассическое, и марксистское течение во многом базируются на философском багаже конца 18 - начала 19 веков (кантиантском в одном случае и гегельянском в другом) и в недостаточной степени учитывают как общее развитие культуры и научного знания, так и наиболее важных конкретных открытий, имеющих значение для понимания человека, его деятельности в хозяйственной сфере.

Эти выводы позволяют в следующей главе сосредоточить основное внимание именно на философско-методологических моментах и научных достижениях, имеющих за пределами собственно экономической теории, но позволяющих выйти на новые ракурсы рассмотрения традиционных экономических категорий.

Глава 2. МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАК ПРОТИВОРЕЧИВОЕ ЕДИНСТВО ПРОИЗВОДСТВА ЛЮДЕЙ И ПРОИЗВОДСТВА ВЕЩЕЙ

Вводные замечания

На наш взгляд, длительная борьба партий материализма и идеализма в философии привела в XX веке к значительному сближению позиций по многим важным пунктам. Отделение понятия материи от материальных предметов как всеобщего от особенного, начатое В.И.Лениным, - это не только развитие материалистической традиции, но и большой шаг к признанию правды идеализма и даже ненавистного В.И.Ленину фидеизма. Правды, заключающейся в несовершенстве, неполноте "посюстороннего мира" как мира материальных предметов, конечного, тварного мира, "града земного".

Бог и материя функционально сейчас слились почти полностью: и то, и другое признается несотворимым и неуничтожимым; и для того, и для другого мир материальных предметов рассматривается как что-то вроде одной из форм проявления, существования всеобщего начала, формы весьма несовершенной, преходящей; в этом несовершенном предметном мире человек рассматривается как самое совершенное творение, наиболее близкое по своим качествам всеобщей "инстанции"; мерилom совершенства и в том, и в другом случае выступает степень индивидуальной свободы, понимаемой прежде всего как свобода от суеверий, ложных ценностей, абсолютизации тех или иных предметов, вещей, независимость от какого-либо давления "со стороны", от внешней причины, самодетерминация.

В свое время К.Маркс в 1 тезисе о Фейербахе отметил, что идеализм имеет приоритет перед материализмом в разработке деятельной стороны бытия, но не знает чувственной предметности. Но начиналось религиозное сознание с тотема, т.е. чувственно-сверхчувственной предметности. Можно сказать, что материализм следовал за идеализмом в понимании ограниченности чувственно-предметной и вообще предметной формы бытия. Всеобщее начало сейчас связывается со спонтанной изменчивостью, а предметность - с особой сферой ее проявления. В то же время отдельно взятый индивид, осознающий конечность своего существования, - это та предметная реальность, с которой должна считаться любая философская система, претендующая на внимание к себе со стороны человека.

Пожалуй, единственное заметное сейчас расхождение (в рамках обсуждаемой здесь темы) - в отношении к человеческому роду. Религиозному мышлению свойственно игнорирование специфики этого предмета. Вместе с этим на второй план отходит и проблема эксплуатации человека человеком. (В западной религиозной традиции эсхатология проводит непреодолимую границу между конечным во времени существованием человеческого рода ("конец света") и бесконечным трансфизическим существованием отдельно взятых людей. В восточной религиозной традиции, чуждой эсхатологии, специфика человеческого рода теряется из-за представлений о возможности межвидовой инкарнации, воплощения одной и той же бессмертной души то в человеке, то в каком-либо животном.) Материализм же настаивает на уникальности этого предмета и на том, что продолжение его существования в рамках предметной формы существования материи в принципе ничем не ограничено, кроме действий самих людей. Отсюда нетривиальная проблема сочетания свободы индивида и необходимости продолжения жизни человеческого рода. Деформация проявлений этой свободы в условиях эксплуатации человека чревата фатальными последствиями.

(Если понимать эксплуатацию в самом широком смысле как паразитирование низших форм жизни на высших, то рабочее время - это время ограничения, подчинения творческих способностей человека рутинным биологическим потребностям. Эксплуатации духа телом, если так можно выразиться. Или иначе: "человек - раб желудка". На наш взгляд, именно эта самоэксплуатация, появившаяся чуть ли не раньше человека, трансформируется затем, по мере функционального и предметного разделения труда, в разные формы взаимной эксплуа-

тации, некоторые из которых вырождаются в одностороннюю эксплуатацию - источник конфликтов в обществе и угрозу его существованию. Но царство свободы (от самоэксплуатации) - не только возможное светлое будущее всего человечества. По сути дела детство - это то реальное царство свободы, более или менее совершенное, из которого каждый уносит во взрослую жизнь способность быть человеком.)

1. Человеческий род как предмет воспроизводства в экономике

В работе, посвященной проблеме человека в экономике, невозможно обойтись без обращения к философским вопросам весьма высокой степени общности. К наиболее общим у нас обычно относятся понятия материи и ее движения в пространстве и во времени, но этот уровень абстракции слишком высок и потому недостаточен для целей данного исследования. Чуть более конкретно понятие материального предмета и его изменений. Этот уровень уже может представлять интерес, так как в нашем случае тоже речь идет о постоянном предмете - обществе - с изменяющимися свойствами.

На наш взгляд, единственное свойство, которое можно и нужно "приписывать" материи, и только ей - это ее неуничтожимость (и несотворимость, само собой). Других определенных свойств, атрибутов материя не имеет, а потому вторым после неуничтожимости ее "свойством" является неопределенность (полная, бесконечная и т.п.), изменчивость. Всякая же материальная вещь и определена, и потенциально исчезаема. Вопрос в том, в какой мере продолжение существования вещи или ее исчезновение зависит от ее собственных изменений. Особенно высока эта самозависимость существования у материальных тел, обладающих мышлением.

Самосохранение (при самоизменении) - это единственное свойство, которое "совершенным образом" присуще только материи. Вещи же, материальные предметы этим свойством обладают лишь "несовершенным образом". Несовершенство это, однако, может меняться в очень больших пределах - от полной невозможности продолжить существование за счет собственных изменений до контроля общества над производством собственной жизни.

При таком подходе представляется корректным говорить о законах сохранения, которым подчиняется существование определенных материальных тел и их совокупностей, о законах перехода от одной формы "самосохранения" предметов к другой, более совершенной, более самозамкнутой и одновременно более пластичной. Но называть их всеобщими законами развития природы вряд ли возможно.

На наш взгляд такая исходная позиция позволяет достаточно естественно, без насилия над эмпирическим материалом выйти на три типа воспроизводства - первичного, переходного и нормального, наиболее отвечающего "природе человека", точнее, человеческого рода как самого совершенного из несовершенных материальных предметов.

Пожалуй, материальный предмет и его изменения довольно полно первым исследовал Аристотель. В работе "О возникновении и уничтожении" Аристотель назвал четыре типа изменений вещей: 1) появление и исчезновение, 2) количественные и 3) качественные изменения, 4) перемещение: Когда изменение [из противоположного] в противоположное относится к количеству, тогда это рост или убыль; когда к месту - то это перемещение; когда к свойству и качеству - то это изменение; когда же не остается чего-либо, противоположность чего есть качество и вообще привходящее свойство, тогда имеется возникновение [одного] и уничтожение другого.

Материя же - это больше всего в собственном смысле слова субстрат возникновения и уничтожения..."¹.

Из них три типа изменений можно считать абсолютными, так как они относятся к самой вещи, а одно - относительным, так как оно касается ее положения по отношению к другим вещам. Причем появление и исчезновение Аристотель отнес к особому типу - изменени-

¹ Аристотель. Соч. М., 1981. Т.3. С.395.

ям как таковым, а остальные счел возможным назвать движением: "несуществующее не может находиться в движении. Если же это так, то и возникновение не может быть движением... возникновение противоположно гибели и потере - получению, но это изменения, а не движения"².

Хотя речь здесь идет об очевидных, казалось бы, вещах, есть один весьма тонкий момент, которому уделяется недостаточное внимание. Речь идет о принципиальном различии материи и материального предмета и, соответственно, движения материи и движения материальных предметов. Неуничтожимость и несотворимость материи, а также ее, так сказать, единственность ограничивают движение материи количественными и качественными изменениями. Поэтому, если быть последовательными, надо признать, что закон взаимных переходов количественных и качественных изменений - это закон движения именно материи в целом, а при переходе на уровень материальных предметов этот же закон должен формулироваться несколько иначе - о взаимных переходах четырех типов изменений в рамках каждого отдельного материального предмета и связи изменений различных предметов. При таком переходе от количественных изменений материи вообще как бы отслаиваются относительные изменения (перемещения), а от качественных - скачки, связанные с появлением одних предметов и исчезновением других.

Склонность игнорировать специфику последнего типа изменений (их можно назвать экзистентными, от лат. *existentia* - существование) проявляли уже современники и предшественники Аристотеля, с которыми ему пришлось вступить в полемику. Собственно, и само его произведение "О возникновении и уничтожении" написано именно для уточнения этого вопроса. (Оно так и начинается: "Что касается возникновения и уничтожения тех [предметов], которые по своей природе возникают и уничтожаются, то нужно одинаково для всех них разобрать их причины и дать им определения; нужно, далее, [выяснить], что такое рост и качественное изменение и следует ли полагать, что природа качественного изменения и возникновения одна и та же или нет, как это определяется и самими названиями.

Из древних [философов] одни утверждают, что так называемое простое возникновение есть качественное изменение, другие же полагают, что возникновение отличается от качественного изменения"³.

Сам Аристотель присоединяется ко второй точке зрения, но не вполне последовательно, что видно из допущения им возможности существования таких предметов, которые по своей природе не возникают и не исчезают, т.е. существуют вечно⁴. При более последовательном подходе, т.е. при отрицании существования вечных предметов, сами эти экзистентные изменения становятся естественными границами любого материального предмета, тем, что их в реальности отличает от не-предметов, т.е. их собственных изменений. К сожалению, в современном научном обиходе мы часто смешиваем (не различаем достаточно строго) предметность и изменчивость как разные (взаимоопределяющие) проявления объективной реальности, обладающие разными свойствами. В "Философской энциклопедии" в статье "Предмет" читаем: "Изменение предмета есть явление или процесс. В свою очередь, каждое явление (процесс) можно рассматривать как предмет в широком смысле, т.к. оно тоже есть совокупность многих свойств. Диалектика любой предмет рассматривает в изменении, т.е. как процесс"⁵. Это же смешение объектов и процессов настойчиво повторяется и в новейшем учебнике "Введение в философию Ч.2." (М., 1989) (см., например, с.29: "бытие вещей (тел), процессов"; с.68: "любая вещь есть тоже процесс"; с.293: "в процессах взаимодействия материальные объекты, явления, процессы фиксируют в своих изменениях определенные свойства воздействующих на них объектов, явлений, процессов").

² Там же. С.162,173.

³ Там же. С.381.

⁴ Там же. С.246,433.

⁵ Философская энциклопедия. М., 1967. Т.4. С.357.

Но еще более удивительное (во всяком случае для человека "со стороны") можно найти опять-таки в новейшем "Философском энциклопедическом словаре" (М., 1989). Из статьи "Вещь" можно узнать, что эта категория, обозначающая отдельный предмет материальной действительности, обладающий относительной независимостью и устойчивостью существования, широко использовалась в философии лишь до XIX в., а теперь этот термин сохраняет самостоятельное значение только при анализе социально-экономических проблем для обозначения процесса овеществления отношений между людьми. В других же случаях употребляются термины "объект" и "предмет". Обращение к соответствующим статьям показывает, что и эти термины (как и "овеществление") жестко связаны с человеческой деятельностью, т.е. ни о какой независимости и устойчивости соответствующей материальной целостности говорить не приходится.

Похоже, что в нашей философии диалектика одержала "полную и окончательную" победу над "косной вещью", растворив ее в "процессах". Но не окажется ли такая победа пирровой при выходе за очень узкие границы нашей "чистой" философии?

Например, при обращении к политикоэкономическим проблемам. Сможет ли философия, уйдя от вещи, прийти к человеку? Интересно, как при смешении предмета и изменений понимать такую, например, мысль К. Маркса: "Во время процесса труда труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности"⁶ Аристотель понимал недопустимость такого отождествления и предупреждал в своей "Физике": "Если было бы изменение изменения и возникновение возникновения, то получился бы бесконечный ряд [изменений и возникновений]... Обучение ведь не будет возникновением обучения, следовательно, и возникновение не будет возникновением возникновения"⁷.

Такие "мелочи", как исчезновение понятия "вещь" из категориального аппарата философов, ведут к большим трудностям самих же философов и вместе с ними экономистов в понимании, например, категории "интерес", ставшей сейчас у нас очень злободневной. Вот чем пришлось ограничиться авторам учебника по философии: "В нашей литературе нет однозначного понимания природы интереса. Одна часть ученых считает, что интерес объективен, другая - что он субъективно-объективен, то есть представляет собой отражение в сознании субъекта его объективного положения. Есть основания считать более правильной первую точку зрения: интерес существует объективно, независимо от того, осознан он или нет"⁸.

В учебнике же "Политическая экономия" ограничились указанием на то, что "экономические интересы - это побудительные мотивы хозяйственной деятельности людей, обусловленные их местом в системе отношений собственности и общественного разделения труда, присущими им потребностями"⁹.

Попробуем теперь в порядке первого приближения извлечь из различения материи и материальных предметов конструктивные выводы для экономической теории.

Первый вывод состоит в том, что, каковы бы ни были носители жизни общества, их первый интерес должен состоять в стремлении избежать своего собственного экзистентного изменения - исчезновения. Ведь жизнь любого предмета - это прежде всего его появление, существование и исчезновение. Довольно долгое время в экономической теории этот экзистентный интерес как бы игнорировался. В частности, рассматривалось только простое и расширенное воспроизводство, между тем как в жизни довольно часто встречается и суженное воспроизводство и даже возможно полное прекращение воспроизводства (в том числе и для человечества, причем не обязательно в результате ядерной войны, а как раз из-за ошибок, допущенных при расширении масштабов воспроизводства, усиления нагрузки на приро-

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.200.

⁷ Аристотель. Соч. Т.3. С.164-165.

⁸ Введение в философию. Учебник для вузов. Ч.2. С.468.

⁹ Политическая экономия. Учебник для вузов. С.87.

ду, кроме того, локальные проявления суженного воспроизводства неизбежны и нормальны, а не кризисны при всякой структурной перестройке экономики). Кроме того, учет названных Аристотелем изменений задает естественную содержательную классификацию интересов отдельно взятого носителя. Это следует подчеркнуть, поскольку в литературе больше внимания уделяется классификации интересов по типу их носителя (индивид, коллектив, общество) и делаются попытки анализировать связи интересов различных носителей без учета содержания самих интересов. Представляется, что такие попытки сами по себе вряд ли смогут продвинуть вперед исследование проблемы интересов. Более обоснованным с философской точки зрения представляется подход, при котором анализируются: а) взаимосвязи различных интересов (потенциальных и реальных изменений) отдельных предметов - носителей интересов; б) межпредметные связи интересов в рамках всей совокупности их носителей в обществе; в) связи интересов с изменениями материальных условий существования (тоже с учетом типа изменений этих условий - предметов).

Следующий вывод, непосредственно связанный с первым, состоит в принципиальном различии интересов таких носителей жизни, как отдельные люди и общество в целом. Заведомая конечность существования каждого отдельного человека налагает естественные ограничения на проявление его экзистентного интереса - сохранение существования, а потому повышает значение других типов изменений, интересов: количественных (повышение уровня потребления материальных благ), качественных (развития). Следуя Аристотелю, можно выделить интерес к перемещениям, который у человека, как правило, не существует отдельно, а связан с абсолютными интересами. Поскольку и количественные изменения каждого отдельного человека имеют естественные границы, как ведущий интерес, отвечающий природе человека, выступает только его саморазвитие, если угодно - максимальное саморазвитие на ограниченном интервале времени существования, отведенного ему природой.

Напротив, общество в целом как носитель жизни не ограничено так "априорно" в продолжительности существования. Напротив, само его существование в будущем во многом зависит от его собственных неэкзистентных изменений в настоящем, от его деятельности по созданию материальных условий своего будущего существования. И эта деятельность будет тем успешнее, чем меньше экзистентный интерес общества сталкивается с экзистентными интересами его членов. Поэтому известный принцип распределения по потребностям выступает лишь как способ рационального согласования экзистентных интересов основных носителей жизни общества и, кроме того, косвенным путем - как средство ориентации качественных интересов людей на экзистентный интерес общества.

Почему здесь так подчеркивается именно интерес продолжения жизни общества и не осуществляется переход к рассмотрению других его интересов? Прежде всего потому, что все остальные, на наш взгляд, не имеют самостоятельного значения, т. е. продолжение жизни - это не программа-минимум, а программа-максимум для общества. Ведь действительно "полное развитие господства человека (общества) над силами природы" (К.Маркс) может означать только полную власть над своим собственным существованием. Но это противоречит исходному положению о невозможности существования вечных предметов. Кроме того, развитие знаний о природе в последние 100 лет дало более реальное представление о силах природы и о тех изменениях, которые в ней происходят. С учетом этих знаний самое большее, на что общество может претендовать, это не на бесконечное, а на неопределенно долгое существование. (Кстати, фундаментальной категории "неопределенность" пока не нашлось места ни в "Философском энциклопедическом словаре", ни в учебнике "Введение в философию", тогда как у Гегеля она была ключевой при понимании свободы воли). Неопределенно долгое потому, что всякое изменение материальных условий существования общества в принципе может быть нейтрализовано или компенсировано тем или иным контризмением, осуществляемым по его инициативе. Именно в умении своевременно предвидеть неблагоприятные тенденции и реагировать на них и может проявляться господство человека над си-

лами внешней природы. Но оно имеет сугубо конкретный, относительный характер и должно постоянно изменяться. Ведь возможности природы по изменению материальных условий жизни человека поистине неисчерпаемы.

С учетом этого абсолютное движение становления, целостность развития¹⁰ не только индивидов, но и всего общества должны рассматриваться не столько как самоцель, сколько как жизненная необходимость, способ существования общества в "царстве свободы".

Еще один вывод из того же философского основания состоит в том, что оно дает возможность сравнивать любые материальные предметы, в том числе и различные общества между собой и с другими предметами как раз по степени их господства над своим собственным существованием. Вводит, так сказать, абсолютную меру их совершенства по данному критерию. Причем по критерию, не привнесенному откуда-то извне, а взятому из природы самой предметности как одной из возможных форм существования материи.

Различие предметов по степени их совершенства позволяет: во-первых, ранжировать их (или хотя бы некоторые предметы) по некой порядковой шкале (например: "ниже-выше"); во-вторых, эксплицировать термины "прогресс" и "регресс" для предметной формы существования материи как такие трансформации отдельных предметов (или предметной формы в целом), при которых происходит их перемещение по шкале совершенства (а для предметной формы в целом - когда появляется новый, более совершенный предмет, или когда он исчезает); в-третьих, уточнить понимание эксплуатации как господства предметов не только над собственным существованием, но и над существованием других предметов. Причем о паразитизме можно говорить тогда, когда менее совершенный предмет в определенной мере господствует над более совершенным, существует за его счет. В обратных случаях, при господстве более совершенных предметов над менее совершенными, например, животных над растениями, человека над другими предметами тоже часто употребляется термин "эксплуатация" (например, эксплуатация месторождений, машин, продуктивного скота), однако без негативного оттенка, поскольку такая эксплуатация - необходимое условие прогресса предметной формы существования материи. Наконец, при взаимодействии предметов одного уровня совершенства возможно, хотя и не обязательно, возникновение отношений взаимной эксплуатации. Например, во взаимодействии участников бартерного обмена взаимная эксплуатация есть, а во взаимодействии дирижера и оркестрантов - нет.

Если взять одну из низших форм предметности, известных к настоящему времени, - субэлементарные частицы, кварки, - то она отличается как раз отсутствием самостоятельного существования, принципиальной ненаблюдаемостью кварков как отдельно существующих предметов. При следующей форме - элементарных частицах - предметы уже обладают самостоятельным существованием, они могут появляться и исчезать, а также перемещаться, и эти изменения (даже единичные) в принципе могут фиксироваться, измеряться. Однако других изменений, кроме экзистентных и относительных, при этой форме предметности не наблюдается. Появившись, элементарная частица существует в неизменном виде до тех пор, пока не превратится в другую частицу в результате взаимодействия либо не исчезнет совсем, перейдя в другую форму существования материи. Причем физики считают, что было время, правда, очень короткое, в истории Вселенной, когда даже этой формы предметности не существовало, не говоря уже о более сложных. При нуклонной форме предметности имеется единственное проявление активности (спонтанных изменений) предмета, причем выражающаяся в его исчезновении, и единственное проявление его пассивных изменений - перемещение относительно других предметов, также рано или поздно оканчивающихся взаимодействием и исчезновением. (Эта смертельная для материального предмета опасность и его активности, и его пассивности сохраняется и на всех последующих уровнях развития предметности, становясь осознанной на социальном уровне. При этом одностороннее осознание

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.I. С.476.

опасности активности питает консервативные тенденции, а столь же одностороннее осознание опасности пассивности питает волюнтаризм. Возможно, что и сам принцип выделения предметов в объективной реальности по их экзистентным изменениям связан с осознанием смертности каждого отдельного человека на фоне непрерывно существующего человеческого рода.)

При следующей - атомной - форме предметности появляется полный набор изменений, названных Аристотелем. Здесь можно отметить, во-первых, обратимость качественных изменений, связанных с положением электронов относительно ядра; во-вторых, неравноценность качественных состояний атомов, различающихся по степени активности, их удаленности от устойчиво равновесного состояния, причем одни из них ("возбужденные") представляют собой отражение предшествующих внешних взаимодействий атома (такое отражение, "память" можно назвать третьей особенностью этой формы предметности по сравнению с элементарными частицами), а другие могут быть также результатом самопроизвольного перехода из менее устойчивых состояний в более устойчивые.

(Здесь же появляется возможность продемонстрировать принципиальную методологическую разницу между изменениями предметов и различиями предметов. Обычно периодическую систему элементов Менделеева приводят как пример взаимосвязи количественных и качественных изменений (наряду с изменениями агрегатных состояний воды). Но в действительности здесь мы имеем дело прежде всего с различиями, а не с изменениями предметов. Например, в атоме лития имеется на один протон больше, чем в атоме гелия, с чем и связаны различия их свойств (с учетом суммарного количества протонов и соответствующей структуры электронной оболочки ядра). Но это отнюдь не значит, что если к атому гелия реально добавить один протон (количественное изменение), произойдет качественное изменение предмета. Как известно, такие количественные изменения предметов (атомов) требуют весьма особых условий и далеко не всякое качественное различие этих предметов может быть получено как результат количественного изменения одного из них. Эта методологическая тонкость может показаться слишком отвлеченной, не относящейся к теме исследования, однако это не так.

Упор на различия предметов, свойственный определенной технике мышления, ведет в общественном знании вообще (и в экономической теории в частности) к скрупулезному поиску отличий одного способа производства жизни от других, к возведению этих отличий в абсолют, предмет гордости, не всегда оправданной конечными результатами проявления этих особых черт (например, низкие цены на продукты питания и пользование жильем могут способствовать как раз сохранению продовольственной и жилищной проблемы). В то же время преувеличенное внимание к качественным различиям статуса разных участников воспроизводственного процесса, попытка "вменить" им права и обязанности, детализированные по формам собственности, отраслям и сферам деятельности - все это очень отвлекает внимание от реальных изменений действующих субъектов.)

При молекулярной форме предметности появляются уже статические системы (и подсистемы) относительно самостоятельных элементов (атомов). На этом уровне первичные элементы еще не воспроизводятся внутри систем и включаются в них за счет взаимодействия с другими предметами, за счет обмена веществ. (По сути дела, метод материальных балансов, широко используемый в теории воспроизводства и практике планирования, ведет свою "родословную" именно от балансовых уравнений химических реакций.) От предыдущего этот предметный уровень отличается также очень широким диапазоном количественных и качественных изменений предметов, доходящих в молекулах ДНК до перехода на следующий, биологический предметный уровень (расширенное воспроизводство молекул в процессе конвариантной репликации).

При этой (биологической) форме основной предметной единицей является вид - динамическая система, все элементы которой воспроизводятся в ней самой и ведут автономное

существование за счет обмена веществ с внешней средой. С философской точки зрения здесь важно отметить как бы параллельное существование всеобщей и единичной форм предметности. Причем в рамках всеобщего уровня - вида как такового - внеиндивидуальная спонтанность (неопределенные изменения, мутации) выступает уже как средство сохранения, а не прекращения существования самого предмета в неопределенно меняющихся материальных условиях. А в рамках единичного уровня - индивидов - самосохранению способствуют их собственные обратимые изменения, особенно качественные и относительные, связанные причинно-следственной связью с предшествующими изменениями материальных условий (так сказать, индивидуальные контризмения). Правда, в отличие от растительного мира, которому не свойственны относительные активные контризмения (направленные перемещения индивида в пространстве, "механическое движение"), в животном мире они играют исключительно важную роль в поддержании существования отдельных индивидов.

Следует также отметить закономерность отставания форм отражения субъектом материальных условий его существования от формы его взаимодействия с самими этими условиями. Видимо, именно эта закономерность затем находит продолжение в отставании производственных отношений от уровня развития производительных сил.

Как отмечал А.Н.Леонтьев, простейшая форма двигательной активности, определяемая объективными связями одноклеточных со сложной вещно оформленной средой, сопровождается отражением лишь отдельных воздействий, свойств внешних предметов; более сложная деятельность позвоночных, связанная с соотношениями внешних предметов, сопровождается отражением вещей, но не их связей между собой; наконец, наиболее сложная деятельность приматов, связанная с собственным участием в механических изменениях внешних предметов, сопровождается отражением связей вещей, их изменений, но не самого себя как их действительной причины¹¹. "Таким образом, - писал он, - развитие форм психического отражения является по отношению к развитию строения деятельности животных как бы сдвинутым на одну ступень вниз, так что между ними никогда не бывает прямого соответствия.

Точнее говоря, это соответствие может существовать лишь как момент, обозначающий собой переход в развитии на следующую, высшую ступень. Уничтожение указанного несоответствия путем возникновения новой формы отражения раскрывает новые возможности деятельности, которая приобретает еще более высокое строение, в результате чего вновь возникает несоответствие и противоречие между ними, но теперь уже на новом уровне"¹².

Приведенное описание связей форм жизнедеятельности и форм отражения на уровне биологических индивидов очень напоминает связи между способами производства жизни общества и формами производственных отношений? Причем это не только аналогия, а различные ступени одного и того же общего процесса. Ведь производственные отношения - тоже форма отражения объективной реальности в процессе жизнедеятельности.

Еще одна особенность биологической формы предметности: наличие объективной количественной характеристики жизни вида как предмета - количество одновременно существующих индивидов. Разумеется, жизнь каждого отдельного индивида не имеет никакого значения для вида (если конечно, это не один из последних его представителей), но их общая величина может рассматриваться как количественная мера жизнеспособности вида, хотя, конечно, и переоценивать значение этой меры не стоит. Во всяком случае, ход эволюции биологической предметности показал устойчивую тенденцию замещения количества индивидов их качеством. На это есть смысл обратить внимание, поскольку в экономической жизни общества бывают иногда периоды, когда на первый план вдруг выдвигаются именно количественные показатели, и вокруг них начинает вращаться жизнь общества. Это подтверждает

¹¹ См.: Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. М., 1981. С.262.

¹² Там же. С.263.

практика хозяйствования в условиях не только административной, но и рыночной экономики. Возможно, такой "количественный уклон", так или иначе проявляющийся в самых разных механизмах хозяйствования, - одно из родимых пятен биологического происхождения человека, индикатор недостаточно высокого уровня развития индивидов и человеческого общества в целом.

Наконец, именно на этом уровне предметности возникает такое явление, как конкуренция индивидов по поводу присвоения материальных условий существования, именно здесь берут начало механизмы распределения по труду (т.е. в соответствии с активностью индивидов в добывании средств существования), по статусу в определенном сообществе, по очереди (первые подошедшие получают по потребности, остальные - что осталось или ничего). Именно здесь фактически начинается отделение монополии хозяйствования (понимаемого как внесение направленных изменений во внешние предметы) от монополии присвоения, поскольку первое в основном зависит от возможности применять орудия деятельности, являющиеся у животных лишь естественными частями их тела, а второе - от структуры локальной общности.

Таким образом, социальная форма предметности наследует очень многое от предшествующих форм (в частности и активность, и обмен веществ с природой, и механизмы распределения), но тут появляется еще один, промежуточный уровень между единичным и всеобщим, - разнообразные формы коллективности как обязательное условие существования человеческого рода. С появлением этих "промежуточных" форм структура предметности становится полной с обычной точки зрения философии (включающей единичный, особенный и всеобщий уровни, т.е. человек и здесь продолжает использовать себя как меру всех вещей).

(Нетрудно заметить, что термин "всеобщий уровень" в этой работе встречается уже второй раз. Сначала - как относящийся к материи как таковой, а затем к предметности как одной из реально существующих ее особенных форм. Из контекста видно, что общность термина не отражает ничего общего в содержании - знак один, а значения разные. Их отдельное рассмотрение не входит в задачу этой работы. Отметим только, что человеческий род - это одновременно и единичное в рамках большой триады (в системе: материя (всеобщее) - предметная форма ее существования (особенное) - человек как вид) и всеобщее в рамках малой триады (в системе: вид - коллективы (особенное) - индивид (единичное)). Малая неопределенность, основа свободы воли индивида, его спонтанности, есть проявление большой неопределенности, абсолютной изменчивости материи (абсолютного движения становления). Причем и генетически, и функционально малая неопределенность утилитарна и даже консервативна, поскольку обслуживает сохранение единичного (от индивида до человеческого рода).

Возможен соблазн интерпретировать эту ситуацию как эксплуатацию единичным всеобщего (когда предмет эксплуатирует собственную изменчивость). В какой-то мере так оно и есть. Ведь выражение "человек - раб желудка" как раз и фиксирует подчинение человеческой изменчивости биологической предметности. Но различение большой и малой триад позволяет в перспективе ограничить утилитарность малой неопределенности уровнем человеческого рода, сняв ее на уровне индивидов и коллективов и максимально разрешив тем самым проблему эксплуатации человека человеком (полностью ее разрешить нельзя, поскольку всегда сохраняется возможность односторонней эксплуатации существующим поколением людей человеческого рода в целом).

Возможно, понимание малой неопределенности как формы проявления большой неопределенности отражено в религиозных положениях о божественной природе человека, его причастности высшему началу, даже если он и не осознает этого. А вынужденная утилитарность малой неопределенности, направленность против действия большой неопределенности (защита существования человека от спонтанных внешних изменений) отражается в нераз-

рывной связи добра и зла, причем само зло понимается как явление, производное от добра (например, дьявол - это падший ангел), т.е. как что-то несамостоятельное, паразитирующее. Таким образом, религиозное сознание не чуждо представлений об эксплуатации, но они лежат в плоскости большой триады, если так можно выразиться, пренебрегая малой триадой. "Нельзя (грешно) относиться к конечному, тварному как к бесконечному" - примерно так это формулируется. Но конечное конечному рознь. Одно дело - человек-индивид, другое - человеческий род, неустрашимый посредник между индивидом и бесконечностью. Вряд ли будет грехом, если какой-либо человек ощутит себя причастным к человеческому роду и решит посвятить свою (только свою) жизнь продолжению его жизни.

От неопределенности как свойства материи обратимся теперь к неопределенности как свойству высказываний. Именно неопределенность возможного контекста очень затрудняет восприятие гегелевской трактовки диалектики "единичного - особенного - всеобщего" в начале третьей части "Науки логики" Гегеля, содержащей учение о понятии. Эту работу можно читать в онтологическом контексте. В.И.Ленин, судя по его конспекту в "Философских тетрадах", читал "Науку логики" скорее как гносеолог, в традициях "Материализма и эмпириокритицизма". Возможно, с этим были связаны повышенные трудности восприятия им гегелевского текста о субъективном понятии. Вспомним, что по этому поводу откровенно написал сам В.И.Ленин: "Эти части работы следовало бы назвать: лучшее средство для получения головной боли"¹³, а затем и самокритичное признание, что никто из марксистов не понял К.Маркса полвека спустя, поскольку так и не проштудировал и не понял (до 1914 г.) всей "Науки логики" Гегеля¹⁴.

Можно предполагать, что Ф.Энгельс воспринимал "Науку логики" совсем в другом контексте и при этом не испытывал трудностей. Во всяком случае, в "Диалектике природы" он спокойно отсылал всех желающих понять диалектику единичного, особенного и всеобщего в законах природы как раз к разделу "Субъективность" учения о понятии, в котором дано "гениальное развертывание этой темы в "Большой логике" Гегеля"¹⁵. Сравним: "головная боль" и "гениальное развертывание" об одном и том же тексте. Кстати, Ф.Энгельс тоже советовал этот текст именно проштудировать, а затем привел известный пример: "трение есть источник теплоты", - суждение наличного бытия, и притом положительное (единичное), "всякое механическое движение способно посредством трения превращаться в теплоту", - универсальное суждение рефлексии (особенное), "любая форма движения способна и вынуждена при определенных для каждого случая условиях превращаться, прямо или косвенно, в любую другую форму движения", - суждение понятия, и при том аподиктическое, - наивысшая форма суждения вообще (всеобщее)¹⁶.

Эти примеры приведены для иллюстрации уже не новой мысли, что один и тот же текст может быть понят очень по-разному. Фактически каждый творит свое понимание. На наш взгляд понимание диалектики всеобщего, особенного и единичного, которое присутствует в данной работе, во многом прямо заимствовано у Гегеля. Но очень может быть, что это и не так.)

Как уже отмечалось, именно в рамках социальной формы предполагается вполне возможным осуществление "полного" господства предмета над своим собственным существованием, возможность так организовать собственные качественные, количественные и относительные изменения индивидов, групп, чтобы постоянно пытаться отодвигать экзистентное изменение целого на неопределенный срок. Поэтому именно общественное человечество можно назвать в настоящее время конечным итогом становления предметности как формы существования материи, результатом эволюции этой формы, начиная с так называемого

¹³ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.29. С.158.

¹⁴ См. там же. С.162.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.539.

¹⁶ См. там же. С.539-540.

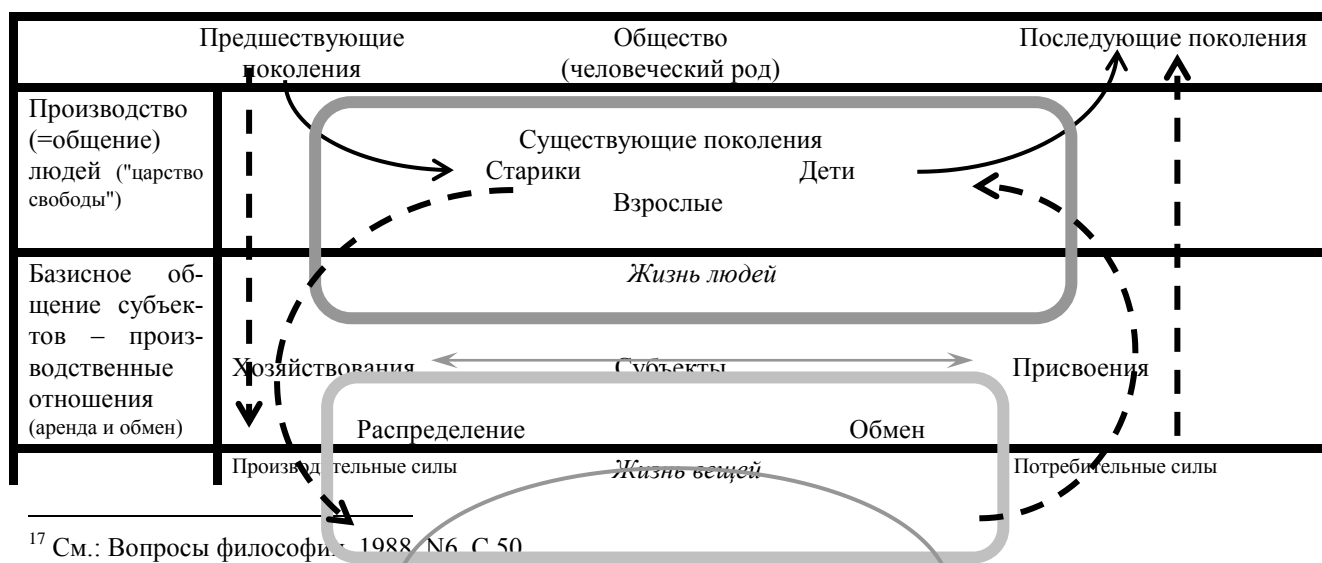
"Большого Взрыва". Этот вывод тесно корреспондирует с антропным космологическим принципом, согласно которому возникновение жизни и появление человека во Вселенной неразрывно связаны с ее собственным происхождением¹⁷.

Поскольку методологической основой полученного вывода являются представления Аристотеля о предметности как свойстве материи, кажется не случайным совпадением и возросший интерес современной физики к Аристотелю. Порой говорят, что "это развитие (современной физики. - Л.Г.) характеризуется поворотом в сторону аристотелевских воззрений или даже возвратом к аристотелизму в широком смысле слова. Думается, однако, что в данном случае было бы точнее говорить скорее не о возврате, а о становлении в современной физике методологически осознанной установки на диалог с аристотелевской физикой, окончательно отвергнутой, как долгое время считалось, классическим естествознанием нового времени"¹⁸.

Последнее, что хотелось бы отметить, оставаясь в рамках самого общего (аристотелевского?) понимания предметности, - это инвариантность экзистентных изменений относительно любых возможных представлений о предметах и способах их наблюдений. Каковы бы ни были особенности различных точек зрения, как бы много случайного в них ни было при характеристике самих предметов (вспомним, например, притчу о трех слепцах, которых подвели к слону с трех разных сторон и один из них, держа хобот, сказал, что слон похож на змею, другой, трогая ногу, сказал, что слон похож на дерево, а третий, держа хвост, сказал, что слон похож на веревку), факты появления и исчезновения одного и того же предмета будут отражены всеми их наблюдателями. Это говорит об онтологической, а не только гносеологической значимости экзистентных изменений как критерия предметности, а поскольку экзистентные изменения разных предметов связаны между собой, постольку появляется возможность говорить и об инвариантной наблюдаемости онтологических систем, что кладет естественную границу солипсизму.

Даже если субъект отражения является неотъемлемой частью наблюдаемой системы и, следовательно, не может зарегистрировать факт ее исчезновения, это не лишает его возможности вполне объективно отражать частные изменения как внутри системы, так и вне ее. Собственно, такое познание и обусловленные им практические действия как раз и имеют своей конечной целью предупредить экзистентное изменение целого. Причем сейчас становится все более ясным, что таким целым является именно человечество, точнее, человеческий род, а не "отдельно взятые" страны.

Общая схема взаимосвязей производства людей и производства вещей отражена на схеме 2.1 (См. Приложение 2, где сгруппированы схемы ко всем главам).

¹⁷ См.: Вопросы философии. - 1988. №6. С. 50.

¹⁸ Там же.

Производство вещей ("царство необходимости")	Производство	=	Потребление
	Присвоение предметов природы		Выделение от- ходов жизни общества
Предметы труда Источники энергии		Естественное хранение и переработка отходов	
Общие природные условия жизни общества			

Схема 2.1. Человеческий род как предмет воспроизводства в экономике

2. Многоуровневая цикличность воспроизводства материальной жизни общества

Следующий шаг в понимании предметности состоит в рассмотрении цикла изменений как самостоятельного предмета. Сейчас это может показаться почти тривиальным, поскольку саморегулирующиеся системы и в природе и в обществе (основанные как раз на циклических связях изменений) уже довольно давно изучаются, широко применяются в практике. Как известно, циклические структуры изменений (метаморфозов) использовал К.Маркс при анализе капиталистической действительности ($T - D - T'$, $D - T < \dots P \dots - T' - D'$), а также представлений, которые она порождает в головах ее участников. Например, с позиции денежного капитала "Для делания денег процесс производства является лишь неизбежным посредствующим звеном, необходимым злом. Поэтому все нации с капиталистическим способом производства периодически переживают спекулятивную лихорадку, во время которой они стремятся осуществлять делание денег без посредства процесса производства"¹⁹.

Таким образом, научный инструментарий для изучения циклических динамических систем уже освоен, им пользуется и экономическая теория. Однако, необходимо специально остановиться на философской стороне этого инструментария по двум причинам. Во-первых, в современных исследованиях можно встретить подходы, фактически отрицающие онтологический характер систем вообще (что, по существу, возвращает нас на позиции субъективного идеализма) и в частности динамических систем. Во-вторых, категориальный аппарат анализа циклических предметных систем, которым довольно широко пользовался К.Маркс, был разработан Гегелем с позиций объективного идеализма, что в наибольшей степени отразилось на понимании онтологической предметности. В первом же тезисе о Фейербахе К.Маркс писал, что "...идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой"²⁰, а потому и предметность понимает весьма специфично. Разумеется, сам К.Маркс вкладывал иное, "поставленное на ноги" понимание в применяемый аппарат. Поэтому некоторые существенные нюансы здесь следовало бы отметить (систематизированное описание циклической предметности дано в Приложении 5).

Выше уже говорилось, что онтологический характер экзистентных изменений, а стало быть, и соответствующих предметов, подтверждается их инвариантностью относительно наблюдателя. Подчеркивалось также, что и временные последовательности таких изменений, сети их причинно-следственных связей также имеют онтологический характер. Это, естественно, относится и к такому частному случаю последовательностей, как циклы повторяющихся изменений. Но такие циклы уже могут рассматриваться как онтологические предметы, а не только как "задаваемые наблюдателем", поскольку они сами могут появляться и исчезать, т.е. по отношению к ним можно говорить об экзистентных изменениях. Но если цикл - это особый самостоятельно существующий предмет, то могут исследоваться и другие его фундаментальные изменения - количественные, качественные, относительные.

Например, цикл, который является предметом теории воспроизводства, - это именно

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.24. С.67.

²⁰ Там же. Т.3. С.1.

онтологический предмет. Известная последовательность изменений, которая со стороны жизни предметных условий существования общества выглядит как их производство (появление предметов как их первое экзистентное изменение), распределение, обмен и потребление (исчезновение предметов как их второе, противоположное экзистентное изменение) - это самостоятельный предмет, который можно назвать предметом третьего типа, если за первый принять материальные (предметные) условия существования членов общества, а за второй - самих носителей процесса производства. Как раз свойства этого онтологического предмета и рассматриваются в теории, когда исследуются экстенсивный и интенсивный типы воспроизводства. Но это далеко не единственное, что характеризует предметность цикла, и даже не главное, а лежащее, так сказать, в сфере непосредственного бытия. (Не случайно именно в учении о бытии Гегель вводит категории "экстенсивность" и "интенсивность".)

Более глубокие моменты связаны с тем, что цикл изменений является, по сути дела, системой, но системой функциональной, а не "вещественной". Ее элементы - это изменения вполне определенных типов, которые имеют качественные и количественные характеристики (включая продолжительность) и складываются во вполне определенную замкнутую последовательность. Главное отличие такой системы - ее неразложимость на элементы, обладающие собственным предметным существованием, ее онтологическая элементарность. То, что в такой системе рассматривается как ее элементы, - это в онтологическом отношении не предметы, а процессы. Как нечто самостоятельное они могут рассматриваться лишь в абстракции, в гносеологическом отношении. Традиция смешивать предметность и изменчивость, о которой говорилось выше, проявляется и в недостаточно последовательном разграничении таких систем, в недостаточном учете их особенностей даже при формальном разграничении.

В рамках теории систем это выражается в довольно широко распространенном представлении о бесконечной иерархичности систем, если можно так выразиться. Суть его в том, что, с одной стороны, любая система разложима на элементы, которые сами, в свою очередь, представляют собой системы и могут быть также разложены на элементы и т.д., и, с другой стороны, любая система может быть представлена как элемент более сложной системы, которая, в свою очередь, может быть представлена как элемент, и т.д. Избавление от такой "дурной бесконечности" привносится, так сказать, извне, со стороны наблюдателя, и он задает определенный угол зрения, в который попадает только часть этой бесконечности - "определенная система", по отношению к которой "надсистема" принимает форму среды, а "подсистемы" - неразложимых в рамках выбранного подхода "элементов", "черных ящиков" с наблюдаемыми входами и выходами. (А это и есть, на наш взгляд, проявление субъективно-идеалистического подхода в методологии, с которым здесь идет полемика.)

В нашей экономической теории недостаточный учет типов системности выражается в том, что существует довольно заметный крен во внимании к разложимым системам и совершенно недостаточное внимание к неразложимым. К числу первых относятся, например, производительные силы как система, состоящая из известных предметных элементов (личных и вещных), воспроизводящихся в процессе производства. Такие системы рассматриваются с различной степенью детализации для предприятий (например, в недавнем прошлом в рамках "паспорта предприятия"), отраслей, территорий, народного хозяйства в целом. Разрабатываются системы балансов воспроизводственных связей этих элементов.

К неразложимым же системам относятся сами процессы хозяйствования, взятые как замкнутые последовательности конкретных видов деятельности людей. Последовательность "производство - распределение - обмен - потребление" материальных благ - это одна из таких последовательностей (циклов), далеко не единственная и, более того, не вполне корректная с точки зрения отражения последовательности процессов воспроизводства жизни общества (см. схему 2.1).

Последнее, что хотелось бы отметить по поводу разложимых систем, это их деление

по признаку обратимости разложения. Типичным общим примером обратимых являются механические системы, собираемые из отдельных вещей - деталей, необратимых - биологические индивиды.

Свойством обратимости в хозяйственной жизни, похоже, в наибольшей степени обладают временные коллективы. Их классическим примером в традиционном обществе являлись артели, периодически собиравшиеся в относительно постоянном или переменном составе для выполнения разовых, целевых или время от времени повторяющихся работ. В современной жизни объективной необходимостью общественного воспроизводства являются временные научные коллективы и другие аналогичные образования.

Сама временность таких коллективов, их виртуальность, если можно так выразиться, предполагает существование определенной среды, инфраструктуры, на базе которой только и возможна их нормальная жизнь, т.е. оперативное появление, когда это необходимо, эффективное функционирование и естественное исчезновение, не требующее каких-либо внешних воздействий и не затрагивающее жизненных (экзистентных) интересов членов таких коллективов. И дело тут не сводится к формированию резервов материальных и иных ресурсов по каким-то нормативам, как это недавно предлагалось в литературе и плохо получалось на практике, или к стихийному формированию резервной армии труда. Сам тип хозяйствования (например, преимущественно натуральный или преимущественно товарный) требует различных типов инфраструктуры. Причем опыт показывает, что именно товарный тип хозяйствования способствует формированию инфраструктур, наиболее благоприятных для жизни временных коллективов. И далеко не всегда сами эти инфраструктуры воспроизводятся в рамках чисто рыночного механизма. По сути дела реальное развитие и обобществление инфраструктуры является закономерностью расширенного воспроизводства именно товарного типа, а не натурального, даже если в качестве последнего выступает хозяйство "отдельно взятой" страны, функционирующее по традиционным для нас планам с натуральной "начинкой".

Возвращаясь теперь к неразложимым системам, стоит отметить прежде всего их инвариантность по отношению к предметам, участвующим в осуществлении тех конкретных материальных процессов, которые и образуют собой элементы циклических систем. Например, такие системы могут существовать и на основе разложимых систем. Скажем, часы - это типичнейший пример разложимой, причем обратимо разложимой системы, на основе которой может существовать простейший циклический процесс (основанный только на паре относительных изменений противоположной направленности) - колебания маятника. Собственно, только этот процесс и роднит в какой-то степени часы с процессом воспроизводства материальной жизни общества, может рассматриваться как его самая глубокая аналогия. Все остальное ("зубчатые передачи", "приводные ремни", "шестеренки" и т.д.) - это уже дань механистической парадигме.

Могут существовать циклические системы и на смешанной основе, при которой часть входящих в нее процессов реализуется при одних и тех же предметных условиях, а другие - при различных (таков, например, циклический обмен веществ индивидов со средой, в которой именно индивид как необратимо разложимая система поддерживает свое существование за счет цикла воспроизводства). Но могут существовать циклические системы и на полностью переменной предметной основе. Простейшей из таких систем является обычная механическая волна в среде. Существенно более сложной - процесс воспроизводства индивидов в рамках вида (цикл порождения). В экономике к таким системам относится капитал как движение. Проходя каждый раз через вполне определенную замкнутую последовательность метаморфоз, каждый индивидуальный капитал совсем не обязательно должен повторять соединение с одними и теми же орудиями производства (их, например, можно каждый раз брать напрокат, арендовать, как это широко практикуется в современной хозяйственной жизни развитых стран). Более того, этот капитал становится инвариантным ко всем носителям, в том числе и к собственникам (в рамках акционерной формы). Возможно, к этому же виду

циклических систем относится и жизненный цикл оборудования в условиях постоянного научно-технического прогресса.

Для экономической теории методологический анализ цикла изменений как предмета представляет немалый интерес тем, что позволяет внести большую ясность в понимание связи между потребностями и интересами. (Как известно, сейчас такой ясности нет, хотя точек зрения в литературе высказано уже много.) К сфере интересов, естественно, относятся изменения цикла как предмета. Как уже отмечалось, они в принципе могут быть любого из указанных Аристотелем четырех типов или их комбинаций. К сфере же потребностей относятся элементы того же цикла как функциональной системы. При этом каждый отдельный процесс (метаморфоза) представляет собой функциональную потребность, а предметные условия ее реализации - предметные потребности.

При таком использовании терминов "интерес" и "потребность" становятся достаточно объяснимыми и различия в их смысле (они относятся к разным предметным уровням и, следовательно, к разным изменениям) и естественная связь между ними. От того, как сложится ситуация с предметными условиями удовлетворения очередной функциональной потребности, прямо зависит обеспечение интересов цикла как предмета. Следует подчеркнуть, что речь идет о сугубо онтологическом понимании интересов и потребностей. Это объективные характеристики любого материального объекта - цикла. Особенностью же цикла воспроизводства материальной жизни именно общества является осознание (в той или иной форме, часто весьма превращенной) и интересов, и потребностей (как функциональных, так и предметных).

Поскольку человек способен осознавать свое собственное существование, способен управлять изменениями отдельных внешних предметов, он может оценивать такие изменения с точки зрения их влияния на изменения самого себя, на обеспечение собственных интересов. Поэтому полезностную оценку получают любые внешние предметы и их изменения. Именно эта связь предметных потребностей и интересов и составляет объективную основу представлений о существовании предельной полезности внешних предметов.

Цикл как функциональная система представляет собой вполне конкретное единство многообразия, прежде всего разнообразных (и в конечном итоге противоположно направленных) абстрактных процессов. В данном случае термин "абстрактное" имеет не гносеологическое, а онтологическое содержание. Всякий реальный процесс характеризуется через реальные же изменения предметов, участвующих в нем. Когда реальные процессы рассматриваются как функциональные элементы цикла, то из всего многообразия реальных изменений предметов выделяются (и только в этом смысле абстрагируются) изменения, необходимые для продолжения существования цикла. Соответственно абстрактный характер приобретает и существование тех предметов, которые реально участвуют в процессах, входящих в состав цикла. Оно превращается лишь в момент, мимолетный момент существования цикла изменений, как это довольно образно описывал К.Маркс на примере воспроизводства жизни буржуазного общества. "Если рассматривать буржуазное общество в его целом, - писал он, - то в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т.е. сам человек в его общественных отношениях. Все, что имеет прочную форму, как, например, продукт и т.д., выступает в этом движении лишь как момент, как мимолетный момент. Сам непосредственный процесс производства выступает здесь только как момент. Условия и предметные воплощения процесса производства (т.е. материальные блага? - Л.Г.) сами в одинаковой мере являются его моментами, а в качестве его субъектов выступают только индивиды, но индивиды в их взаимоотношениях, которые они как воспроизводят, так и производят заново. Здесь перед нами (т.е. онтологически, вне и независимо от нас, - Л.Г.) - их собственный постоянный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой

же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства"²¹.

Можно отметить, что движение (воспроизводство) капитала - это абстрагирование не только от людей, от их собственной жизни, но и от любых материальных предметов, от их "самости". Все тут существуют как эпизодические исполнители определенных ролей. С этой точки зрения можно сказать, что капитал - это не столько подчинение людей вещам, сколько подчинение существования и людей, и вещей как самостоятельных предметов существованию сугубо циклического предмета.

Весьма важным частным случаем функциональных изменений предметов в рамках цикла являются их экзистентные изменения. Как уже отмечалось, производство и потребление материальных благ представляют собой как раз такие изменения. Неучет именно экзистентного характера потребления материальных благ довольно часто приводит к недоразумениям. Речь идет об известном положении: удовлетворение потребности приводит к появлению новой потребности, является исходным пунктом производства²².

Понимание этого положения с точки зрения цикла как функциональной системы может быть двояким. Во-первых, удовлетворение одной функциональной потребности "проталкивает" существование цикла к удовлетворению следующей функциональной потребности и, соответственно, к производству необходимых для этого предметов. Во-вторых, однократное удовлетворение какой-либо функциональной потребности за счет исчезновения ряда предметов (скажем, продуктов питания) делает невозможным повторное удовлетворение этой же функциональной потребности при следующем прохождении цикла без предварительного производства предметов с определенными свойствами. В любом случае речь идет прежде всего о простом существовании цикла, о его простом воспроизводстве, а не "возвышении потребностей", не о потребностях как движущей силе именно развития производительных сил.

Когда мы в качестве одной из основных аксиом экономической теории берем утверждение, что потребности всегда опережают уровень развития производительных сил, то тем самым фактически лишаем себя возможности разобраться в существе дела, закрываем сами себе путь к развитию теории. И ссылки на К.Маркса при этом свидетельствуют не столько об адекватном понимании той мысли, которая на самом деле была им высказана, сколько о желании "закрыть" вопрос вполне традиционным способом. Вот достаточно типичный образец подобных рассуждений: "Масштабы и состав производительных сил, структурно-временные и пространственные ограничения их развития всегда находятся в определенном противоречии с масштабами и структурой как непосредственных, так и промежуточных экономических потребностей. Источник этого противоречия - большая динамичность экономических потребностей по отношению к производительным силам. Эта большая динамичность определяется самой природой экономических потребностей, которые всегда опосредствуются общественным сознанием, поведением производителей и потребителей... Большая динамичность экономических потребностей по сравнению с производительными силами образует одно из главных противоречий в развитии любого способа производства, оно носит общеисторический характер"²³.

При таком подходе к потребностям оказывается по существу излишним обращение к интересам как действительному источнику именно развития производительных сил и они редуцируются до "конкретной формы реализации" потребностей: "В конкретных общественных условиях эти потребности трансформируются в систему экономических интересов"²⁴; "Процесс труда - это также его непосредственные и опосредованные цели, его ориентация на экономические потребности и конкретные формы их реализации - экономические интере-

²¹ Там же. Т.46. Ч.II. С.222.

²² См. там же. Т.12. С.717; Т.46. Ч.I. С.28.

²³ 23 Анчишкин А.И. Наука - техника - экономика. М., 1986. С.42-43.

²⁴ Там же. С.39.

сы"²⁵. Почти дословное повторение этих положений можно встретить и в учебнике "Политическая экономия": "Самой общей основой и движущей силой развития производства (вещей? - Л.Г.) является его противоречивое взаимодействие с потреблением", "В сфере общественных отношений потребности людей приобретают форму экономических интересов и стимулов"²⁶.

Вернемся, однако, к циклу и его характеристикам. Выше говорилось об объективной абстрактности отдельных конкретных процессов, через которые реализуется существование цикла. Но ведь тем самым определяется и двойственный их характер в том фундаментальном смысле, какой вкладывался в этот термин в "Капитале". Здесь всякий процесс труда рассматривался одновременно и как вполне определенный в пространстве и времени процесс создания конкретных материальных предметов (или осуществления неэкзистентных изменений материальных предметов), и как момент жизни некоего целого, момент проявления его активности, сопровождающейся какими-то затратами. В рамках этих реальных процессов одновременно воспроизводится предметность двоякого рода: во-первых, предметность, соответствующая каждому отдельному процессу, и, во-вторых, предметность самого цикла. Рассмотрим их в этом же порядке.

Повторная реализация процессов одного и того же типа ведет к появлению запаса однородных предметов, т.е. предметов, обладающих одинаковыми свойствами вследствие общности их происхождения (пусть и в разное время, но в рамках одного и того же цикла). Сама повторяемость цикла вносит в запас дискретную количественную характеристику его как чего-то целого (хотя это и не обязательно связанное целое, система), как относительно однородной массы. Именно система запасов различных материальных предметов, пополняемых и потребляемых в ходе существования цикла, и является одной из важнейших характеристик его воспроизводства. По их динамике можно судить об особенностях воспроизводства, его отклонениях от обычного уровня. Все это можно охарактеризовать как относящееся к абстрактной теории воспроизводства циклов, поскольку здесь нет обращения к специфике какого-либо конкретного онтологического цикла. Но это значит, что они имеют значение для любых таких циклов - физических, химических, биологических, социальных. Однако в теории и практике нашего воспроизводства такие характеристики пока учитываются далеко не в полной мере (в частности, пока даже отсутствует статистика запасов материальных благ в сфере личного потребления). В то же время в системе национальных счетов категории запасов и потоков являются сквозными, базовыми.

Весьма специфический частный случай "запаса" представляет собой и количество существующих индивидов одного и того же вида (в том числе и человека как вида). Здесь уже каждый индивид выступает и как постоянный элемент цикла воспроизводства себя самого, и как переменный элемент цикла воспроизводства вида. Одинаковость предметных потребностей циклов воспроизводства индивидов является фактором противоречивой, доходящей до антагонизма взаимосвязи различных интересов всех циклов. Как известно, формы разрешения этих противоречий весьма разнообразны: от абсолютного игнорирования интересов других индивидов (на низких уровнях развития биологической формы предметности) до сознательного согласования интересов всех сосуществующих индивидов между собой и с интересами вида в целом (на высших уровнях социальной формы предметности). В последнем случае действующая масса - хозяйствующее поколение - уже представляет собой единую систему (разложимого типа), которую в методологическом отношении необходимо строго отличать от базовой для нее неразложимой системы - вида в целом. Иными словами, необходимо различать человечество как совокупность сосуществующих индивидов, групп, обществ, ведущих более или менее обобществленное производство своей жизни, и чело-

²⁵ Там же. С.47.

²⁶ Политическая экономия. Учебник для вузов. С.83-84.

веческий род в целом, в единстве всех его поколений - прошлых, существующих и будущих. Как уже отмечалось, только человеческий род и представляет собой высший, всеобщий уровень предметности в рамках социальной формы. Все же остальные надындивидуальные уровни являются лишь особенными. На это приходится обращать внимание еще и потому, что очень часто безусловный приоритет отдается так называемым интересам общества в целом (которые к тому же часто на поверку оказываются лишь превращенной формой интересов различных слоев бюрократии). Между тем общество в целом само по себе отнюдь не способно воспроизводить человеческую жизнь. Именно поэтому точка зрения воспроизводства человеческого рода, а не отдельно взятого общества (в рамках одной или нескольких стран) может претендовать на абсолютную для каждого отдельного человеческого индивида, способного мысленно смотреть на мир с разных точек зрения и учитывать их в своей предметной деятельности, в конкретном труде. Разумеется, эта способность имеет исторический характер и степень ее развития в различных конкретных условиях неодинакова. Более того, она может принимать довольно иррациональные формы, особенно когда рациональность начинает сводиться к выбору наилучших вариантов достижения конечных предметных целей или оптимальному распределению предметных же ресурсов в рамках процессов, абстрактных с точки зрения цикла воспроизводства в целом (например, строительство завода, канала, очистных сооружений и т.п.).

Перейдем теперь к предметности самого цикла. Об экзистентных изменениях уже говорилось, поэтому, продолжая пользоваться гегелевской терминологией, можно от бытия цикла перейти к его сущности. Поскольку в рамках замкнутого цикла изменений часть предметных условий существования цикла порождается им самим, постольку он является причиной самого себя (отчасти, конечно), и можно говорить о цикле как субстанции в том смысле, который в этот термин вкладывал Спиноза. Но Спиноза связывал свойство самопорождения с материей в целом (во многом не различая этот уровень и уровень отдельных предметов), а здесь речь идет о субстантности циклических процессов. По сути дела, только такое понимание свойства субстантности может быть без натяжек сопряжено с употреблением К.Марксом термина "субстанция" применительно к стоимости.

Хорошо известно, как решительно он возражал против попыток привязать стоимость к индивидуальным затратам на производство отдельных материальных благ и даже к средним затратам в рамках отдельных отраслей. Азбучной вроде бы истиной (по крайней мере для теории воспроизводства, если не для практики нашего хозяйствования) является утверждение, что стоимость продукта определяется общественно необходимыми затратами труда на его воспроизводство. Однако, во-первых, общественную необходимость мы часто понимаем довольно-таки узко - как конкретную предметную потребность общества, имеющую вполне определенную привязку в пространстве и времени; и, во-вторых, затраты на воспроизводство понимаются столь же конкретно, как будущие затраты определенных предметных ресурсов. И то и другое не выводит за рамки нижнего предметного уровня, уровня процессов, входящих в состав цикла воспроизводства в целом. К.Маркс же и общественную необходимость, и воспроизводство понимал шире - как процесс материальной жизни общества.

Об этом выше неоднократно говорилось. Теперь к этому приходится обращаться потому, что есть: а) разница между действительно необходимым для продолжения жизни человеческого рода (общественно необходимым) и текущими предметными потребностями общества, которые через спрос воздействуют на текущее же производство; б) разница между затратами человеческих сил как таковыми и теми же затратами как необходимым проявлением жизни человека. Встроенность труда в циклический, самоподдерживающийся процесс жизни общества придает ему субстантный характер, позволяет говорить именно о субстанции стоимости. Такое, исходящее из жизни общества в целом, понимание стоимости К.Марксом хорошо видно в его письме Л.Кугельману: "Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости покоится лишь на полнейшем невежестве как в отношении того предме-

та, о котором идет речь, так и в отношении метода науки. Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы, если бы она приостановила работу не то что на год, а хотя бы на несколько недель"²⁷.

Правда, дальше в этом письме сам К.Маркс сразу переходит к пропорциям распределения труда по различным отраслям, специализированным на производстве отдельных материальных предметов и, так сказать, абстрагируется даже от времени, необходимого для потребления этих предметов, не говоря уже о времени общения людей между собой, необходимого для продолжения процесса общественного воспроизводства, времени развития их человеческих сил²⁸. Но это объясняется уже полемическим характером самого письма, нацеленностью полемики на сферу непосредственного производства материальных благ. Итак, последовательное применение категории субстанции в теории воспроизводства связано, на наш взгляд, с пониманием общественно необходимых затрат труда как затрат человеческой жизни, необходимой для ее же продолжения. Такое понимание действительно инвариантно по отношению к конкретным способам производства жизни. Для некоторых из них особую роль приобретают количественные характеристики этой субстанции (рабочее время), но особо подчеркивать их, придавать им универсальный характер, вряд ли необходимо.

Известно, что в философии категории субстанции и закона рассматриваются как однопорядковые, относящиеся к одному уровню объективной реальности (в частности, Гегель их рассматривал в учении о сущности). На наш взгляд, применительно к циклам это означает, что от их общей характеристики как субстанций естественен переход к законам их существования (законам сохранения, как они называются в физике) и прежде всего - к закону согласованности (пропорциональности) интенсивностей реализации отдельных процессов, входящих в цикл и, соответственно, пропорциональности предметных условий, в которых эти процессы происходят. В частности, закон стоимости - это естественный закон существования, сохранения жизни всех обществ, в которых от продолжительности рабочего времени зависит в конечном счете все. Разумеется, этот закон не диктует никаких конкретных пропорций воспроизводства. Последние во многом зависят от того, как осуществляется воспроизводство жизни непосредственных носителей общественной жизни (как физических, так и юридических лиц), как реализуются законы существования их собственных субстанций. И тем не менее важно учитывать, с какими собственными изменениями конкретные индивиды входят в различные циклы, в какой мере при этом затрагиваются их количественные интересы, как реализуются качественные интересы.

В принципе абстрактный (частичный) характер включения каждого отдельного предмета (если отсутствуют его экзистентные изменения) в соответствующий цикл позволяет ему участвовать одновременно во многих непосредственно не связанных между собою циклах. Причем это относится не только к отдельным людям (полифункциональный характер их жизни в обществе не является секретом), но и к коллективам.

Последнее, что хотелось бы отметить при рассмотрении циклов, это то, что двойственный характер предметности, присущий циклам вообще, порождает двойственность тенденций нравственных установок носителей воспроизводства материальной жизни общества. Существование собственного цикла воспроизводства каждого такого носителя за счет потребления внешних предметов означает абсолютный приоритет экзистентного интереса носителей по отношению к экзистентным изменениям внешних предметов, что соответствует установке эгоизма. В то же время заведомо конечный характер существования отдельных индивидов в рамках существования общества, человеческого рода соответствует установке альтруизма.

Вернемся теперь к диалектике предметности и изменчивости в целом. При рассмотре-

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.32. С.460.

²⁸ См. там же. Т.32. С.460-461; Т.46. Ч.II. С.221.

нии цикла воспроизводства как онтологического предмета и критике субъективно-идеалистических представлений о системных свойствах объективной реальности здесь довольно широко использовался категориальный аппарат, разработанный в рамках объективно-идеалистических подходов. Выше уже отмечалось, что такой аппарат не вполне адекватен существу дела, и теперь пришла пора рассмотреть этот вопрос подробнее.

Прежде всего, в понимании экзистентных изменений Гегель прямо, недвусмысленно идет против традиции, заложенной Аристотелем. Напомним, что Аристотель считал необходимым четко различать качественные изменения и экзистентные изменения и исходил при этом из вполне материалистического для своего времени понимания изменений вообще как изменений предметов. Гегель рассматривает экзистентные изменения как разновидность качественных изменений, как качественные скачки, что вполне логично для идеалиста, отказывающего внешним предметам ("конечным вещам") в самостоятельном существовании, в "самости" (предметы, вообще природа - это только "инобытие", "свое иное" идеи).

Для Гегеля, по существу, нет разницы между онтологическими и гносеологическими движениями, между изменениями и различиями. Говоря о взаимосвязи количества и качества он как вполне однопорядковые примеры приводит и изменение агрегатных состояний воды, и различие свойств веществ схожего химического состава. Между тем в первом случае речь идет об онтологических изменениях качественного типа одной и той же предметной субстанции - массы молекул воды (и тут можно было бы отметить виртуальный характер предметности этой субстанции, то, что ее качественные изменения проявляются как экзистентные изменения наблюдаемых предметов, но изменения обратимые: при прочих равных условиях переход одной и той же массы воды в разные агрегатные состояния приводит к возникновению одних и тех же предметов). Во втором же случае движется только мысль, сравнивающая различные предметы по их свойствам.

Отметим попутно, что неразработанность этих категорий философами создает ряд трудностей и у экономистов. Например, Й.Шумпетер в работе "Теория экономического развития" усматривает место для динамики только там, где есть новатор, творческая предпринимательская деятельность. Тонкий методолог Н.Д.Кондратьев в работе "К вопросу о понятиях экономической статики динамики и конъюнктуры" подверг это довольно жесткой критике: "Здесь Шумпетер противопоставляет собственно не статическую и динамическую точки зрения (т.е. гносеологический аспект - Л.Г.), а уже статику и динамику явлений (онтологический аспект - Л.Г.), в отличие от того, что он делал в своих первых работах. Ошибочность его, далее, состоит в том, что Шумпетер слишком узко определяет сферу приложения динамической точки зрения. По существу для него динамическая точка зрения приложима только там, где имеются некоторые виды качественных изменений действительности, а именно виды, связанные с инициативой предпринимателей. Но не ясно, почему мы не можем говорить о динамике там, где наблюдается процесс количественных изменений. Наконец, точка зрения Шумпетера теоретически не плодотворна, ибо... возможность теории дана лишь там, где есть в каком-либо отношении, в отношении состояния или изменения явлений, их единообразие. Между тем определение Шумпетера как раз исключает это единообразие в области динамики"²⁹. В свою очередь, Н.Д.Кондратьеву можно было бы возразить, что онтологический аспект первичен по отношению к гносеологическому, что игнорирование в теории отсутствия единообразия в онтологическом аспекте обрекает саму теорию на односторонне-количественный подход, бессилие в понимании развития. А именно о развитии, теории развития и писал И.Шумпетер свою книгу.

Кроме того, Н.Д.Кондратьев отождествляет изменения и различия, а движение считает только пространственным изменением: "...для динамики основной категорией будет категория изменения, различия... Движение является тем изменением, которое связано не только

²⁹ Кондратьев Р.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика. 1989. С. 57-58.

с категорией времени, но и пространства"³⁰.

Учитывая неразработанность вопроса Гегелем, здесь придется уделить дополнительное внимание предметности и изменчивости как философским категориям. Сравним еще раз подходы Аристотеля и Гегеля к этим категориям. Один из них старался держаться предметности всех онтологических изменений и поэтому строго отличал качественные изменения предметов от их экзистентных изменений (возникновения и уничтожения). Однако он считал некоторые предметы существующими вечно и потому отказывал, так сказать, в полноценности экзистентным изменениям, не считал возможным называть такие изменения движениями предметов. Другой, напротив, подчеркивал преходящий характер любой определенности, любой предметной формы, прямо связывал предметность и экзистентные изменения, но отказывал предметам в онтологической самостоятельности, а потому и экзистентным изменениям в отличии от качественных изменений. Таким образом, каждый из них как бы держит в своих руках лишь половину рационального содержания связи предметности и изменчивости, но найти другую половину одному мешает избыток метафизики ("вечные предметы"), а другому - объективный идеализм. Если же отказаться от вечности как свойства хотя бы некоторых предметов, с одной стороны, и признать объективность, независимость существования любых онтологических предметов - с другой, то предметность и экзистентная изменчивость составят диалектическую пару категорий (это противоположности, определяемые друг через друга).

В задачу данной работы не входит философский анализ этой пары категорий. Здесь лишь делается попытка учесть их диалектику в той мере, в какой это необходимо для лучшего понимания проблем воспроизводства. Выше она использовалась для углубления анализа цикла изменений как базовой категории теории воспроизводства вообще. Сейчас же она, может быть, пригодится для лучшего понимания особенностей воспроизводства именно человеческой жизни, ее спонтанности.

Как уже отмечалось, переход от материи вообще к материальным предметам связан с одновременным вычлениением из количественных и качественных изменений материи соответственно экзистентных и относительных изменений предметов. Поэтому можно предположить, что недооценка роли одних из них (экзистентных) может привести к переоценке других (относительных). Так оно в действительности и произошло и у Аристотеля, и у Гегеля.

Посмотрим, как это делает Аристотель. Отказав экзистентным изменениям в статусе движений предметов, он задается вопросом: какие движения могут претендовать на роль первичных (точнее, первых, так как все они не сводимы друг к другу, все первичны в этом смысле)? И дает ответ: для того, чтобы предметы начали претерпевать количественные или качественные изменения, они должны войти в соприкосновение, начать взаимодействовать. А для этого они должны сначала изменить свое положение относительно других предметов, переместиться: "...не возникновение, а перемещение есть первый род изменения... Перемещаемое существует, а возникающее не существует, потому перемещение первичнее возникновения"³¹. Здесь мы видим зарождение традиции особого внимания философов к механической форме движения предметов, имеющей одновременно и физическое содержание, к стремлению именно на ее основе проанализировать или хотя бы прокомментировать фундаментальные противоречия движения вообще (предмет находится и одновременно не находится в одном и том же месте и т.п.)

Следуя этой традиции, Гегель в учении о понятии прямо начинает с "механизма", от которого переходит к "химизму" и потом к жизни. Аналогичные рассуждения можно встретить и у Ф.Энгельса: "Движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т.е. понима-

³⁰ Там же, С. 56.

³¹ Аристотель. О возникновении и уничтожении. Соч. Т.3. С.435.

емое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением ... Всякое движение связано с каким-нибудь перемещением - перемещением небесных тел, земных масс, молекул, атомов или частиц эфира. Чем выше форма движения, тем незначительнее становится это перемещение. Оно никоим образом не исчерпывает природы соответствующего движения, но оно неотделимо от него. Поэтому его необходимо исследовать раньше всего"³².

При этом предметность как категория, сопряженная с изменчивостью, незаметно уходит на задний план, безраздельно уступая передний план движению как таковому: "Великая основная мысль, - что мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, ... - эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде"³³. Причем употребляются термины "появление" и "исчезновение" часто без упоминания того, что именно движется: "Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу"³⁴.

Сказано красиво и в целом правильно, если не придирааться. Вряд ли можно от Ф.Энгельса требовать педантичной точности выражений в популярной брошюре. Но возводить его высказывания в абсолют тоже ни к чему. "Мыслящий мозг" может говорить о возникновении и уничтожении, о восхождении от низшего к высшему и даже о бесконечности этого восхождения, может даже говорить о материальности, объективности этих процессов, но без категории "предмет" он вряд ли может сказать что-либо определенное даже о себе. Введение же этой категории (как раз через критерий исчезаемости, отличающий материальный предмет от материи вообще) сразу переводит разговор на более конкретный уровень, лишает многие привычные категории диалектики статуса всеобщности, понимаемой как приложимость к материи в целом.

Прежде всего, критерий исчезаемости выделяет в рамках известной на настоящий момент объективной реальности довольно определенную ограниченную сферу предметности, оставляя открытым вопрос о предметности материального мира за пределами этой сферы "снизу". Одновременно задается и верхняя граница становления предметности, достижение которой отнюдь не означает прекращения движения вообще. Просто абсолютное движение становления материи - это потому и абсолютный процесс, что он не описывается в терминах "низшее - высшее". Именно учет этих границ позволяет критически отнестись к соблазну в каждом предмете видеть цикл процессов изменений предметов низшего уровня и каждый предмет рассматривать как момент процесса, составляющего цикл, - предмет более высокого уровня. Такая иерархия предметов-циклов ("круг кругов") наблюдается сплошь и рядом на всех промежуточных ступенях развития предметности как определенной формы существования материи (от атомов до обобществившегося человеческого рода), но механическое продолжение этой иерархии было бы еще одной разновидностью дурной бесконечности. По существу, здесь (у Гегеля) мы имеем дело не с диалектикой как таковой, не с "объективной диалектикой", как сказал бы Г.С.Батищев, а с диалектикой, связанной необходимостью критики метафизической техники мышления, метафизических представлений о предметности. Как известно, то, что у Аристотеля существовало как "вариант" (вечные предметы наряду с невечными), как одна из сторон его учения об онтологическом движении (предметов), в рам-

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.391-392.

³³ Там же. Т.21. С.302.

³⁴ Там же. С.276.

ках метафизики было гипертрофировано (особенно в гносеологической предметности). Можно сказать, что своей необъективностью, односторонностью критическая диалектика Гегеля сродни атеизму и коммунизму как отрицаниям того, что им предшествует. "...атеизм является отрицанием бога и утверждает бытие человека именно посредством этого отрицания... атеизм есть гуманизм, опосредствованный самим собой путем снятия религии, а коммунизм - гуманизм, опосредствованный с самим собой путем снятия частной собственности. Только путем снятия этого опосредствования, - являющегося, однако, необходимой предпосылкой, - возникает положительно начинающий с самого себя, положительный гуманизм"³⁵.

В предыдущей главе уже отмечалось, что категорией "предметность" сам К.Маркс пользовался весьма широко, в том числе и в "Капитале". Однако он прямо не связывал это свойство объективной реальности с экзистентной изменчивостью, не рассматривал эти категории как диалектическую пару. Об этом, в частности, свидетельствуют такие его высказывания: "Предметное существо действует предметным образом, и оно не действовало бы предметным образом, если бы предметное не заключалось в его существенном определении. Оно только потому творит или полагает предметы, что само оно полагается предметами и что оно с самого начала есть природа"³⁶; "Потребительные стоимости: сюртук, холст и т.д., одним словом - товарные тела, представляют собой соединение двух элементов - вещества природы и труда. За вычетом суммы всех различных полезных видов труда, заключающихся в сюртуке, холсте и т.д., всегда остается известный материальный субстрат, который существует от природы, без всякого содействия человека. Человек в процессе производства может действовать лишь так, как действует сама природа, т.е. может изменять лишь формы вещей"³⁷. И тут же К.Маркс приводит слова П.Верри: "Все явления вселенной, созданы ли они рукой человека или же всеобщими законами природы, не дают нам идеи о действительном сотворении материи, а дают лишь идею о ее видоизменении. Соединение и разделение (т.е. все те же перемещения. - Л.Г.) - вот единственные элементы, которые обнаруживает человеческий разум, анализируя идею производства"³⁸. А ведь трудно представить производство как таковое иначе, чем как экзистентное изменение, появление одних предметов и исчезновение (или уменьшение) других предметов. Напомним также, что в современной экономической жизни не всегда в товаре остается "материальный субстрат" после "вычета" из него полезных видов труда. Во всяком случае, это справедливо для такого, например, товара, как "ноу-хау". Впрочем, если вычесть из такого товара полезные виды труда, то в остатке будет не ноль, а культура как всеобщее достояние человечества, которой безвозмездно пользуются соответствующие товаропроизводители. В этом смысле не только полезный труд и природа являются "родителями" товара, но и культура (причем культура даже в большей степени, чем непосредственно природа).

Справедливости ради следует отметить, что сам термин "экзистенция" в "Науке логики" Гегеля употребляется, причем фактически как характеристика предмета. Это отметил и В.И.Ленин в своем конспекте этой работы: "Второй отдел: явление. Первая фраза: "Сущность должна являться" ...(по)явление сущности есть (1) Existenz (вещь); (2) явление"³⁹. Сам Гегель в этом же разделе выразился так: "Различают вещь и ее существование, подобно тому как можно различать нечто и его бытие. Вещь и существующее - непосредственно одно и то же"⁴⁰. Если учесть, что и всю свою логическую систему Гегель начинает с категорий: бытие - ничто - становление (и его моменты: возникновение и прехождение) - нечто..., то напрашивается мысль, что Гегель постоянно ходит кругами около пары "предметность - экзистентная

³⁵ Там же. Т.42. С.127,169.

³⁶ Там же. С.162.

³⁷ Там же. Т.23. С.51-52.

³⁸ Там же. С.52.

³⁹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.29. С.133.

⁴⁰ Гегель. Наука логики. М., 1971. Т.2. С.117.

изменчивость".

А вот слова К.Маркса из "Экономическо-философских рукописей 1844 года": "Какое-нибудь существо является в своих глазах самостоятельным лишь тогда, когда оно стоит на своих собственных ногах, а на своих собственных ногах оно стоит лишь тогда, когда оно обязано своим существованием самому себе"⁴¹. Не правда ли, они и сейчас смотрятся достаточно свежо, актуально в контексте расширения самостоятельности предприятий. Они также свидетельствуют о том, что взаимосвязи предметности и экзистентной изменчивости - это не только почти схоластические изыскания сугубо философского толка, но и нечто, непосредственно выходящее на самую злобу дня общественной жизни, теории воспроизводства даже в самом узком экономическом смысле. (Надо, правда, иметь в виду, что игра слов "существо существует" появилось непроизвольно только в русском переводе. В оригинале ее нет.)

Возможно, ближе всего к отстаиваемой здесь точке зрения на диалектику предметности и экзистентной изменчивости следующая мысль К.Маркса: "И подобно тому как все природное должно возникнуть, так и человек имеет свой акт возникновения, историю, которая, однако, отражается в его сознании и потому в качестве акта возникновения является сознательно снимающим себя актом возникновения - (К этому надо еще вернуться)"⁴². К сожалению, К.Маркс к этому уже не вернулся. Может быть, современный К.Марксу общий уровень развития науки, культуры в целом еще не давал достаточно материала для рассмотрения диалектики предметности и экзистентной изменчивости с присущей ему основательностью?

Недооценка экзистентных изменений (в частности, их спонтанности) приводит к перегрузке относительных изменений, к необходимости приписывать им в натурфилософском стиле совершенно не имманентные свойства. Например, свойства самоизменения направления движения.

Как известно, именно эту проблему рассматривал К.Маркс в своей диссертации "Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура", написанной в 1840 - начале 1841 гг.⁴³ Один из них - Эпикур - "вменял" атомам возможность искривления пути без каких-либо внешних воздействий. К.Маркс положительно оценил этот ход мысли как попытку выражения активности атомов, самостоятельности их существования, без которой общая картина мира получалась излишне фаталистической, предопределенной его прошлым состоянием: "... многие древние порицают Эпикура за то, что, по его учению, отклонение атома происходит без причины, а ничего более постыдного, говорит Цицерон, не может случиться с физиком. Но, во-первых, физическая причина, какой требует Цицерон, вновь отбросила бы отклонение атома в сферу детерминизма, между тем как оно, наоборот, должно этот детерминизм преодолеть. Затем, атом отнюдь не завершен, пока в нем не проявилось определение отклонения. ...Демокрит, в противоположность Эпикуру, превращает в вынужденное движение, в дело слепой необходимости то, что для Эпикура есть осуществление понятия атома"⁴⁴.

Нетрудно заметить даже по этим коротким выдержкам, что "атом" древних больше похож на человека, чем на реальный атом. Не случайно К.Маркс заключает эту часть диссертации такими словами: "Эпикурейское отклонение атома изменило, следовательно, всю внутреннюю конструкцию мира атомов благодаря тому, что в нем выявлено было определение формы и осуществлено противоречие, заложенное в понятии атома. Эпикур поэтому первый постиг сущность отталкивания, хотя и в чувственной форме, между тем как Демокрит знал только его материальное существование.

Мы поэтому встречаем у Эпикура применение и более конкретных форм отталкивания. В области политики это - договор, в социальной жизни - дружба, которая восхваляется

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.42. С.125.

⁴² Там же. Т.42. С.164.

⁴³ См. там же. Т.40. С.147-233.

⁴⁴ Там же. С.173,176.

как высшее благо"⁴⁵.

Вероятно, без спонтанной активности реальных атомов невозможно и живое творчество народа. Но не менее важна и форма проявления этой активности. Попытки найти ее за пределами экзистентных изменений предметов (например, в их относительных изменениях, как это делал Эпикур), во-первых, не подтверждаются реальными физическими наблюдениями (а потому отдают мистикой, вмешательством потусторонних сил) и, во-вторых, уводят от специфики творчества как порождения чего-то нового, как процесса именно экзистентного типа. Между тем именно творческий характер по крайней мере части процессов, в которых участвуют индивиды, отличает воспроизводство человеческой жизни от иных типов воспроизводства.

До последнего времени стихийность рынка и планомерность социалистического воспроизводства трактовались как взаимоисключающие противоположности. Естественно, что стихийность при этом оценивалась как некая негативная характеристика, подлежащая исключению из экономической жизни как излишнее расточительство. Но стихийность - это свойство и человеческой природы не в меньшей степени, чем любого другого активного предмета (начиная хотя бы с атомов). Без нее не может быть воспроизводства человеческой жизни вообще. Наши же представления о планомерности совсем недавно были очень близки к Лапласу в том, что касается детерминизма. Но это возможно как раз потому, что критическая диалектика в общем-то не преодолевает метафизический детерминизм, не вычленяет последовательно логику предметности в объективной реальности. Поэтому весьма специфические законы становления и функционирования различных форм предметности (особенно цикла) выдаются за универсальные законы природы и в качестве таковых затем "навязываются" людям как "железная необходимость", которая по сути ничем не отличается от лапласовского фатализма. (Ф.Энгельс, например, писал: "Вот вечный круговорот... в котором время наивысшего развития, время органической жизни и, тем более, время жизни существ, сознающих себя и природу, отмерено столь же скудно, как и то пространство, в пределах которого существует жизнь и самосознание; круговорот, в котором каждая конечная форма существования материи... одинаково преходяща и в котором ничто не вечно, кроме вечно изменяющейся, вечно движущейся материи и законов ее движения и изменения. Но как бы часто и как бы безжалостно ни совершался во времени и пространстве этот круговорот... у нас есть уверенность в том, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на земле свой высший цвет - мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время"⁴⁶.

При таком взгляде на судьбу человека представляется вполне естественным его свободу сводить только к осознанию необходимости (которая, впрочем, сама заставит осознать себя), а свобода творчества предстает в качестве чего-то абсолютно необъяснимого и непостижимого (или даже несуществующего). Установка на познание именно законов (в частности, законов воспроизводства) - это и сейчас весьма характерная черта нашей экономической мысли.

Следует отметить, что К.Маркс в III томе "Капитала" довольно последовательно разводит категории "свобода" и "необходимость" в теории воспроизводства. Его мысль о расцвете царства свободы на царстве необходимости, о том, что человек существует как человек лишь "по ту сторону необходимости", известна весьма хорошо. Впрочем, к этой мысли К.Маркс подошел еще до разработки своего учения. Об этом, в частности, свидетельствует следующее место из упомянутой уже диссертации: "Чтобы человек, как человек, стал своим

⁴⁵ Там же. С.176.

⁴⁶ Там же. Т.20. С.362-363.

единственным действительным объектом, для этого он должен сломить в себе свое относительное наличное бытие, силу вожделений и слепой природы"⁴⁷.

На наш взгляд, критическое освоение теорией воспроизводства гегелевского понятийного аппарата связано с выявлением не только методологических "перекосов" объективного идеализма в трактовке пары "предметность - изменчивость", но и онтологических корней недооценки экзистентных изменений и переоценки относительных изменений (механического движения).

В условиях, когда жизни человеческого рода в целом еще не угрожали последствия его собственной деятельности, не было нужды обращать особое внимание на экзистентные изменения. Вполне можно было исходить из вечности существования человеческого рода, "абсолютного духа". Этот оптимизм философии Гегеля отмечал и Ф.Энгельс, подчеркивая его историческую обусловленность и ограниченность: "Мы находимся, во всяком случае, еще довольно далеко от той поворотной точки, за которой начнется движение истории общества по нисходящей линии, и мы не можем требовать от гегелевской философии, чтобы она занималась вопросом, еще не поставленным в порядок дня современным ей естествознанием"⁴⁸.

За прошедшие сто с лишним лет ситуация коренным образом изменилась и сейчас сквозь глобальные проблемы уже весьма отчетливо видны пределы "активности" человека, угрожающие прекращением существования человеческого рода. Вопрос "быть или не быть?" становится основным вопросом если не философии, то уж во всяком случае теории и практики воспроизводства материальной жизни общества. Это и позволяет рассчитывать на серьезное внимание к паре "предметность - экзистентные изменения", на ее разработку философией и применение в теории воспроизводства.

Онтологическая основа преувеличенного внимания к механическому движению - особая роль этого типа движения в жизни человека (как, впрочем, и всех представителей животного мира). Дело в том, что именно в самостоятельных перемещениях и проявляется в первую очередь активность всех животных. Поэтому, в частности, прообраз атома Эпикура - это сам человек, а механическая картина мира - это довольно полное воплощение антропоцентризма (на определенной ступени развития производительной силы самого человека).

Выше уже упоминалась отмеченная психологами связь форм отражения объективной реальности как раз с развитостью механических форм активности живых предметов, перемещением ими своих тел, частей тела, внешних предметов. Примерно в тот же период времени (т.е. уже в этом веке, во второй его половине) была практически доказана (с участием Э.В.Ильенкова) универсальная значимость механического движения и в самом отражении, и даже в воспитании полноценной человеческой личности из ребенка, от рождения лишенного зрения и слуха.

Давно доказана самой практикой и возможность выполнения любых логических и арифметических операций механическими устройствами. Абстрактная машина Тьюринга представляет собой идеализацию прежде всего механического устройства. Дальнейшее развитие вычислительной техники шло по линии замещения элементной базы с механической на электромеханическую (реле), затем электронную (от ламп через транзисторы к интегральным схемам) и далее к "биочипам". Однако суть самого движения как пространственного перемещения отдельных предметов (особенно при арифметических операциях) при этом сохранялась. Поэтому можно сказать, что довольно распространенные сейчас представления о человеке как о преобразователе информации, пусть и сверхсложной, - это практически точный слепок со старых механистических представлений о его природе, движение на месте, если так можно выразиться.

⁴⁷ Там же. Т.40. С.175.

⁴⁸ Там же. Т.21. С.276.

Единственное, но очень важное для приближения к экзистентным изменениям отличие состоит в том, что чисто механические системы работают прямо в десятичной системе, привычной и удобной для человека (с его десятью пальцами), а современная электронная техника работает, как правило, в двоичной системе счисления, весьма удобной с чисто технической точки зрения (хотя в свое время разрабатывались ЭВМ и на троичной системе). Это до предела сближает арифметические и логические операции, превращает бит в универсальную категорию теории информации. А бит как единичный переход элемента (скажем, триггера) из одного состояния в другое, противоположное - это наиболее точный качественный аналог единичного экзистентного изменения предмета - его появления и исчезновения.

По сути дела, именно здесь обнаруживается в наиболее наглядной форме взаимосвязь и качественных изменений предмета (его перехода из одного состояния в другое), и количественных изменений (в арифметических операциях), и перемещений (сигналов). Именно здесь появляется возможность исследовать циклические последовательности изменений как самостоятельные предметы, конструируя сами эти циклы любой дискретной формы, komponуя их в любые разложимые и неразложимые системы. Таким образом, на этом направлении онтологическая причина несбалансированности внимания к экзистентным и относительным изменениям предметов исчезает и появляется возможность (в том числе и техническая) изучать полный комплекс взаимосвязанных изменений различных предметов. Отметим попутно, что именно модельные расчеты на современной вычислительной технике показали реальность угроз глобальных экологических проблем (в частности, эффект "ядерной зимы"), которые способствовали пониманию возможности экзистентных изменений и для человечества в целом.

В то же время надо иметь в виду, что бит - это только информационный аналог онтологических экзистентных изменений. Он фиксирует факт перехода от начального к конечному состоянию (возникновения или прехождения) предмета. Само же содержание процесса становления какого-либо предмета определяется только его природой.

3. Спонтанность как проявление человеческих качеств в экономической жизни

Если верна гипотеза о том, что в объективной реальности происходит (и теперь уже во многих пунктах наблюдается) процесс становления полной формы предметности (от элементарных частиц до "обобществленного человечества"), то на теорию воспроизводства жизни общества приходится описание заключительного этапа этого процесса. В таком случае в ее рамках необходимо исследовать и изживание рудиментов организации жизни биологического происхождения (например, в части распределения средств существования - по труду, по положению, уравнилельно, по очереди и т.п.), и становление последовательно социальных форм жизни. И тут снова есть смысл вернуться к третьей части "Науки логики" и выводам из нее К.Маркса. Вспомним прежде всего, что конечным пунктом "предыстории" для К.Маркса является нормальная человеческая жизнь: постоянный процесс самоизменения людей, причем не под давлением внешней необходимости, а в силу их собственной природы. В рамках такого процесса и выглядят вполне естественными выражения типа "свое иное", "инобытие" предмета, поскольку именно человек тут выступает как конечная причина разнообразных изменений внешних предметов, как сила, приводящая их в движение посредством своего собственного относительного (механического) движения. (Отметим: только механическое (пространственное) движение предмета само по себе полностью инвариантно к его экзистентному изменению, совместимо с его отсутствием в очень широких пределах в отличие от количественных и качественных изменений предмета, затрагивающих непосредственно его субстрат.) Естественно, что благодаря взаимным переходам всех типов изменений человек, действуя вовне только как механическая сила, способен тем не менее создавать самые разнообразные предметы, быть действительной причиной их экзистентных изменений.

По существу, только в рамках такого процесса спонтанность изменений как свойство материальных предметов получает полное воплощение, существование человека становится

атрибутивным, только здесь применение термина "свобода" становится вполне уместным, начинает полностью соответствовать его содержанию.

К.Маркс подчеркивал циклический, самоподдерживающийся характер этого процесса, когда употреблял по отношению к нему выражения "самоцель", "самопричина"⁴⁹. А раз так, уместно говорить и о субстанции процесса саморазвития (человека), особых законах существования этой субстанции, различать в цикле саморазвития специфические потребности и интересы. По-видимому, именно эту субстанцию Гегель и называл абсолютным духом, именно ее законы существования изучал и абсолютизировал ("идеализировал"), придавая им всеобщий, а потому и закрытый, замкнутый характер. Между тем именно эта субстанция отличается самым открытым характером от всех, известных в настоящее время (а самым закрытым - субстанция элементарных частиц, которые самостоятельным существованием обладают только при отсутствии взаимодействий с другими частицами). Эта открытость субстанции саморазвития хорошо видна и в Марксовом определении богатого человека: "Богатый человек - это в то же время человек, нуждающийся во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как нужда"⁵⁰. Эта мысль молодого К.Маркса получила развитие и в столь же известном положении из "Экономических рукописей 1857-1859 годов": "если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т.д. индивидов, созданной универсальным обменом?... Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека... Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления"⁵¹.

Фактически здесь уже ломаются, перестают работать привычные представления о субстанции. Однако говорить об этом что-либо более определенное сейчас еще вряд ли возможно. Во всяком случае для целей данного исследования пока достаточно и того, что сказали Гегель и К.Маркс об особенностях становления такой субстанции.

Может быть, благодаря тому, что Гегель абсолютизировал жизнь "абсолютного духа" и несамостоятельность "внешних предметов", он хорошо видел несвободу человека (как именно такого предмета) в том, что касается целей его деятельности, и свободу в том, что касается орудий труда. "А как такая (т.е. как "в себе и для себя сущее понятие", как реальный субъект, человек. - Л.Г.), цель выставляет объект как средство, заставляет его вместо себя изнурять себя внешней работой, обрекая его на истощение и, заслоняя им себя, сохраняет себя от механического насилия... Посредством своих орудий человек властвует над внешней природой, хотя по своим целям он скорее подчинен ей"⁵².

Именно в орудиях деятельности человека (добавим: изготавливаемых им самим) Гегель видит его переход из бытия в сфере духа во внешнее бытие. Эту мысль (опорную для материалистического понимания всей истории) всецело воспринял и развил К.Маркс, который именно в замещении человека в производственном процессе внешними предметами видел специфику человеческой деятельности: "Средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет"⁵³. И тут же он приводит слова Гегеля: "Разум столь же хитер, сколь могуществен. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, обуславливая взаимное воздействие и взаимную обработку предметов

⁴⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.I. С.476.

⁵⁰ Там же. Т.42. С.125.

⁵¹ Там же. Т.46. Ч.I. С.476.

⁵² Гегель. Наука логики. Т.3. С.200.

⁵³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.190 (курсив мой. - Л.Г.).

соответственно их природе, без непосредственного вмешательства в этот процесс, осуществляет свою цель".

Впрочем, здесь еще не вполне просматривается происхождение самих орудий труда, антропогенность их свойств. Но на эту тему К.Маркс неоднократно высказывался в других работах, начиная с самых ранних: "Мы видим, что история промышленности и сложившееся предметное бытие промышленности являются раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией, которую (промышленность. - Л.Г.) до сих пор рассматривали не в ее связи с сущностью человека, а всегда лишь под углом зрения какого-нибудь внешнего отношения полезности... В обыкновенной, материальной промышленности... мы имеем перед собой под видом чувственных, чужих, полезных предметов, под видом отчуждения, опредмеченные сущностные силы человека"⁵⁴.

Одно из наиболее определенных высказываний К.Маркса о замещении человека в процессе производства материальных благ встречается в первоначальном варианте "Капитала": "То, что было деятельностью живого рабочего, становится деятельностью машины... Вместо того чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним" и относится к производственному процессу "как его контролер и регулировщик"⁵⁵. Отсюда К.Маркс и делает вывод о неизбежном разрушении способа общественной жизни, основанного на меновой стоимости. В "Капитале" этот универсальный процесс самозамещения человека внешними предметами (орудиями труда) специально не рассматривался, исследование в основном ограничивалось заменой живого труда машиной в рамках капиталистического способа производства.

Классическое функциональное деление всего производства на I и II подразделения, хотя и обособляло предметы потребления, но было подчинено решению проблемы реализации произведенного продукта в рамках капиталистического же способа производства с точки зрения воспроизводства жизни самого капитала, а не общества как такового. Орудия труда здесь никак не выделялись в составе средств производства. Впрочем, и сама эта категория (средства производства) односторонне ориентирована только на предметный вещественный результат (заданный в цели труда), а не на сам процесс производства, не на деятельность человека как таковую. Это не приближало к пониманию генетических связей между важнейшими видами производительных сил общества - человеком как первой (главной) производительной силой и орудиями труда как определяющей вещественной производительной силой.

Рассмотрим подробнее, чем же отличается производство предметов потребления от производства орудий труда. Если подходить с мерками процесса труда вообще, как они изложены в пятой главе I тома "Капитала", то никаких формальных отличий вроде бы нет. И в том, и в другом случае имеется конкретная цель, имеются предметы и орудия труда, сам человек, который приводит в движение все предметные элементы и получает результат, более или менее соответствующий намеченной цели. И все же разница есть.

В одном случае (при производстве предметов потребления) предметная цель практически не зависит от самого человека (вспомним - человек не свободен в выборе целей). Для того чтобы существовать, человек должен удовлетворять потребности своего тела. Предметный образ этих материальных условий - "относительное наличное бытие" - в значительной степени задан всей предшествующей эволюцией помимо воли и желания самого человека.

В другом случае (при производстве орудий труда) предметная цель не может быть взята на стороне потребительных сил человека. Она находится внутри его производительных сил как нечто производное от самого человека. Сама формулировка цели представляет собой при этом совершенно нетривиальную задачу, которая далеко не всегда получает явно опережающий характер по сравнению с самим процессом внешних преобразований. Только по-

⁵⁴ Там же. Т.42. С.123.

⁵⁵ Там же. Т.46. Ч.II. С.212-213.

вторяющееся производство однажды уже полученного результата принимает стандартную форму целесообразной деятельности. Но таким повторением, вообще говоря, заниматься неинтересно. Для этого вполне достаточно "выдрессированной силы природы".

Таким образом, в рамках единого развивающегося процесса производства материальной жизни общества обязательно встречаются два принципиально разных типа деятельности, в которых участвует человек. Скорее всего, само их различие, которое фиксировалось уже в XIX в., основано на различии материи вообще с ее спонтанной изменчивостью и предметной формы существования материи. Поскольку по сути дела это различие между всеобщим и особенным, т.е. в рамках единства, его вряд ли следует абсолютизировать, но ниже внимание будет обращено именно на то, чем различаются деятельности первого и второго типа (частично эти различия уже отмечались в первой главе, когда сравнивались выбор и поиск как альтернативные исходные пункты построения экономических теорий).

Деятельность одного типа направлена на достижение заранее известных, определенных целей, которые прямо или косвенно связаны с простым процессом воспроизводства, с обеспечением самосохранения его цикла как определенного предмета. В рамках такой деятельности весьма четко различаются "идеальная" ("мысленная") и "реальная" составляющие, умственный и физический труд, если пользоваться категориями XIX века. На первом этапе (целеполагания, принятия решений) осознается цель предстоящих действий, анализируется спектр альтернативных средств их достижения, осуществляется (случайно или по какому-либо правилу, критерию) выбор одного из них или определенной комбинации, представляющей собой план предстоящих действий. При отсутствии непосредственных средств достижения конечной цели строится дерево целей, в конце концов упирающееся в такие "идеальные" средства, которые можно идентифицировать с реально существующими предметными условиями. На втором этапе эти условия приводятся в действие и на основе обычных причинно-следственных связей получается предметный результат, который отчасти является объективацией цели, а отчасти - незапланированным побочным результатом. Если на первом этапе не было допущено логических ошибок, то отличие результата от цели определяется только отличием реальных средств от их мысленных образов. Опорой, и довольно надежной, этого типа деятельности является опыт прошлого, опыт решения аналогичных задач при предыдущих реализациях функциональных потребностей цикла воспроизводства. Он отказывает только в том случае, когда из-за независимого изменения материальных условий существования не удастся идентифицировать привычные средства с имеющимися реальными предметными условиями. Возникающая при этом проблемная ситуация уже не может быть решена в рамках деятельности этого типа.

Деятельность второго типа, вообще говоря, не имеет определенной внешней цели и направлена на самовыражение ее субъекта. Наличные материальные ресурсы при этом выступают в качестве потенциальных средств самовыражения, а результатом деятельности (имеющей характер поиска, а не выбора) является овнешнение бытия каких-то определенных свойств, способностей человека с помощью соответствующих средств. Можно отметить несколько особенностей деятельности этого типа, существенно отличающих ее от деятельности первого типа.

Во-первых, здесь отсутствует последовательное разделение "умственного" и "физического" труда, целеполагания и целереализации. Процессы выработки вариантов (гипотез) и их проверки тесно переплетены, представляют по сути единое неразложимое (онтологически) функциональное целое. В отличие от деятельности первого типа, имеющей выраженный стимул - реактивный характер ($S \rightarrow R$), вопрос о стимулировании как о чем-то отличающемся от содержания самой деятельности здесь не имеет смысла. (Надо, впрочем, сказать, что наличие разных предметных уровней в материальной жизни человеческого рода может создавать возможности для деятельности второго типа в рамках преобладающего влияния деятельности первого типа. В частности, в первобытных обществах, при безусловном преоб-

ладании предметной деятельности первого типа и не очень устойчивом удовлетворении даже самых насущных потребностей индивидов как раз коллективистский (уравнительный) принцип распределения материальных благ образовывал барьер между производительными и потребительными силами отдельного индивида, что и делало возможным труд "вне меры", вне соотнесения его с полезностью для самого трудящегося.)

Во-вторых, ее естественным побочным результатом является необратимое самоизменение субъекта деятельности. (Вероятно, такое самоизменение можно назвать развитием. Если в новом качественном состоянии человек сохраняет и реализует способность к дальнейшему самоизменению, то можно говорить о прогрессе, заключающемся в формировании очередного цикла, который уже находится на границе предметной формы существования материи. В рамках этого цикла фундаментальное свойство материи - абсолютная изменчивость, абсолютное движение становления, реализуется наиболее полно для предметной формы.) Деятельность же первого типа сама по себе ведет лишь к обратимым изменениям (накоплению усталости, физической и нервной), если не считать "набивания руки" на начальном этапе, и ее воспроизведение определяется повторным возникновением потребности в ней, так сказать, извне, со стороны последовательного прохождения цикла материального воспроизводства жизни тел - носителей субъектов. (Скорее всего, деятельность первого типа относится к цивилизации, а второго - к культуре.)

В-третьих, овнешнение субъектом деятельности своих способностей, т.е. его рефлексия их во вне, предполагает способность самого субъекта отличать себя от своих же определенных сторон. А это возможно только в обществе себе подобных, когда имеются реальные условия для межсубъектного сравнения исходного и конечного пунктов деятельности этого типа. Вот что писал автор "Капитала": "В некоторых отношениях человек напоминает товар (может быть, наоборот? - Л.Г.). Так как он рождается без зеркала в руках и не фихтеанским философом: "Я есмь я", то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода "человек"⁵⁶. Уже поэтому всякое творчество представляет собой сотворчество, которое, кроме того, имеет самостоятельное проявление в непосредственном процессе общения. Можно даже сказать больше. Когда речь идет о самовыражении человека, его сущностных сил, как любил говорить К.Маркс, то имеются в виду не только и даже не столько силы человека как индивида. Поскольку сущность человека не есть абстракт, присущий именно индивиду, самовыражение есть процесс овнешнения всех уровней предметного бытия человека - и единичного, и особенных, и всеобщего.

Разумеется, рефлектирующие качества общества могут быть развиты в разной степени. Это зеркало может иметь различную степень и форму кривизны. Один из вариантов деформации К.Маркс рассматривал на примере товарного фетишизма. Но в любом случае результат деятельности второго типа становится предметом отражения в некотором сообществе и именно в качестве такового становится предпосылкой дальнейшей деятельности этого типа, обладающей самостоятельным существованием независимо от творца. В отличие от нее результат деятельности первого типа, вообще говоря, предназначен для единичного (обособленного) присвоения, утилизации (т.е. в конечном итоге его исчезновения). Общение тут выступает либо как нечто потустороннее, лишь как источник способностей сопоставлять цели и средства, других профессиональных навыков, либо как функциональное средство объединения усилий людей (которые при этом выступают уже лишь как элементы совокупной рабочей силы) в процессе производства материальных благ, либо как непосредственное средство производства "человеческого фактора" (его обучения, "дрессировки").

В-четвертых, деятельность второго типа а-утилитарна (в отличие от сугубо утилитар-

⁵⁶ Там же. Т.23. С.62.

ного характера деятельности первого типа). К.Маркс в соответствии с гуманистической традицией подчеркивает именно ее соответствие человеческой природе, когда противопоставляет "действительно свободный труд" (т.е. деятельность второго типа) действиям человека как "выдрессированной силы природы" (т.е. деятельности первого типа): "Действительно свободный труд, например труд композитора, вместе с тем представляет собой дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение.

В материальном производстве труд может приобрести подобный характер лишь тем путем, что 1) дан его общественный характер и 2) что этот труд имеет научный характер, что он вместе с тем представляет собой всеобщий труд, и является напряжением человека не как определенным образом выдрессированной силы природы, а как такого субъекта, который выступает в процессе производства не в чисто природной, естественно сложившейся форме, а в виде деятельности, управляющей всеми силами природы"⁵⁷. В то же время результат этой а-утилитарной деятельности может иметь и чисто утилитарное значение (вспомним: "Не продается вдохновение, но можно рукопись продать"), выступая как "даровая сила природы". Именно в этом пункте возможно соприкосновение указанных типов деятельности. Результат второй из них может стать тем самым недостающим предметным условием, которого не хватало для решения проблемной ситуации в рамках деятельности первого типа.

Следует также отметить, что товарное производство представляет собой интересное сочетание, гибрид обоих типов деятельности. С одной стороны, непосредственный процесс производства материальных благ происходит в рамках деятельности первого типа. С другой стороны, его цели и его результаты имеют для производителя смысл лишь при их общественном признании в процессе общения с другими членами общества. Конечно, современный обмен весьма далек от нормального общения людей как людей, но следы именно такого общения еще сохраняются на восточных рынках (да и некоторые современные виды искусства, скажем, театр, берут начало на ярмарках от общения людей, сопутствующего обмену). В целом, К.Маркс имел все основания написать в предисловии к "Капиталу", что предметом его исследований являются отношения производства и именно общения как процесса родового по отношению к обмену, процесса, без которого немыслимо воспроизводство именно материальной жизни общества.

Довольно долгое время существовала традиция делать упор на том, что особенностью товарного производства является запаздывающее признание обществом результатов производства по отношению к самому производству. Именно по этой линии товарное производство противопоставлялось планомерному, в котором общественно необходимые результаты определяются до начала производства, а не после его окончания. Но такое противопоставление основано в общем-то на недоразумении, на выпячивании простой, случайной формы обмена, которая в чистом виде встречается только при господстве натурального хозяйства. Развитое же товарное производство создает такую ситуацию, когда каждый производитель традиционного товара еще до начала непосредственного производства конкретной партии довольно точно представляет себе перспективы его сбыта и ведет свое производство довольно-таки планомерно именно в народнохозяйственном понимании этого термина. Кроме того, массовым явлением в современной хозяйственной жизни стала работа "на заказ", заключение договоров до, а не после процесса производства. Договорная кампания, по сути дела, представляет собой неотъемлемый элемент именно планомерного ведения хозяйства в обществе в целом. Таким образом, с этой точки зрения фактор времени не имеет решающего значения для выделения товарного производства.

К этому фактору мы еще вернемся в следующей главе, а пока отметим, что определяющим для товарного производства является то, что деятельность людей и их общение при этом - не самостоятельные ценности жизни, не самоцели, а лишь инструментальные ценно-

⁵⁷ Там же. Т.46. Ч.II. С.110 (курсив мой. - Л.Г.).

сти, средства достижения совсем иной цели - сохранения или повышения уровня существования отдельных субъектов, физических и юридических лиц.

Разумеется, такое состояние иначе как перекошенным или даже перевернутым назвать трудно, учитывая первичность жизни человеческого рода по отношению к жизням "атомов"-носителей, а именно она ставится под угрозу, когда их общение является лишь инструментальной ценностью. Но в рамках именно товарного производства впервые происходит обособление предметностей разных уровней: предметностей конкретных производственных процессов и предметности существования самого носителя, интересы которого отражаются в пропорциях обмена.

Собственные потребительные силы носителя как бы экранируются рынком от его же производительных сил, и баланс между ними опосредуется общением с другими носителями. Наиболее наглядно расслоение предметностей разных уровней воплощено в жизни капитала, непосредственная цель которого (самосохранение и самовозрастание) имеет весьма конкретное выражение в деньгах, их количестве. Для этой цели верхнего уровня не имеет уже никакого значения, какие именно предметные воплощения капитал должен принимать в процессе своего функционирования, воспроизводства.

В рамках ведущегося здесь сравнения двух типов деятельности капитал представляет интерес не только как развитая форма переплетения деятельности первого типа и общения. Самовозрастание капитала как устойчивый, самоподдерживающийся процесс невозможен без деятельности второго типа, без создания все новых орудий труда.

В общем и целом капитал хорошо совместим с деятельностью первого типа. Он, по сути, является (в форме устойчиво самовозрастающих денег) именно ее последовательным воплощением. Ведь пропорции обмена, как нечто устойчивое, отражают неизменность технологий, в рамках которых осуществляется более или менее разнообразный труд. Время труда в этом случае представляет собой естественную меру его результатов. Собственно, сама количественность капитала как предмета есть в конечном счете проявление количественной определенности времени деятельности первого типа (точнее, ее второй, исполнительской стадии).

Иначе обстоит дело с деятельностью второго типа. Здесь уже капитал не может задать предметные цели деятельности, не может полностью отчуждать ее результаты, так как они в принципе неотчуждаемы, как неотчуждаемы знания вообще. Поэтому их дальнейшее применение не может им полностью контролироваться. От него не требуется и стимулирование такой деятельности, а потому отпадают разные превращенные формы оплаты рабочей силы. Единственное, что он может, - способствовать созданию необходимых материальных условий такой деятельности и пользоваться наряду с другими субъектами ее результатами. Разумеется, все это противоречит природе капитала и на практике возможны и даже неизбежны попытки с его стороны подогнать деятельность второго типа под стандарты деятельности первого типа. Однако практика же показывает, что именно ограничение (и, что тоже бывает, самоограничение) подобных притязаний во многом явилось причиной довольно успешного приспособления капиталистического способа производства материальной жизни общества к деятельности второго типа (это и выражалось в формуле: "современный капитализм сумел оседлать научно-технический прогресс"). Наконец, деятельность первого типа по самой своей конструкции содержит момент эксплуатации, т.е. это понятие (эксплуатация) имеет не только классовое, но и более общее онтологическое содержание. Прежде всего, предметы, создаваемые в рамках деятельности этого типа (как орудия труда, так и предметы потребления) предназначены для утилизации, т.е. они исчезают в процессе потребления. Это создает естественную монополию на их использование со стороны тех субъектов, которые непосредственно потребляют их. Такое обособленное присвоение - неизбежный спутник жизни человеческого общества. Эта эксплуатация предметов является соответственно эксплуатацией и людей, создавших эти предметы (даже если это и самоэксплуатация, как при натуральном

ведении хозяйства), и общества в целом, его культуры. Только высвобождение человека из непосредственного процесса производства материальных благ, подлежащих утилизации, кардинально изменяет общую онтологическую ситуацию. Эксплуатация вещей перестает быть эксплуатацией людей. Но это значит, что только доминирование второго типа деятельности в воспроизводстве жизни человечества кладет конец всем формам эксплуатации. Таким образом, и с этой точки зрения рассмотрение особенностей становления деятельности второго типа заслуживает внимания в рамках теории воспроизводства.

По-видимому, в этом процессе становления можно выделить несколько этапов - от единичных актов овнешнения производительных сил в рамках необходимости через их повторение, все более облегчающееся накоплением освоенного ранее "тела" культуры к локальным замыканиям за пределами непосредственного производства, и последующей интеграции культуры как саморазвивающейся субстанции человека в масштабах человеческого рода в целом. Весьма образное представление о заключительном этапе процесса становления именно этой деятельности К.Маркс дал уже в "Экономическо-философских рукописях 1844 года": "Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука"⁵⁸.

На схеме 2.2 в самой сжатой форме отражены основные моменты содержания 2 и 3 параграфов главы 2. Схема 2.1 дает некоторое представление о форме процесса воспроизводства материальной жизни общества независимо от его исторически определенного содержания, а схема 2.2 - подход к наиболее важному элементу его содержания - деятельности второго типа. Вместе эти две стороны - формальная и содержательная - задают как бы подлежащее и сказуемое своеобразной схемы-таблицы онтологических соответствий различных сторон, ведущих элементов процесса воспроизводства материальной жизни общества. "Заполнение" этой схемы-таблицы будет осуществлено в следующих главах, а сама она приведена в **Приложении 1**.

* * *

В целом, проведенное во второй главе исследование, на наш взгляд, приводит к следующим выводам.

1. Циклические процессы, примером которых в экономике является процесс воспроизводства материальных благ (производство - распределение - обмен - потребление), имеют общие формальные свойства: многоуровневая предметность, субстантность, взаимное отчуждение существования предметов разного уровня и ряд других. Эти свойства целесообразно учитывать именно как общие для любых циклов, чтобы четче анализировать специфику каждого из них в отдельности.

2. Человек в экономике - участник одновременно нескольких циклических процессов: воспроизводства материальных благ, обмена веществ с природой, смены поколений людей и саморазвития культуры. Эти циклы взаимозависимы (через человека), но относительно самостоятельны и предъявляют к человеку в процессе своего функционирования несовпадающие требования.

Возникает проблема согласования функционирования различных воспроизводственных процессов, с одной стороны, и, с другой стороны, трансформации роли в материальном производстве самого человека. Эта проблема и будет предметом рассмотрения третьей главы.

⁵⁸ Там же. Т.42. С.124.

Схема 2.2. Диалектика предметности и изменчивости

Глава 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ЧЕЛОВЕКА В МАТЕРИАЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО И ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ТИПОВ

Вводные замечания

Различение типов производств по технологическому признаку (до-, постиндустриальный) предполагает рассмотрение человека как (всего лишь) одного из факторов производства, его функционирование в качестве производительной и потребительной силы. Но прежде всего надо разобраться в смысле самих этих терминов. Как отмечалось в гл. 1, и К. Маркс, и Ф. Энгельс употребляли термин "потребительная сила", причем в паре с термином "производительная сила". "Производительные силы" же употреблялись ими гораздо чаще без соотношения с потребительными силами. Поэтому надо выяснить, во-первых, в каком смысле могут соотноситься производительные и потребительные силы, и, во-вторых, в каком смысле о производительных силах можно говорить безотносительно к потребительным силам.

Вообще сила есть характеристика процесса взаимодействия материальных предметов. Поэтому ее проявление полностью описывается теми изменениями, которые происходят с предметами во время их взаимодействия. Если процесс однороден (или повторим), то проявление силы можно представить в количественной форме как величину отдельных изменений предметов в единицу времени (или за одну реализацию), т.е. как степень их интенсивности, а также как соотношение отдельных изменений (как частное от деления интенсивностей). И те, и другие характеристики широко применяются в самых различных областях знания, в том числе и в экономической теории. Более того, темпы и пропорции процесса производства (а именно в них отражается проявление силы в материальной жизни общества) занимают важное место в экономических исследованиях. Но тут надо иметь в виду два обстоятельства принципиального характера, связанных с пониманием затрат и результатов.

Довольно часто в экономических работах можно встретить выражение "затраты времени". Но такое выражение не вполне корректно. Время - это объективная характеристика любых изменений предметов, форма движения материи, но не сами предметы, не их изменения. Например, если автомобиль проехал сто километров в течение часа, то при этом в качестве действительных затрат (изменений) выступают расход топлива, износ шин, самого автомобиля, наконец, дорожного полотна. Но время при этом не затрачивалось. Оно "шло" независимо от того, двигался автомобиль или стоял на месте. Поэтому когда среди технико-экономических норм и нормативов наряду с нормами затрат сырья и материалов, топлива и энергии перечисляются и нормы затрат времени (нормо-часы, станко-часы), то в строгом смысле слова здесь речь идет не о затратах, не о соотношениях изменений разных предметов, а о нормативной интенсивности соответствующих процессов. Это терминологическое смешение интенсивностей и действительно материальных затрат далеко не так безобидно, как может показаться на первый взгляд. По сути, именно на нем основаны многочисленные, но безуспешные попытки найти "объективные" измерители общественно необходимых затрат труда, оценить вклад тех или иных факторов производства в стоимость его результата.

Что же касается затрат и результатов в их обычном, материальном понимании, то они представляют собой лишь составные части тех изменений, которые характеризуют процесс взаимодействия предметов в целом. Пользуясь классификацией Аристотеля, среди этих изменений можно выделить и количественные, и качественные, и относительные, и экзистентные изменения. Каждое из них представляет собой результат процесса, следствие его осуществления. С этой точки зрения отнесение тех или иных изменений предметов к затратам представляет собой условность. Как правило, к затратным изменениям на практике относятся негативные экзистентные изменения - исчезновение предметов, а к результатам - противоположные изменения (хотя к затратам относятся и неэкзистентные абсолютные изменения, происходящие с человеком в том или ином процессе жизнедеятельности, а в очистных устройствах главный результат - это как раз уничтожение определенных предметов или их устранение из определенной среды).

С учетом сказанного в составе сил, характеризующих процессы взаимодействия предметов, можно лишь с определенной степенью условности различать в качестве их компонентов производительные и потребительные силы. Эту родственность, однородность производительных и потребительных сил отмечал и К. Маркс: "Способность к потреблению является условием потребления, является, стало быть, первейшим средством для потребления, и эта способность представляет собой развитие некоего индивидуального задатка, некоей производительной силы"¹. Возможно, учитывая именно эту однородность производительной и потребительной сил, их "моментный" характер по отношению к производству жизни в целом, К. Маркс практически не использовал термин "потребительная сила" как самостоятельный, а только в паре с производительной силой. Соотношение этих сил в рамках одного и того же процесса и предстает как система технических норм и нормативов затрат (с учетом упомянутой оговорки о времени), как основа нормативного метода в планировании производства. Соотношение этих же сил в разных процессах по отношению к одному и тому же определенному предмету, производимому в одних процессах и потребляемому в других, выступает как основа метода материальных балансов. Именно это соотношение лежит в основе конкуренции по мысли Ф. Энгельса, приводившейся в первой главе.

Понимаемые таким образом потребительные силы имеют (так же, как и производительные) вполне определенные количественные характеристики, которые существенно отличаются от характеристик предметных и функциональных потребностей. Потребительная сила - это свойство отдельно взятого абстрактного процесса, а потребности (предметные и функциональные) - свойства цикла. Связь между предметной потребностью и потребительной силой осуществляется через функциональную потребность, которая, напомним, представляет собой определенный процесс в рамках цикла. Например, потребительная сила процесса пищеварения имеет определенную временную характеристику по отношению, скажем, к мясу и представляет собой определенное свойство этого процесса как функциональной потребности. Чтобы реализовать ее в масштабах, необходимых для жизни цикла, требуется другое, также сравнительно определенное количество мяса в единицу времени. Понятно, что при нормальной жизни цикла потребительные силы должны превосходить предметные потребности, однако и то и другое - конечные величины, и, вообще говоря, нет никаких оснований предполагать, что потребности или потребительные силы в целом всегда превышают производительные силы. Такое предположение, как уже отмечалось, скорее мешает пониманию реального процесса воспроизводства, чем помогает разобраться в источнике его развития.

Трактовка производительных и потребительных сил как характеристик процессов позволяет применять их довольно широко за пределами непосредственного процесса производства материальных благ в рамках общества, в частности, при оценке различных природных процессов, имеющих значение для жизни человека. До последнего времени нас больше интересовали естественные производительные силы, но сейчас, в условиях нарушения экологического равновесия, все большее внимание привлекают и естественные потребительные силы, способность природных процессов ассимилировать те предметы, которые поступают из общественного процесса производства как его отходы.

Строго говоря, и человек, и орудия труда представляют собой не элементы производительных (или потребительных) сил, а предметные элементы (условия, факторы) процесса, в котором проявляется сила (то же можно сказать о предметах труда и других общих условиях производства). Конечно, от их количественных и качественных характеристик зависят свойства силы, но сами по себе они - не сила. Можно даже сказать больше. Сами процессы взаимодействия предметов невозможно расчленить на естественные и общественные с выделением соответственно естественных и общественных производительных сил. Факт участия

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.II. С.221.

или неучастия человека в таких процессах отнюдь не критерий отнесения его к общественному или естественному. Ведь в этих процессах человек участвует как природное тело, как "дрессированная сила природы", а не как общественная сила. ("Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того, чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы"². Отметим, впрочем, что термин "сила" не очень-то приложим к рукам и другим органам, но эта неточность выражения не меняет существа дела.) В условиях автоматизированного процесса производства человек непосредственно не участвует в работе машин, создающих продукты. Поэтому и производительные, и потребительные силы можно определять лишь как материальные силы вообще, действие которых вполне подчиняется законам, изучаемым естественными науками, включая и естественные науки о человеке.

Чтобы различить естественное и общественное в этих процессах, надо выйти за рамки отдельных процессов и рассмотреть причинно-следственные связи между ними. Вот тут все встает на свои места и проявляется именно производительная сила, производительная роль человека. Известно, что в совокупности взаимосвязанных естественных процессов изменений предметов практически невозможно выделить отдельные причинно-следственные связи. Как правило, отдельным процессам предшествует множество независимых событий, в ходе которых формируются необходимые материальные предпосылки данного процесса, и вряд ли только последнее из них, превращающее процесс из возможности в действительность, можно рассматривать как его единственную причину (хотя, конечно, и в природных явлениях можно провести онтологически значимое различие между связями одновременных (синхронных) изменений предметов в рамках одного процесса и временными связями изменений предметов, т.е. различать их межпредметные и межпроцессные связи). В общественных же процессах причина всегда имеется. Ею является сам человек (индивид или группа), его действия (перемещения, механические движения).

В случае деятельности первого типа это действие может сводиться к движению, запускающему автоматизированный процесс реализации заранее поставленной цели. Если же человек является одним из взаимосвязанных моментов непосредственного процесса производства (потребления), то он выступает уже в другой, не общественной роли.

В случае деятельности второго типа человек как причина изменений присутствует в процессе постоянно. В обоих случаях человек производит ("запускает") сам процесс изменений. Именно в этом заключается его производительная сила (хотя "сила" тут, может быть, не самое удачное слово), именно эту силу можно назвать общественной, поскольку общество и выступает как конечная причина соответствующих материальных процессов.

По мере того как осуществление отдельных управляющих (причинных) действий (прежде всего обычных, механических) начинает переходить к внешним предметам, можно говорить о том, что и они превращаются в "производительные силы" по отношению к процессам изменений. Как и человек, такие предметы могут одновременно выступать как элементы самого производимого процесса и влиять своими свойствами на его силу, производительную и потребительную.

Такая двоякая роль человека и орудий труда по отношению к процессу производства (как его причины и как элементов) в литературе пока не выделяется.

1. Изменения взаимосвязей личного и вещественного факторов производства

Поскольку только общество выступает как причина материальных процессов, в ходе которых происходит присвоение предметов природы, их преобразование, включающее (отчасти) и потребление, утилизацию, постольку представляется излишним его производительные силы определять как общественные. Естественные производительные силы в этом смыс-

² Там же. Т.23. С.188.

ле просто не существуют. Строго говоря, и слово "производительные" здесь не очень подходит, так как речь идет только об изменениях предметов, выступающих как причины необходимых обществу процессов производства (т.е. получается как бы "производство производства", что не вполне корректно). Да и "силы" - тоже не очень удачное слово, когда речь идет не о процессах, а о предметах - людях, организациях, орудиях труда.

Единственное, что оправдывает использование подобных выражений, это то, что появление причины процесса - это тоже процесс, одна из сторон которого состоит в относительных (механических) изменениях предметов. Например, вполне можно сказать: "Человек произвел движение рукой". Если следствием движения оказалась работа, скажем, бетономешалки без участия человека, то его непосредственная производительная сила (сила воли) полностью проявилась в этом движении руки, относительно в терминологии Аристотеля (разумеется, этому изменению предшествует своя совокупность процессов в рамках жизни общества, как материальной, так и духовной, со своими специфическими силами и предметами). Поскольку элементами причинного (порождающего) процесса являются люди и их рабочие органы, включая внешние предметы, постольку с некоторой натяжкой их можно обозначать традиционным термином: "производительные силы". С такой оговоркой он и будет здесь использоваться.

Рассмотрим прежде всего главную производительную силу - человека. Обычно эта сила берется только на единичном уровне (либо как совокупный работник в рамках отдельного хозяйственного организма). В его рамках называются такие свойства, как квалификация, опыт, выносливость и другие индивидуальные особенности рабочей силы (среди реже называемых, но не менее важных можно отметить также волевые качества, общий культурный уровень, трудовую этику, умение общаться, мобильность). Конечно, все это объективные характеристики главной производительной силы и они играют более или менее значительную роль на всех этапах развития материальной жизни. Однако единичным уровнем индивидов часто и ограничиваются, не рассматривая все уровни предметности человека как производительной силы в рамках единого целого.

На наш взгляд, такие факторы, как формы организации и координации процессов производства, кооперации и разделения труда, планирования и управления (за исключением организации оплаты труда, относящейся к производственным отношениям), логичнее всего было бы рассматривать как проявление все той же производительной силы, но уже на уровне особых предметностей - коллективов, обществ, наконец, существующего человечества в целом. Что же касается науки (и вообще культуры) как производительной силы, то она относится к всеобщему уровню предметности человека, к человеческому роду в лице всех его поколений, создавших этот элемент производительной силы, в равной степени принадлежащей всем его членам.

Собственно говоря, отнесение, скажем, кооперации к общественным производительным силам, а науки - к всеобщим производительным силам и сейчас является общепринятым. Однако, как правило, они рассматриваются без взаимной связи в рамках целого. В результате человек как бы выпадает из кооперации (существует ведь и кооперация в рамках системы машин и производительная сила этой кооперации), из науки, которая часто воспринимается как совершенно самостоятельная производительная сила наряду с человеком, тяготеющая скорее к орудиям труда, в которых воплощаются ее достижения.

Между тем, даже если подходить к делу чисто формально, с точки зрения раскладывания различных элементов производительных сил по классификационным "полочкам", имея всего две общепринятые полочки для общественных производительных сил: 1) личностные элементы и 2) вещественные элементы, то и разделение труда, и науку надо все-таки положить на первую из этих полочек. Итак, на первой полочке (личностные элементы общественных производительных сил) сейчас у нас лежат рядом индивидуальные, чисто общественные и всеобщие производительные силы, соответствующие единичному, особому и

всеобщему уровням предметности человека. А под ней, на второй полочке (вещественные элементы общественных производительных сил), уже давно лежат тоже рядом ручные орудия, машины и автоматизированные средства производства, отражающие также общепризнанную последовательность этапов развития технологий производства материальной жизни общества. То, что под индивидуальным элементом оказались ручные орудия труда, под общественными - машины, а под всеобщими - автоматизированные средства, представляет собой пока чисто случайное совпадение, внешнюю, формальную связь.

Если что здесь и связано достаточно последовательно, то это элементы вещественных производительных сил, орудий труда в первую очередь. Именно с ними связывается определяющая роль производительных сил в жизни общества, в строении различных формаций, в их последовательной смене. С ними же связано и преобладающее значение тех или иных личностных элементов производительных сил на разных этапах развития общества - индивидуальных на начальных этапах, общественных на последующих и всеобщих в самое последнее время. Давно уже стало азбучной истиной, что человек не свободен в выборе орудий труда: вступая в жизнь, он застаёт орудия труда, созданные предыдущими поколениями, и независимо от своей воли и желаний должен пользоваться ими и лишь затем по мере сил и возможностей создает что-то новое.

Все это сейчас настолько хорошо известно, что приходится даже бороться с крайностями "экономического детерминизма". Обычно недопустимость этой крайности аргументируют относительно самостоятельным характером надстройки, ее довольно заметным обратным влиянием на базис, даже на орудия труда, на производительные силы. Представляется, что такая аргументация неубедительна, она уводит разговор в сугубо конкретные проявления жизни общества, где все действительно переплетено и, как и в природе, нет никакой возможности выделить какую-либо одну определенную связь в качестве независимой причины по отношению к другим связям. При сколько-нибудь внимательном ее рассмотрении сразу же оказывается, что она зависит от других и в конечном итоге от тех, на которые влияет и сама, что все связи в обществе замкнуты даже в большей степени, чем в природе.

Между тем принципиальные особенности различных сторон жизни общества действительно определяются именно типом преобладающих орудий труда, применяемых в его материальной жизни. С этой точки зрения экономический детерминизм действительно имеется. Ведь когда говорится, что характер применяемых орудий труда только в конечном счете определяет жизнь общества в целом, то отнюдь не имеется в виду, что этот счет предъявляется кем-то и только в конце истории. Отставание крупных изменений жизни общества от изменений типов орудий труда, конечно, имеется, и поэтому можно говорить об определяющем значении вторых для первых.

Реальное же преодоление экономического детерминизма, на мой взгляд, состоит как раз в том, чтобы показать генетическую, а не формальную связь между человеком и орудием его труда, показать, как форма производства человека влияет на характер этой связи, на последовательность овнешнения отдельных свойств главной производительной силы (человека) в определяющей (орудиях труда).

Для начала отметим, что первым делом человек как индивид встречается не с орудиями труда, а с узким кругом людей старшего возраста и многообразными вещественными (вещными) проявлениями накопленной культуры общества в целом, т.е. с всеобщим уровнем предметности. В последующем это общение дополняется разнообразными внутривозрастными связями в рамках коллективов, вне семьи, развитием техники общения, и только на заключительном этапе подготовки к самостоятельной жизни повышается роль формирования профессиональных качеств индивида, его специального образования. Именно тут главная производительная сила испытывает наиболее сильное (обратное) воздействие орудий труда.

Но не только отдельный человек, а и общество с самого начала имеет дело с собственной, а не с вторичной своей предметностью (орудиями труда). "Та форма кооперации в

процессе труда, которую мы находим на начальных ступенях человеческой культуры... покоится... на том, что отдельный индивидуум еще столь же крепко привязан пуповиной к роду или общине, как отдельная пчела к пчелиному улью"³. Добавим: "... община (первая соседская - "азиатская". - Л. Г.) выступает в качестве субстанции, индивиды же как всего лишь акциденции ее или ее составные части, образовавшиеся чисто естественным путем"⁴.

Однако именно индивид был непосредственным участником всех процессов присвоения предметов природы. И участвовал он в этих процессах поначалу лишь как существо, способное к единственному типу изменений - перемещению, и к единственному типу воздействия - обычной физической (механической) силы. Именно эти свойства человека как единичной предметной производительной силы и воплощались в ручных орудиях труда. Уже самые первые такие орудия (а не только машины) заменяли человека в материальных процессах, представляли собой овнешнение его определенных производительных сил. (Вообще в замещении, как и в обмене, обязательно должно быть равенство, инвариантность замещаемого и замещающего по определенному набору свойств.) Так единичный уровень предметности главной производительной силы переходит, овнешняется в единичном же характере первых орудий труда (назовем это Ег -> Ео-переходом). Естественно, что эти процессы овнешнения представляли собой следствие определенного развития главной производительной силы в целом и, в свою очередь, вели к дальнейшим ее изменениям на всех уровнях. Вместе с другими развивался и единичный уровень - индивиды - как в физическом отношении, так и в духовном (вспомним классическую работу Ф. Энгельса "Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека").

Совершенствование ручных орудий труда (от примитивных, грубо обработанных, почти универсальных по своему характеру, до сложных ремесленных орудий и сельскохозяйственного инвентаря) расширяло возможности индивида как самостоятельной производительной силы. Известно, что это происходило в разных формах локальной доличностной общности. *Gemeinschaft* - называл ее К. Маркс. Только после появления общностей на основе "атомистических" связей образуются устойчивые предметности надъединичного уровня. *Gesellschaft* - называл К. Маркс второй тип общности. (Детальное исследование фундаментальных различий этих понятий, применявшихся К. Марксом и часто одинаково переводившихся на русский язык как "общество" осуществил Г. С.Батищев⁵.) Некоторые из них (например, капиталистическая мануфактура) были устроены так, что производительная сила, возникающая как раз из объединения усилий индивидов, не принадлежала не только никому из них в отдельности, но даже и их совокупности. Каждый индивид, оставаясь вполне самостоятельным существом в "производстве людей", в производстве вещей выступал как специфический частичный работник, как вполне заменяемая (и реально заменяемая) деталь разложимой системы, причем обратимо разложимой, если пользоваться терминологией, обсуждавшейся в предыдущей главе.

Такая система представляет собой, по сути, живую механическую машину, отдельные части которой вполне могут замещаться неживыми механическими элементами, их блоками, специализированными машинами, а затем и системами машин, что и происходило на самом деле и происходит до сих пор во многих технологических процессах (назовем это Ог -> Оо-переходом). В мировом масштабе этот переход далеко не закончен (впрочем, и в нашей стране тоже).

Хорошо известен пример К. Маркса: возьмите ветряную мельницу и получите общество во главе с сюзереном, возьмите паровую машину и получите общество во главе с капиталистом. Но для того чтобы появилась машина, раньше нее должен был появиться капита-

³ Там же. Т.23. С.346 .

⁴ Там же. Т.46. Ч.I. С.465 .

⁵ См.: Батищев Г. С.Диалектика творчества. М., ИНИОН. 1984. N18609

лист. Пока еще не во главе, а в составе общества, во главе которого стоял сюзерен.

Разумеется, как и в случае Ег -> Ео-переходов, сами процессы овнешнения представляли собой следствие развития всех уровней предметности главной производительной силы с постепенным нарастанием роли ее всеобщего уровня (прежде всего науки, особенно естественной). При этом формируются и предпосылки осуществления третьего перехода (Вг -> Во).

Переход Вг -> Во по сути дела сейчас только начинается, но уже можно отметить, что и здесь имеется вполне определенное "свойство", инвариант замещения, овнешнения. В качестве такового выступает техника мышления (рассудочного), способность выполнять логические и арифметические действия. Это как раз та способность человека как производительной силы, которая отражает определенную сторону всеобщего, "универсального" уровня его предметности и в то же время с гораздо большим успехом может выполняться универсальными вычислительными машинами (компьютерами).

Взаимная связь главной и определяющей производительных сил, личностного и вещественного элементов может быть сформулирована как своего рода закон их взаимного соответствия, который действует как бы параллельно (и вне прямой связи) с законом соответствия производительных сил и производственных отношений. О трех фундаментальных "переходах" (типах переходов) свойств от главной производительной силы к определяющей уже говорилось выше. Они и представляют собой основную линию соответствия. Но ведь существует и обратное влияние. Например, если в цехе, где стоят обычные металлообрабатывающие станки, устанавливается обрабатывающий центр, то для его эффективной эксплуатации следует довольно значительно перестроить организацию производственного процесса, распределение функций между работниками. Если этого (и многого другого) не сделать, то произойдет, так сказать, отставание главной производительной силы от определяющей. И такое приведение форм труда в соответствие с изменяющимися орудиями труда надо осуществлять достаточно оперативно, чтобы постоянно поддерживать соответствие между элементами производительных сил. По-видимому, именно эта задача представляет собой конкретное содержание требования постоянно поддерживать соответствие между производительными силами и производственными отношениями.

Дело в том, что непоследовательность в классификации личностных элементов производительных сил, ограничение их единичным уровнем приводит к тому, что довольно часто личностные элементы других уровней (такие, как организация коллективного труда) начинают относить также и к производственным отношениям, рассматривать их как некие переходные или связующие элементы двух сторон ("подсистем") производства: производительных сил и производственных отношений. Представляется, что такое смешение может приводить к дальнейшей теоретической путанице, тупикам, к невозможности даже выделить собственно производственные отношения (лишь частично представленные на этом уровне в организации оплаты труда) как вполне определенную сторону материальной жизни общества.

Еще один момент связан с процессом, который К. Маркс назвал дополнением формального подчинения труда капиталу реальным. Не все тут зависит от производственных отношений. По мере перехода Ог -> Оо работники все больше начинают зависеть не столько от распределения функций между ними самими, сколько от того, что выпадает на их долю как придатков орудий труда в рамках системы машин. То есть за реальным подчинением труда капиталу стоит как раз подчинение единичного уровня главной производительной силы особым уровням определяющей производительной силы. И такое реальное, онтологическое подчинение отнюдь не исчезает само по себе с изменением юридических форм собственности, с национализацией средств производства. Реальное освобождение главной и определяющей производительных сил, причем взаимное, происходит только в рамках третьего перехода (Вг -> Во).

Именно при этом переходе человек не только перестает быть придатком орудий труда, но и вообще перестает быть "дрессированной силой природы", одним из элементов непосредственного процесса производства предметов, материальных благ. За ним останется только порождающая, направляющая роль по отношению к непосредственному процессу производства материальных условий жизни, т.е. общественная производительная сила. Вещественные же элементы при этом освобождаются от ограничений, которые определяются возможностями человека как естественной производительной силы.

Здесь же представляется уместным сказать несколько слов и об обратном воздействии определяющих производительных сил на такие характеристики главной производительной силы (точнее, ее всеобщего уровня), как мировоззрение, техника мышления и его предмет, поскольку и в этом выражается соответствие личностных и вещественных производительных сил, человека и орудий труда. В свое время Ф. Энгельс сетовал: "Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление"⁶. Как бы развивая эту мысль, В. И. Ленин в конспекте "Науки логики" Гегеля независимо от Ф. Энгельса сформулировал положение о том, что практическая деятельность человека миллиарды раз повторяясь, отражается в фигурах логики⁷. Иными словами, в мировоззрении и технике мышления отражаются не только производственные отношения (например, в виде товарного фетишизма), но и специфика применяемых орудий труда, характера их связи с человеком. Именно эту линию мы и попробуем здесь немного проследить.

Как известно, стандартная классификация мировоззрения включает идеалистическое, материалистическое и смешанное, дуалистическое. Причем объективный критерий такой классификации (первичность материи или сознания, духа) отражает особую роль человека (общества) как производительной силы по отношению к материальным процессам, как их причины, а не элементов самого процесса. Нетрудно заметить, что применение ручных орудий труда способствует закреплению идеалистического мировоззрения, ведь здесь человек выступает как единственная причина всех движений, которое совершает орудие труда; машин - дуалистического, поскольку причинами движения орудий труда является отчасти действия человека, отчасти - взаимодействие самих машин, их деталей; автоматизированного производства - формированию последовательно материалистического мировоззрения, поскольку здесь материальный характер управляющих причинных связей принимает для человека вполне наглядную форму. Ведь чтобы написать программу для ЭВМ, передать ей выполнение определенных функций, человек должен отделить их от себя сначала мысленно. А если машина дала не тот результат, то это ошибка программы либо сбой машины. И то и другое вполне поддается идентификации.

Естественную "орудийную" основу имеют и известные характеристики различных техник мышления. Слитность человека с ручным орудием труда, которым он постоянно пользуется, которое как бы прирастает к нему (это чувство хорошо знакомо и сейчас, например, музыкантам), способствует цельности техники мышления, ее "синтезирующей" направленности, хотя сами действия, совершаемые с применением таких орудий (например, топора) имеют выраженный "аналитический", разъединяющий характер. Как отмечают специалисты, (например, А. Ф. Лосев) такой технике мышления часто свойствен "восторг рассудка": "Крупнейшие философы античности, Платон и Аристотель, давшие максимально законченную картину диалектических синтезов, как раз отличаются неимоверной приверженностью к рассудочным изысканиям и прямо-таки упоением бесконечными различениями тончайших рассудочных категорий, погруженностью в бесконечные споры, дистинкции и де-

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.545.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.29. С.172.

скрипции"⁸.

Подчиненность человека системе машин способствует метафизичности его техники мышления, а характер взаимодействия с машинами, особенно на ранних этапах развития этих орудий труда, - механистичности самого мышления. (Как отмечалось в предыдущей главе, эта механистичность довольно естественно переходит в кибернетичность мышления.)

Как фактор формирования последовательной диалектичности мышления автоматизированное производство выступает уже не прямо (ведь здесь человек уже не является элементом среди других взаимосвязанных элементов), а через последовательное самоочищение творческой сути человеческой деятельности от нетворческих элементов, а также через прояснение влияния собственных управленческих действий на судьбу человеческого рода в целом, иными словами, на понимание общей диалектики предметности и изменчивости, включая и экзистентные изменения самых разных предметов.

Разумеется, характер орудий труда - не единственный фактор, влияющий на мировоззрение и технику мышления. С таким же правом можно сказать, что, например, натуральный тип хозяйствования тоже способствует целостности мышления, товарное производство - его дуалистичности (непосредственные результаты труда находятся под полным контролем производителя, но его собственная судьба во многом зависит от поведения всех остальных производителей и потребителей), а непосредственно общественное производство - диалектико-материалистическому типу мышления.

Трудно переоценить влияние на мировоззрение и технику мышления и "производства людей", которое по сути является материалистическим и диалектическим, но само оно не существует в отрыве от "производства вещей" и испытывает его сильнейшее воздействие. Влияет на технику мышления и социально-экономическая форма производительных сил. Например, рабовладельческой соответствует весьма специфическое понимание диалектики как синтеза творящей, но бессмысленной материи и осмысляющего, все организующего интеллекта⁹.

Это, конечно, так, но и сами эти типы хозяйствования зависят от преобладающего типа орудий труда (например, натуральное хозяйство базируется в основном на ручных орудиях труда, товарное - на машинных, подробнее об этом речь пойдет в следующей главе) и надо для каждого конкретного случая проверять, насколько совпадающе или, наоборот, противоречиво влияние орудий труда и форм хозяйствования на технику мышления. По-видимому, только в первом случае можно говорить об устойчивости форм общества в целом. Во втором случае, при несовпадении влияний на технику мышления, вполне возможны самые разные проявления неустойчивости в жизни общества, в том числе и в его материальной жизни. Например, административная система хозяйствования сама по себе способствовала сохранению натурального производства, а осуществлявшаяся по ее же инициативе индустриализация объективно вела к товарному типу ведения хозяйства.

Односторонний характер причинных воздействий, свойственный как ручным, так и машинным технологиям, порождает такую важную особенность соответствующих техник мышления, как их иерархичность, культ (фетишизм) вышестоящего начала. Разница в том, что при ручных орудиях труда, т.е. при господствующем положении субъекта над объектом, в качестве такого начала выступает нечто субъектное, личностное, т.е. иерархичность в форме культа какой-либо личности, реальной или мифической. При машинном производстве, т.е. при господствующем положении объектов, вещей над работниками, в качестве вышестоящего начала выступает нечто иное, вещное, т.е. иерархичность выступает в форме фетишизма вещей. Как частный случай этого фетишизма можно рассматривать и фетишизм товаров, поскольку товарное производство становится преобладающим именно при переходе от

⁸ Вопросы философии. 1984. N1. С.148.

⁹ См. там же. С.146.

ручного к машинному производству, но собственные корни именно товарного фетишизма лежат, как известно, в сфере производственных отношений.

Выявление этих объективных зависимостей между преобладающим типом орудий труда и особенностями техники мышления, распространенной в сознании общества, возможно, будет способствовать лучшему пониманию тех извращений идеалов социализма (коммунизма), которые у нас имелись, имеются и, вполне возможно, еще появятся. Во всяком случае, переход от ручного труда к машинному, от традиционных технологий к индустриальным сам по себе способствует лишь смене "идолов" иерархичности, авторитарности, но еще не подлинной демократизации мышления людей, занятых производством вещей.

Этот демократизм мышления, взятый не как довольно редкое свойство отдельных личностей, а как характеристика массовой техники мышления, по-видимому, в наибольшей степени соответствует третьему типу орудий труда, полностью автоматизированным технологиям, параллельной работе большого числа пользователей с одними и теми же базами данных в развитых вычислительных сетях практически независимо от своего положения в пространстве (т.е. из любой точки Земли) и в обществе.

Возможно, в рамках закона соответствия главной и определяющей производительных сил можно будет решить и вопрос о преобладающем предмете фетишизации. Культ индивидуального мастерства, получивший довольно полное развитие в рамках цеховых ремесленных корпораций средних веков, - это естественное порождение ручных орудий труда как средств непосредственно индивидуального производства именно первого, ручного типа овнешнения главной производительной силы в определяющей. При переходе ко второму типу овнешнения после временной девальвации многих традиционных видов сложного ручного труда индивидуальное мастерство ремесленников трансформировалось в массовый высокий профессионализм. Этот профессионализм, причем довольно широкого профиля, становится просто одним из компонентов трудовой этики, а на смену ему в качестве, так сказать, предмета культа приходят организации (корпорации, другие организационные структуры). Ведомственность и местничество - наши старые знакомые - это только частные случаи проявления такого культа в одном ряду с выпячиванием своих интересов другими хозяйствующими организациями (вспомним, например, классическое: что хорошо для "Дженерал моторс", то хорошо и для Америки).

Такое выпячивание интересов организаций вполне закономерно - ведь при машинном производстве в материальной жизни общества ведущую роль играют производительные силы, свойственные как раз такому уровню предметности главной производительной силы, который и представлен хозяйствующими организациями. Видимо, только с переходом к третьему типу овнешнения культ организаций ждет та же судьба, что постигла культ индивидуального мастерства. Во всяком случае, современные тенденции в этой области, в частности изменение пропорций между малыми, средними и большими предприятиями и вообще повышение организационного динамизма, свидетельствуют о реальности такой перспективы.

Возможно, вопрос о преобладающем типе отражения реальности (т.е. ведущей форме культуры) выходит за рамки взаимодействия главной и определяющей производительных сил, но представляется целесообразным в нескольких словах затронуть и его. Если в качестве предмета мышления рассматривать реальные связи изменений, то вполне естественной представляется классификация, включающая связи в обществе, связи в природе и связи между природой и обществом. По-видимому, рафинированными формами отражения этих связей в рамках культуры являются соответственно искусство, наука и философия. Разумеется, все эти формы существуют и взаимодействуют в рамках общества на всех этапах его истории. И все же то, что искусство развивалось с заметным опережением на этапе преобладания ручных орудий труда, а наука начала ускоренно развиваться с переходом к машинному производству, не является случайным. Это позволяет предположить, что следующий этап овнешнения главной производительной силы в определяющей (Вг -> Во-переход) даст тол-

чок (или, скорее, сам будет требовать как свою предпосылку) ускоренному развитию именно философии, причем диалектико-материалистической философии, свободной от недооценки специфики экзистентных изменений предметов и вряд ли имеющей что-то общее с "диаматом", вызывающим сейчас массовую аллергическую реакцию.

2. Обобществление процессов утилизации природных ресурсов и охраны среды обитания

Наиболее динамичными элементами материальных процессов являются, конечно, предметы, претерпевающие экзистентные изменения, т.е. производимые и потребляемые. Как уже отмечалось, и производство предметов, и их потребление в равной степени являются результатом процессов, однако обычно мы в качестве результатов рассматриваем только производимые предметы (обычная судьба которых - исчезнуть уже в других, последующих процессах). Исчезающие же предметы при этом подразделяются на предметы труда, субстрат которых переходит в производимые предметы и отходы, и на источники энергии, потребляемой в ходе самого процесса.

Естественной основой классификации источников таких предметов является их положение по отношению к Земле: ее поверхности, на которой живет и сам человек, ее недрам и пространству над поверхностью Земли (Земля в целом). Если эту классификационную "полочку" подвесить под первые две, то под ручными орудиями труда окажется поверхность Земли, под машинным производством - ее недра, а под автоматизированным - пространство над ее поверхностью (совершенно ненаучный термин "полочка" употребляется здесь и в следующих двух главах только для того, чтобы подчеркнуть сквозной характер сравнения для формирования трех сквозных "колонок").

В общем-то такое размещение соответствует историческим фактам - действительно, на этапе ручного труда человек больше занимался освоением поверхности Земли, с появлением машин начал разрабатывать ее недра, а в самое последнее время довольно плотно начинает осваивать и атмосферу. Однако, поскольку основания классификации формально между собой не связаны (за исключением того, что и тут точкой отсчета взят человек, но только не как источник изменений внешних предметов, а как предмет, занимающий, так сказать, от природы определенное место в пространстве среди других предметов), реальные связи элементов "колонок" могут быть установлены только в результате их конкретного рассмотрения.

Но прежде, чем это делать, составим столь же естественную классификацию источников энергии в материальных процессах. Если опять-таки брать за точку отсчета человека, то в качестве первой формы, которой обладает и сам человек, являются биологические источники энергии (то, что она переходит в другие формы, прежде всего в механическую энергию - это уже вопрос преобразования энергии, а не ее источника). Тогда следующей формой являются химические источники энергии, связанные с изменениями молекул, и, наконец, физические, связанные с изменениями в рамках низшей, атомной формы предметности. И эта полочка, подвешенная под предыдущими, в основном дает по вертикали соответствие историческим фактам. Действительно, на первом этапе человек в основном пользовался в качестве источников энергии самим собой и прирученными животными, используя химические источники (и то не сразу) в основном в сфере потребления и во вспомогательных процессах (имеется в виду использование огня в обработке пищевых продуктов перед употреблением, при обжиге глиняных изделий и подготовке участков земли под сельхозобработку). Только на втором этапе, когда была открыта возможность обратного превращения тепловой энергии в механическую, химические источники энергии (сначала уголь, а затем нефть и газ) стали основными энергетическими ресурсами материальной жизни человека. Наконец, физические источники начинают осваиваться лишь в самое последнее время. В первую очередь это касается деления атомов радиоактивных элементов на Земле и более полного и прямого исполь-

зования энергии Солнца.

Все эти "вертикальные" соответствия не являются простым совпадением. Само происхождение человека предопределило первоочередное использование именно биологических источников энергии. Относительная слабость этих источников не позволяла сколько-нибудь активно разрабатывать недра Земли и преимущественно ориентировала на освоение природных богатств, расположенных на ее поверхности. Только после завершения такого освоения, стимулированного ростом населения и совершенствованием ручных средств труда, началась коренная ломка локально-общинных форм общества, основанных на отношениях личной зависимости общественных структур, которая открыла дорогу к новой стадии овнешнения главной производительной силы: Ог -> Оо. Как раз в Голландии, первой начавшей этот переход в масштабах страны (переход к капитализму, если брать его отражение в производственных отношениях), использование возможностей поверхности Земли дошло даже до создания полейдеров за счет осушения дна моря.

В свою очередь, производство машин потребовало интенсификации присвоения таких предметов, которые на поверхности Земли были представлены крайне ограниченно. В результате началась более активная разработка недр, во многом оказавшаяся самоподдерживающимся процессом. Дело в том, что, с одной стороны, разработка недр требует применения мощных машин, больших затрат энергии, но и предметы труда для производства этих машин и источники такой энергии сами находятся в недрах Земли. Более того, постоянное воспроизводство машин требует забираться в недра все глубже даже для поддержания их простого воспроизводства, что делает сам процесс постоянно расширяющимся практически независимо от того, растет ли при этом выпуск конечной продукции.

И вот тут мы выходим на еще одну характеристику естественных источников потребляемых предметов - степень их возобновляемости, воспроизводимости (именно этот момент представляет особый интерес как раз для теории воспроизводства).

Нетрудно заметить, что и по этому критерию между первым и вторым типом орудий труда имеется существенное различие. В целом, при использовании ручных орудий труда в хозяйственный оборот вовлекаются в основном воспроизводимые ресурсы, а при использовании машин - невоспроизводимые. Разумеется, и это соответствие основано не на формально-логических, а на содержательных связях между особенностями орудий и предметов труда. Естественная ограниченность, но и естественная же воспроизводимость большинства предметов, расположенных на поверхности Земли, вела к тому, что сколько-нибудь длительное существование могли обеспечить себе только общества, практически полностью базирующиеся свои технологии на воспроизводимых ресурсах, причем использующие эти ресурсы в масштабах, не нарушающих естественных воспроизводственных процессов.

Единственный невоспроизводимый ресурс при этом - сама земля, точнее, ее естественное плодородие. Поэтому довольно длительное время этот фактор был источником нестабильности воспроизводства, выражавшийся, в частности, в пространственной мобильности общественных организмов. Только после освоения технологии воспроизводства плодородия почвы за счет внутренних ее источников (в рамках цикла "навоз - зерно") процессы воспроизводства материальной жизни общества на базе ручных орудий труда обретают завершенность, высокую степень взаимной согласованности.

В то же время именно эта замыкающая технология во многом способствовала дальнейшему переходу к иному типу общества, а вместе с ним и к следующему, машинному этапу развития технологий. Дело в том, что ярко выраженная локальность цикла "навоз - зерно" является сильным стимулом обособления процессов воспроизводства "материальных благ" от других сторон жизни общества. По сути дела, этот цикл был историческим предшественником капитала как особого цикла изменений в рамках материального воспроизводства жизни общества, интересы которого во многом приобрели самодовлеющий характер, деформировали всю исходную структуру интересов воспроизводства человеческого рода.

Привязанность жизни обществ, использующих ручные орудия труда, именно к поверхности Земли порождает такую специфическую экономическую категорию, как "жизненное пространство" и ее политический эквивалент - территориальный суверенитет, а также особую остроту интересов, связанных с распределением этого предметного условия жизни. Именно пограничные, внешние для каждого отдельного общества (хотя и внутренние для человечества в целом) интересы, точнее, их реализация, во многом определяют ход его жизни, а не внутренние проблемы самого материального воспроизводства, имеющего, как отмечалось, при ручных орудиях весьма сбалансированный, а потому склонный к застою характер.

С застойностью, в свою очередь, связана пространственность "ветра истории", имевшего в рамках типа ручных технологий общую направленность с юго-востока Евразии на ее северо-запад. Каждый конкретный общественный организм осуществлял процессы овнешнения только до тех пор, пока это способствовало стабилизации процесса его воспроизводства и, тем самым, не использовал другие возможности их применения. Эти возможности брали на вооружение другие (соседние) общественные организмы, еще не стабилизировавшие процесс своего воспроизводства и делали определенный шаг вперед, также в конце концов кристаллизуясь, принимая застойные формы.

В частности, строительное искусство, жизненно необходимое в условиях приречного орошаемого земледелия, достигло весьма высокого уровня развития в наиболее древних обществах оседлого образа жизни в Азии и Африке. Это искусство взяли на вооружение их соседи - обитатели северного средиземноморья, использовавшие его для создания городов-крепостей и в то же время развившие технику богарного земледелия, в частности, создавшие тяжелый плуг, не нашедший, видимо, достаточно широкого применения из-за особенностей сложившейся (рабовладельческой) формы общества. Это изобретение, в свою очередь, взяли на вооружение обитатели Центральной (а затем и Северной) Европы, создавшие на этой технологической основе последнюю лично-зависимую форму общества. На периферии этого общества овнешнение главной производительной силы началось на принципиально ином уровне, ведущем к замене ручных орудий труда машинными, в корне изменившим сам тип воспроизводства. (К этим переходным формам общин мы вернемся в пятой главе.)

Обычно мы говорим, что с капиталистической формой организации производства связано быстрое развитие производительных сил, ускоренное совершенствование орудий труда. Это, конечно, так, но для правильного понимания такого развития надо разграничивать влияние, идущее со стороны производственных отношений, и влияние, идущее со стороны вещественных элементов производства материальных благ.

Поскольку углубление в недра Земли - самоподдерживающийся и даже расширяющийся процесс, постольку он должен продолжаться и после исчезновения капиталистических производственных отношений. Однако в нашей стране этот процесс наложился, во-первых, на незавершенность общего перехода от ручных орудий труда к машинным (повидимому, наиболее точным показателем уровня индустриализации является все-таки уровень механизации труда в масштабах всего общества, а не только сферы производства материальных благ и уж никак не удельный вес промышленности в национальном доходе или, хуже того, в совокупном общественном продукте; структура производственных фондов тоже малопригодна в силу влияния ценовых факторов, особенно искажающих оценку как раз фондов, их постепенно накопленных запасов по сравнению с потоком текущего производства) и, во-вторых, на естественное отставание форм хозяйствования, во многом обусловленное все тем же высоким удельным весом ручного труда.

Необходимость постоянного углубления в недра предопределяет общую неустойчивость самого машинного производства как преобладающего типа техники и технологий и необходимость, неизбежность перехода в целом от одностороннего присвоения предметов природы к действительно контролируемому обмену веществ между обществом и природой.

Но реальные средства такого контроля, средства сбора и обработки информации о чрезвычайно разнообразных процессах, происходящих не только в обществе, но и в природе, создаются только в рамках третьего типа овнешнения главной производительной силы в определяющей. Именно здесь и восстанавливается соответствие уровней предметности всех элементов воспроизводства: всеобщему характеру ведущего элемента главной производительной силы - науки и вообще культуры - соответствуют универсальные по своим возможностям компьютеризированные орудия труда (= средства воздействия на взаимосвязанные материальные процессы в рамках Земли).

В отличие от чрезвычайно локального цикла "навоз - зерно", появившегося в рамках ручной технологии и способствовавшего разобщению материальной жизни отдельных частей человеческого рода, развитие машинного производства порождает такую ситуацию, когда связи процессов воспроизводства становятся всемирными в силу единства самой Земли, что особенно проявляется во взаимосвязанности, внеграницности атмосферных процессов.

Поэтому уже в рамках развитого машинного производства понятие территориального суверенитета теряет былую актуальность. Сами границы начинают превращаться во все большую условность, а на смену "жизненному пространству" отдельных народов приходят "жизненные интересы" хозяйствующих субъектов (организаций), не привязанные к каким-либо государственным границам. Типичным (но далеко не единственным) примером отсоединения хозяйственной, экономической жизни от традиционной политической являются транснациональные компании. Их существование плохо укладывается в ставшие привычными представления о соотношении экономики и политики.

По-видимому, предстоит уточнить и некоторые другие устоявшиеся представления. Например, о характере общенародной собственности.

По сути дела, до последнего времени мы повторяли известные формулировки о том, что политика представляет собой концентрированное выражение экономики и что политика не может не иметь первенства над экономикой, не расшифровывая, так сказать, пространственную определенность того и другого. Между тем политика, во всяком случае ее традиционные формы, имеет ярко выраженную страновую привязанность. Лишь в последнее время приоритет всеобщих, общечеловеческих интересов над любыми особенными становится осознанной установкой именно политического мышления, а не только достоянием деятелей культуры.

Что же касается характера собственности, то с учетом только что сказанного возникает вопрос о том, насколько общественной является собственность, национализированная в рамках одной, отдельно взятой страны. Причем вопрос этот имеет две стороны - внутристрановую и надстрановую, мировую. В рамках первой стороны мы до последнего времени отождествляли общество и государство как субъектов собственности. Между тем, если государственная собственность не является единственной, а допускаются и другие формы собственности, то и сама государственная собственность представляется лишь одной из форм наряду с коллективной, индивидуальной собственностью и даже может быть превращена в разновидность частной собственности в руках умелых бюрократов. В то же время нельзя не учитывать, что в современных условиях собственность любого государства вряд ли имеет "более общественный" характер, чем, скажем, собственность транснациональных корпораций, активы которых зачастую превышают собственность не только малых, но и средних государств и по включенности в процесс воспроизводства материальной жизни человеческого рода в целом, как правило, превосходят их.

Но дело не только в субъектах и объектах присвоения. Собственность, понимаемая в самом широком, неюридическом смысле, как присвоение предметов природы, материальных благ, - это лишь одна сторона взаимодействия общества и природы, причем сторона эгоистическая, если можно так выразиться. В ней наиболее явно проступает биологическое происхождение человека. Строго говоря, именно присвоение отдельными индивидами внешних

предметов (конечно же, "в рамках определенной формы общества и посредством ее") представляет собой основное содержание жизни как "способа существования белковых тел", ведущую сторону происходящего при этом обмена веществ. А вторая сторона - выделение предметов обратно в природу как естественный результат всех процессов жизнедеятельности - остается как бы в тени.

Упомянутое в предыдущей главе поэтапное развитие психики животных в процессе совершенствования способов их взаимодействия с внешними предметами - это как раз развитие их контроля за процессом именно присвоения предметов (а не их выделения в окружающую среду), поскольку от качества такого контроля зависит продолжение существования индивидов. Потребительская установка естественным образом наследуется и в обществах локально-общинного типа. А относительная слабость воздействия на природу со стороны общества при ручных орудиях труда (возможность продолжения существования без контроля за процессом выделения веществ в природу) способствует закреплению в общественном сознании именно собственнической, присваивательской установки по отношению к природе (независимо от формы самой собственности - частной или общей). Именно такая установка и приводила в далеком прошлом к опустошению цветущих территорий, да и сейчас приводит к крайне тяжелым последствиям.

Контроль же над обменом веществ между природой и обществом принципиально отличается от контроля только над одной его стороной - присвоением. Дело тут не столько в "удвоении" степени контроля, сколько в его "заиклиивании", создающем, как всегда в таких случаях, новую предметность. В рамках этой предметности собственность уже теряет привычные очертания. В качестве собственника начинает выступать человеческий род в целом (если вообще тут можно говорить о чьей-то собственности), а каждое реально существующее поколение представляет собой (и осознает это) лишь временного пользователя, который должен оставить следующим пользователям общее достояние в лучшем виде по сравнению с тем, в каком оно досталось ему от предшественников. Приоритет в формулировании этого положения принадлежит, видимо, К. Марксу: "С точки зрения более высокой экономической общественной формации частная собственность отдельных индивидуумов на землю будет представляться в такой же мере нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека. Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе (т.е. хозяйствующее поколение. - Л. Г.), не есть собственники земли. Они лишь ее владельцы, пользующиеся ею, и, как добрые отцы семейств, они должны оставить ее улучшенной последующим поколениям"¹⁰.

Такое развернутое во времени производственное отношение между поколениями лишь в крайне незначительной, даже превращенной форме отражено в обычном праве наследования имущества частными лицами, и никак в этом праве не отражено наследование обществом (поколением) в целом. Некоторое представление о нем дает отношение к земле крестьянина (во всяком случае до того, как она стала частной, отчуждаемой собственностью). Но "несобственническое" отношение крестьянина ограничено одним, пусть и решающим для него материальным условием жизни его собственной семьи, рода, а современные тенденции развития производительных сил ведут к формированию такого отношения на уровне всего хозяйствующего человечества по отношению ко всей жизни на Земле.

Установление контроля над обменом веществ между природой и обществом со стороны последнего (последовательно осуществимое, как отмечалось выше, только на уровне человечества в целом) ведет и к постепенному слиянию субстанции воспроизводства материальной жизни общества с субстанцией циклических процессов, свойственных прежде всего существованию Земли. Этот вполне естественный итог "предыстории" человечества К. Маркс предвидел уже в "Экономическо-философских рукописях 1844 года": "Коммунизм как

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25. Ч.II. С.337.

положительное упразднение частной собственности - этого самоотчуждения человека - и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т.е. человеческому. Такой коммунизм, как заверченный натурализм, = гуманизму, а как заверченный гуманизм, = натурализму; он есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он - решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение"¹¹.

Возможно, 150 лет назад эти слова выглядели совершенно умоизрядными, ничем не подкрепленными в реальной жизни. Сейчас это уже не так, хотя до действительного "решения загадки истории" почти так же далеко, как и тогда.

3. Развитие взаимодействия производительных и потребительных сил человека

Как отмечалось во вводных замечаниях, представляется необходимым последовательно различать производительные силы как одну из характеристик материальных процессов (и в этом случае она может рассматриваться в паре с потребительной силой или того же, или другого процесса - последнее имеет смысл по отношению к жизни одного предмета) и как причину возникновения самих процессов.

В рамках первого понимания любые показатели производительной силы имеют сугубо частный, относительный характер. Это, конечно, относится и к показателю производительности труда. Хотя в теории и различаются показатели производительности живого и общественного труда (поскольку именно к последнему относится известное положение об эффективности применения машин, заменяющих живой труд), на практике реально рассчитывается только первый, так как приведение единовременных затрат на средства труда к текущим, необходимое для расчета второго показателя, осуществляется с помощью очень уж условных методов (коэффициентов приведения, способы определения которых остаются дискуссионной темой). Показатель производительности живого труда ни по форме, ни по содержанию ничем не отличается от столь же частных показателей производительности оборудования (фондоотдачи), материалоемкости. В каждом из этих и подобных им расчетов рассматривается связь между различными взаимодействующими элементами одного процесса, различными изменениями, которые с ними происходят.

Представляется, что целостный характер материальных процессов делает бесперспективными все попытки рассчитать какие-либо общие показатели производительности или эффективности таких процессов, "затраты" и "результаты". Единственное принципиальное отличие показателя производительности живого труда от ему подобных показателей состоит в том, что само его наличие говорит о вовлеченности человека частью своей жизни в соответствующие процессы. Причем, как правило, в таком режиме, когда участие в одном процессе исключает участие в аналогичных процессах. Понятно, что величина, характеризующая уровень производительности труда, ничего не говорит о степени вовлечения жизни людей в производство вещей.

Можно сказать и больше. Даже вовлеченность человека непосредственно в производственный процесс сама по себе не делает соответствующий частный показатель ведущим среди других. Известно, что при характеристике эффективности производства обществ традиционного типа широко применяется показатель материалоемкости производства зерна (по удельному расходу семян, точнее, обратного ему показателя), а когда речь идет об обществах древности, то этот показатель производительности становится чуть ли не единственным, доступным по дошедшим до нашего времени источникам. Такое внимание именно к этому

¹¹ Там же. Т.42. С.116.

частному показателю эффективности вполне естественно, когда материальная жизнь общества вращается главным образом вокруг продовольственной проблемы, производства и распределения хлеба насущного. В этих условиях доля зерна, которое необходимо оставить на семена, в общем объеме полученного урожая представляет особый хозяйственный интерес. К особенностям динамики этого показателя мы чуть ниже вернемся. Столь же исторический характер имеют и повышение значения показателя производительности живого труда с переходом от ручного к машинному производству, и его фактическое исчезновение при переходе к автоматизированному производству.

В рамках второго понимания производительность, эффективность труда по запуску материальных процессов определяется степенью их целесообразности (термин целесообразность, предложенный Э. В. Ильенковым, здесь представляется более уместным, поскольку цель может быть отражением предметной потребности, т.е. предметности низшего уровня, а в данном случае подразумевается целое - предметность второго и других, еще более высоких уровней, вплоть до предметности человеческого рода), т.е. степенью их согласованности с другими материальными и иными процессами в рамках производства жизни общества в целом, а не производства и потребления отдельных материальных благ. (Типичным примером иных процессов, которые пока недостаточно учитываются при оценке целесообразности материальных процессов, является разрушение памятников прошлого как естественного, так и культурного происхождения.)

Правда, само определение целесообразности запуска определенных материальных процессов может происходить в весьма превращенных формах по отношению к реальной жизни общества. Но в любом случае именно эта характеристика и отражает производительную силу человека, общества (точнее, определенной формы производственных отношений). Именно в рамках такого понимания производительных сил можно говорить об их единстве с производственными отношениями.

Одновременное действие человека и как общественной производительной силы, и как элемента непосредственного процесса производства, конечно, влияет на особенности проявления каждой из этих сторон его жизни. Это и лежит, в частности, в основе товарного фетишизма. Поэтому полное, адекватное действие производительной силы именно человека возможно только тогда, когда уже нет такой связи, когда показатель производительности труда теряет смысл, что и происходит при переходе к постиндустриальным технологиям.

Поскольку здесь производительная сила нас интересует в рамках соотношения с потребительной силой, в дальнейшем рассмотрении мы абстрагируемся от специфической производительной силы человека и ограничимся их (сил) пониманием как характеристик материальных процессов вообще.

Мы привыкли увязывать форму общества с уровнем эффективности производства. Вряд ли есть необходимость приводить цитаты о том, что каждый строй одерживает победу над предыдущим, лишь развив производительные силы до уровня, недостижимого в рамках побежденного. Это, конечно, правильно, но вот какие цифры приведены в книге А. И. Анчишкина "Наука - техника - экономика" со ссылкой на источники: "По сообщению Плиния-старшего, пшеница давала в Египте урожай сам-100. Для сравнения укажем, что на Московской Руси урожаи редко достигали сам-5"¹². Выходит, что общественный строй средневековой Московской Руси, оцениваемый специалистами как намного более прогрессивный, переломной по сравнению со строем Древнего Египта, существовал на основе производства, в десятки раз менее эффективного, чем производство древних египтян. Если верны и эти факты, и общая теория смены форм общества, то надо разобраться с пониманием эффективности как характеристики способа производства материальной жизни общества.

Естественная классификация характеристик эффективности материальных процессов

¹² Анчишкин А. И. Наука - техника - экономика. С.26.

включает в первую очередь их устойчивость, затем количественный уровень отдельных показателей и, наконец, их целосообразность. Если "полочку" с этими элементами повесить под предыдущей, то в первую "колонку" попадет степень устойчивости процессов, во вторую - уровень отдельных предметных показателей процессов, в третью - степень их целосообразности. Проверим теперь, насколько эти элементы вписываются в соответствующие "вертикали".

Если показатель устойчивости и в самом деле адекватно характеризует эффективность производства материальной жизни на основе ручных орудий труда, то более совершенным в рамках этих орудий должен считаться тот вариант, при котором выше устойчивость этого процесса. И приведенный пример с Египтом и Московской Русью укладывается в этот критерий.

Относительная неустойчивость воспроизводства в Древнем Египте проявлялась прежде всего в высокой степени зависимости от уровня разлива Нила, который не был стабильным по годам, что, в частности, нашло отражение и в известной ветхозаветной притче о семи тучных и семи тощих коровах. Понятно, что это способствовало повышенной централизации распределения урожая, организации его хранения в дополнение к централизованному управлению строительством ирригационных и других сооружений, имеющих характер общесистемного обеспечения жизни. Можно также отметить невоспроизводимость плодородия внутри самого процесса воспроизводства жизни, так как органические отходы в значительной степени приходилось использовать на топливо из-за недостатка других источников энергии на поверхности Земли. (Этот источник энергии и сейчас еще имеет значение в странах, бедных лесом, более того, технологии получения и использования биотоплива создаются и используются и в развитых странах.) Плодородие, как известно, поддерживалось за счет внешнего источника - ила, приносимого с гор течением Нила (соответственно, возведение плотины при строительстве Асуанской ГЭС в качестве побочного эффекта породило проблему воспроизведения плодородия в нижнем течении реки из-за отстаивания ила в ложе водохранилища).

Напротив, в Московской Руси, как и Европе в целом, климат в основном умеренно континентальный, с довольно устойчивым годовым распределением осадков, что позволяло вести хозяйство относительно автономно. Остаточное количество источников энергии растительного происхождения существенно облегчало поддержание цикла "навоз - зерно" для воспроизводства плодородия почвы как момента жизни самого общества. Выше уже отмечалось значение этого цикла для создания предпосылок дальнейшего развития общества, перехода в конце концов к машинному производству.

Как известно, один из наиболее высоких показателей (если не самый высокий) устойчивости производства материальных благ был достигнут в свое время в Голландии, где сезонные изменения климата были особенно умеренными, стабильными. Таким образом, исходный показатель эффективности воспроизводства, по сути дела, исчерпал себя, ушел, так сказать, в основание, а в качестве переменных величин, подлежащих оптимизации, выступили как раз время труда и его продуктивность. Именно на этой основе сформировался такой частный показатель эффективности, как норма прибыли на капитал, который одновременно выступал и как критерий целосообразности направления его вложения для хозяйствующего субъекта. Поскольку норма прибыли - всего лишь частный показатель, используемый частным же субъектом, постольку принимаемые им решения, будучи целосообразными для него, совсем не обязательно являются целосообразными для жизни общества. Вкупе с неустойчивостью, постоянно вызываемой обновлением технологий, это постепенно ведет к необходимости дополнения подобных микроэкономических показателей эффективности макроэкономическими, проверкой не только целосообразности мероприятий для отдельных субъектов, но и их целосообразности для жизни общества в целом.

В рамках машинного производства различные критерии эффективности не вполне со-

гласованны. И только с высвобождением человека из непосредственного процесса производства вещей, средств существования восстанавливается согласованность критериев его эффективности, причем в форме, как раз соответствующей третьему типу орудий труда.

Оо сих пор проверка соответствия критериев эффективности типам орудий труда шла на общеисторическом уровне. Вероятно, имело бы смысл проверить ее и на примере отдельных стран, в которых достаточно широко представлены различные технологические уклады, т.е. страны с переходным характером технологий.

Представляется, что ситуация с критериями эффективности в нашей стране в общем отражает незавершенность ее перехода от ручного к машинному технологическому укладу. Недавнее обилие публикаций о частных и общих показателях эффективности, системах показателей планирования, стимулирования и оценки деятельности предприятий - все это в целом отражает направленность движения к индустриальному производству. В то же время на практике одной из главных проблем хозяйственников всех уровней является устойчивость: от устойчивости материально-технического снабжения, ставшей притчей во языцех, до устойчивости общего положения с продовольствием за счет собственного производства. По применению же показателей, характеризующих целосообразность хозяйственных мероприятий (например, по экологическим показателям) мы пока заметно отстаем от более развитых в технологическом отношении стран.

Как и во всех других случаях, рассматриваемых в этой главе, переход ведущей роли от одного элемента классификации к другому отнюдь не исключает и достаточно существенной роли остальных элементов. Так, решение в основном проблемы устойчивости процесса воспроизводства материальной жизни общества и его членов привело к сдвигу этой проблемы на функционирование, во-первых, отдельных капиталов (этот момент здесь рассматриваться не будет) и, во-вторых, отдельных элементов непосредственного процесса производства, а именно машин и обслуживающих их работников.

Устойчивость функционирования машин уже давно приобрела форму проблемы надежности техники, проблемы сочетания достаточно высокого уровня надежности с высокими показателями производительности оборудования в рамках приемлемых для общества затрат на то и на другое (т.е. на надежность и производительность). Принципиально важно тут как раз двоякое направление затрат, что объективно ограничивает установку хозяйствования на частные показатели производительности, на их максимизацию. Поскольку надежность - параметр по своей природе вероятностный, затраты на обеспечение надежности оборудования отнюдь не дают таких же результатов, какие дают затраты сырья, энергии и использования самого оборудования в рамках определенного производственного процесса. По этой причине управление надежностью возможно на уровне всей совокупности, а не отдельных элементов. Чисто технически такое управление выражается в степени дублирования элементов, что соответственно снижает частный показатель производительности их суммы.

В общественном масштабе такое управление выражается в страховании результатов отдельных материальных процессов. Явно недостаточный уровень страхования хозяйственных мероприятий в нашей стране (можно даже сказать - отсутствие такого страхования как одного из видов хозяйственной деятельности самих предприятий) - это тоже один из показателей переходного характера нашего технологического уровня.

Устойчивость функционирования работников проявляется в целом ряде конкретных показателей (текучесть кадров, уровень трудовой и производственной дисциплины, инициативы), входящих в понятие трудовой этики. Причем как раз переход от ручного труда к машинному привел к возникновению этой проблемы как относительно самостоятельной, что связано не в последнюю очередь с реальным подчинением главной производительной силы определяющей.

Опыт практически всех развитых стран показывает, что стимулирование трудовой (деловой) активности людей через ее результаты само по себе не дает им удовлетворения

жизнью, что, естественно, снижает эффективность и самого стимулирования. Поэтому по мере упрочения второго технологического уклада и начала перехода к третьему начинают все шире применяться различные способы включения работников в процесс овнешнения их способностей, т.е. в тот процесс, который соответствует природе человека. Таким образом, проблема устойчивости функционирования работников (во всяком случае, в том виде, который она приобретает с переходом от ручного труда к машинному производству) решается по мере перехода к третьему этапу технологического развития.

Что же касается частных показателей процессов производства, то они буквально на наших глазах из наборов технико-экономических норм и нормативов превращаются в математические модели процессов, широко используемые для самых разнообразных целей. Хотя математическое моделирование процессов появилось практически вместе с машинным производством, широкое прикладное значение такие модели приобрели только с появлением автоматизированных средств обработки информации.

Оо сих пор здесь речь шла о характеристиках материальных процессов, обусловленных производительными силами (это относится к устойчивости, производительности и целосообразности их). Теперь пора включить в рассмотрение и потребительные силы. Их соотношение с производительными силами надо рассматривать трояко: в рамках одного материального процесса, представляющего собой функциональную потребность цикла воспроизводства; между смежными функциональными потребностями; наконец, в рамках цикла в целом.

Можно заметить, что такое членение совпадает с трояким проявлением идентичности производства и потребления, рассмотренным в известном "Введении" К. Маркса: 1) непосредственная идентичность (производство есть потребление, потребление есть производство); 2) каждое из них выступает как средство для другого, одно опосредуется другим, что находит свое выражение в их взаимной зависимости друг от друга; 3) каждое из них есть не только непосредственно другое и не только опосредствует другое, но каждое из них, совершаясь, создает другое, создает себя как другое¹³. Такое совпадение вполне естественно, ведь в обоих случаях речь идет о материальных процессах, в ходе которых появляются одни предметы и исчезают другие, т.е. рассматривается частный случай материальных процессов вообще. Причем процессы эти рассматриваются не сами по себе, а как части целого - циклического процесса воспроизводства материальной жизни общества. Интереснее другое - из приведенных выражений К. Маркса видна его четкая терминологическая ориентация на трехчленное деление "Науки логики" Гегеля (учения о бытии, сущности и понятии). Это важно иметь в виду, поскольку на каждом уровне используется свой категориальный аппарат, который желательно не смешивать.

Итак, в рамках отдельных материальных процессов производительные и потребительные силы - это характеристики одних и тех же изменений предметов, но в одном случае за точку отсчета берется появление производимых предметов по отношению к какому-либо исчезающему (производительность, фондоотдача и т. п.), а в другом случае - наоборот, за точку отсчета берется исчезновение потребляемых предметов по отношению к производимому (трудоемкость, фондоемкость, материалоемкость, энергоемкость и т. п.). Поэтому рост показателей производительной силы какого-либо процесса означает одновременно такое же снижение потребительной силы того же процесса, что при неизменной интенсивности процесса в целом означает сокращение предметных потребностей. На эту сторону дела почему-то обращается мало внимания. Обычно говорится, что развитие производительных сил ведет к росту потребления, возвышению потребностей (людей), превышающему даже возможность производства по их удовлетворению, что, в свою очередь, стимулирует дальнейшее развитие производительных сил. Во второй и третьей главах уже отмечалось, что такой подход, по су-

¹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.12. С.719; Т.46. Ч.I. С.29.

ти, непродуктивен, когда речь идет о поиске стимулов развития производительных сил общества в целом. Здесь же хочется отметить некорректность такого взгляда в рамках их обычного функционирования. Например, резкое снижение энергоемкости воспроизводства в Японии, США и Западной Европе привело к столь же резкому снижению потребности в нефти (в т. ч. и в секторе "домашних хозяйств"), сокращению объемов ее добычи, падению цен, которое обернулось снижением и наших доходов от экспорта. Повседневным примером той же связи являются сокращение потребности в рабочей силе в конкретных производствах, предприятиях или отраслях по мере роста производительности живого труда. Переход к социально ориентированной рыночной экономике все больше заставит считаться с подобными проявлениями связи производительной и потребительной сил, заранее учитывать их последствия на уровне отдельных предприятий и на уровне общества в целом, в первую очередь по отношению к такому элементу производства, как сам человек.

Тонкость тут состоит в том, что когда человека ставят в знаменатель одного из частных показателей процесса производства (например, в показателе производительности живого труда), тогда его рассматривают лишь как один из взаимозаменяемых элементов этого процесса. Сокращение потребности в живом труде, как и в любом другом элементе производственного процесса, - естественное проявление рационального начала в хозяйствовании, не говоря уже о том, что именно этот момент представляет собой непосредственное проявление движения к полному освобождению человека от функции "дрессированной силы природы", отвечает его коренному интересу как субъекта производства. Однако на уровне конкретных материальных процессов изменение производительной силы человека как элемента этого процесса по-разному затрагивает интересы его самого и других людей как субъектов производственных отношений. Рассмотрение этой стороны выходит за рамки данной главы, поэтому ограничимся лишь одним замечанием.

Известно, что принцип равной оплаты за равный труд имеет две взаимоисключающие трактовки: во-первых, по равной интенсивности ("затратам"), во-вторых, по равным результатам. Только при отсутствии изменений в производительности живого труда можно говорить о совпадении динамики интенсивности и динамики результатов, и то при "прочих равных". При изменении же производительности эти динамики расходятся, а поскольку невозможно равномерное изменение производительности труда на всех конкретных участках, постольку неизбежно и расхождение требований к уровню оплаты, предъявляемых каждым из указанных двух вариантов.

Можно сказать и так: повышение производительной силы труда может вести как к увеличению результатов труда, так и к снижению его интенсивности или к комбинации обоих эффектов. Понимание этого следствия совпадения производительной и потребительной сил в сфере отношений распределения может помочь освобождению от некоторых довольно массовых иллюзий о социальной справедливости и ее воплощении в практике нашего хозяйствования.

По сути дела, в рамках действовавших в течение длительного времени административно-командных методов управления делалась попытка провести в жизнь одностороннее понимание социальной справедливости (за равный по затратам труд - равную оплату), на поверку оказавшееся иллюзорным, выродившимся в уравниловку.

И тем не менее тенденция к выравниванию доходов по затратам, а не по результатам - это нечто большее, чем предрассудок уравнительной психологии, затратного механизма. Она проявляется не только в негативном отношении к доходам, явно не соответствующим затратам, да и предметным результатам. Фактически колебания отраслевых норм прибыли вокруг среднего уровня, которые наблюдаются и в современной капиталистической экономике, - это как раз проявление той же тенденции выравнивания доходов "по затратам". Получается так, что указанные два принципа распределения ("по затратам", "по результатам"), вроде бы взаимоисключающие друг друга, продолжают действовать одновременно, но на разных уровнях

предметности: "по затратам" - на более высоком (цикл воспроизводства жизни носителя), "по результатам" - на более низком уровне (производство и продажа конкретных предметов).

Заканчивая рассмотрение связи производительной и потребительной сил в рамках одного процесса (т.е. в рамках их идентичности, тождества), следует еще раз отметить весьма условный характер самих этих характеристик, ориентированных лишь на: а) экзистентные изменения предметов и б) попарное соотнесение изменений. Поэтому применение их имеет достаточно узкие исторические границы. Автоматизация производства представляет собой абсолютную верхнюю границу применения подобных условных показателей. Сейчас во многих конкретных случаях эта граница оказывается достигнутой, например, в химическом производстве, в переработке полиметаллических руд, т.е. везде, где результаты имеют не скалярную, а векторную форму. Здесь "вменение затрат" какому-либо одному "результату" оказывается делом совершенно невозможным, калькуляция себестоимости как базы цены превращается в фикцию.

Перейдем теперь к связи производительных и потребительных сил смежных процессов в рамках цикла. Как уже отмечалось, эта связь опосредована предметным результатом, производимым в одном процессе и потребляемым в другом. А в первой главе упоминалось, что именно в такой связи потребительной и производительной сил Ф. Энгельс видел "истину конкуренции", которая сохранится даже в строе, достойном человека.

Пока, по-видимому, вряд ли можно сказать, как именно будет выглядеть "истина конкуренции" в этом светлом будущем. Сейчас же, в одном из обществ, не вполне достойных человека (при рыночной форме конкуренции) отношение потребительной и производительной сил принимает вид соотношения спроса и предложения на соответствующий предмет. Выражения "рынок продавца", "рынок покупателя" описывают как раз такие ситуации, когда силы неравны. В первом случае производительная сила (предложение) меньше потребительной силы (спроса), во втором - наоборот. А при централизованном распределении заданий по производству и ресурсов для их выполнения "истина конкуренции" принимает вид соотношения ресурсной и распределительной частей материальных балансов. В силу особенностей административных методов управления это соотношение, как правило, напоминает "рынок продавца" со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями (низкое качество, высокие цены, тенденция к техническому застою).

Поскольку связь производительной и потребительной сил разных процессов имеет асимметричный характер (как и всякая причинно-следственная связь), постольку неизбежна естественная зависимость реализации потребительной силы от предшествующей реализации производительной силы. Таким образом, господство производителя над потребителем имеет реальное онтологическое основание. По сути дела, именно о таком господстве писал К. Маркс во "Введении": "Здесь важно подчеркнуть только то, что, будем ли мы рассматривать производство и потребление как деятельность одного субъекта или как деятельность многих индивидов, они во всяком случае выступают как моменты такого процесса, в котором производство есть действительно исходный пункт, а поэтому также и господствующий момент"¹⁴. При административно-командных методах управления, как показала практика, это господство ничем не уравнивается на стороне потребления, что делает ситуацию практически безвыходной, тупиковой с точки зрения дальнейшего развития производительных сил. При экономических же методах применение чего-то вроде антитрестовского законодательства становится объективной необходимостью, потребностью цикла овнешнения главной производительной силы в определяющей.

С соотношением производительной и потребительной сил разных процессов связана и проблема пропорциональности процесса воспроизводства. Идеал такой пропорциональности, выросший из монопродуктовых представлений об отдельных процессах, состоит в том,

¹⁴ Там же. Т.46. Ч.I. С.30.

чтобы все наличные ресурсы были использованы на производство продукции, а сама продукция полностью использована в других процессах. Отступления от идеала часто видятся только в элементах случайности, непредсказуемости каких-то изменений (как правило, внешнего характера), что должно компенсироваться созданием резервов. Между тем векторный характер практически любого реального процесса (хотя бы за счет отходов производства) делает невозможной такую пропорциональность, сбалансированность. Поэтому более реалистичским представляется понимание пропорциональности воспроизводства как согласованности входящих в него процессов с точностью лишь до неравенств, а не до равенств. Тогда вполне нормальным оказывается недоиспользование каких-то ресурсов и неполное использование части произведенного, если она поддается хранению вплоть до появления необходимости ее применения. В любом случае должны учитываться и естественные воспроизводственные процессы, в которые неизбежно вовлекается часть результатов общественного производства, производительные и потребительные силы естественных, неуправляемых процессов.

При господстве "идеала пропорциональности", описанного в начале предыдущего абзаца, всякий избыток одних ресурсов воспринимается как недостаток, дефицит других ресурсов, необходимых для того, чтобы этот избыток пустить в дело. По сути, такая установка ведет к "дурной бесконечности" дефицита. Можно заметить, что при таком подходе проблема экономичности, рациональности хозяйства рассматривается с точки зрения вещей, их производства и использования (т.е. их жизни). Жизнь же людей при этом остается как бы за кадром. Точнее, из нее учитывается только время, в течение которого человек функционирует как элемент производства вещей.

При более широком же подходе некоторый избыток вещей воспринимается как вполне нормальное явление, более того, как необходимое условие распределения "по потребностям". Нетрудно заметить, что уже в рамках рыночной экономики ситуация "рынок покупателя" представляет собой некоторое приближение именно к такому типу распределения, разумеется, в рамках общего ограничения потребностей величиной дохода. В связи с этим есть смысл еще раз вернуться к проблеме соотношения производительной и потребительной сил как стимула развития производительных сил общества.

Во второй главе отмечалось, что естественным источником такого развития является сама природа человека как существа творческого, стремящегося к абсолютному движению становления. Но такой источник сам еще находится в процессе становления (не абсолютно, а первоначального, предысторического). На этом этапе действуют и другие стимулы, как раз из "царства необходимости", т.е. связанные с соотношением производительных и потребительных сил. Именно к этому этапу и относится известная позиция, что двигателем прогресса является перманентное отставание уровня развития производительных сил от потребностей, от потребительных сил.

Такая роль отставания производительных сил от потребительных действительно наблюдается. Например, в тропических странах, с одной стороны, довольно велики естественные производительные силы и с другой, - сравнительно невелики потребительные силы. Не в последнюю очередь именно с этим связывается относительно медленное развитие производительных сил в этой зоне. Противоположно соотношение естественных производительных и потребительных сил в странах умеренного климата. Необходимость больших затрат труда для обеспечения выживания вполне резонно рассматривается как существенный стимул повышения его производительности. Границей такого повышения в обществах традиционного типа, (т.е. при доминировании натурального хозяйства) являются как раз потребности. После приведения производительных сил в соответствие с потребительными их дальнейшее развитие резко тормозится, стимулируясь главным образом конфликтами с соседями.

Таким образом, если на основе ручных орудий труда отставание производительных

сил и является источником развития, то не постоянно. Потребности здесь воспроизводятся, но не возвышаются сколько-нибудь быстро. Несколько иначе обстоит дело в рамках производства на основе машин. Выше уже отмечалось, что при постоянной эксплуатации недр Земли потребности в ресурсах растут как бы автоматически, но такие потребности, во-первых, ничего общего не имеют с потребностями самих людей в непосредственных средствах жизни и, во-вторых, тоже не постоянны по большому счету из-за исчерпаемости невоспроизводимых ресурсов. Гораздо более существенным источником развития производительных сил на этом этапе становится неудовлетворенность первой жизненной потребности человека - в проявлении его человеческой производительной силы, ведущая, в частности, к деформации всей системы потребностей, ненасыщаемой гипертрофии "потребительских" потребностей. Это явление уже сравнительно давно изучается философами и социологами, но явно недоучитывается в экономических исследованиях по теории воспроизводства, когда вынужденная преувеличенность части потребительных сил рассматривается не как историческая особенность определенного этапа развития общества, а как его всеобщая характеристика.

Связь производительной и потребительной сил на уровне цикла функциональных потребностей в целом выражается прежде всего в уровне обеспеченности существования самого цикла как предмета. Отправной пункт тут - понятие минимального уровня интенсивности процессов, входящих в функциональные потребности цикла. Одно из его проявлений - понятие прожиточного минимума как одного из ключевых в экономической теории. (Недостаточное внимание к нему при административных методах хозяйствования во многом было связано с малой общей подвижностью доходов и очень малой вероятностью их понижения.) Уровень обеспеченности существования, определяемый как отношение фактической интенсивности к минимально допустимой, имеет, вообще говоря, только нижнюю границу. Он может расти как за счет повышения интенсивности, так и за счет снижения минимального уровня. Как раз последнее и происходит при росте производительных сил и, следовательно, сокращении потребительных сил функциональных потребностей. (В политической экономии проявление этой обратной зависимости отражается в снижении стоимости рабочей силы при повышении ее производительности.) При нормальном воспроизводстве, т.е. когда оно находится под контролем со стороны самого человека, общества, рост производительных сил вполне может вести к снижению вмешательства в жизнь природы, снижению экологической нагрузки существования общества. Однако при деформированных потребительных силах этот же процесс может вести к росту экологической нагрузки и к ускоренному исчерпанию невоспроизводимых ресурсов (при имеющихся технологиях и интенсивностях их добычи и использования).

С учетом сказанного представляется целесообразным несколько уточнить представление о законе возвышения потребностей. В экономической литературе он обычно относится к числу всеобщих законов, действующих во всех формациях. Может быть, стоило бы в его рамках выделить как бы две компоненты: а) преобладающий тип воспроизводства потребительных сил, потребностей и б) закономерности смены типов воспроизводства потребительных сил. Тогда можно было бы назвать три типа: 1) простое воспроизводство потребительных сил, 2) односторонний, деформированный их рост и, наконец, 3) действительное возвышение потребительных сил в процессе их воспроизводства. Эти типы хорошо ложатся в соответствующие "столбцы" начатой в этой главе таблицы.

На этом мы заканчиваем рассмотрение взаимосвязей производительных и потребительных сил по уровням идентичности. В отличие от предыдущих "полочек" здесь не удалось сколько-нибудь последовательно привязать эти уровни к "столбцам" (скажем, уровень непосредственной идентичности, тождества (синхронности) - к первому "столбцу", к преобладанию индивидуальных производительных сил и ручных орудий труда, уровень взаимосвязей во времени - ко второму "столбцу", к преобладанию общественных производительных

сил и системы машин, уровень единства в рамках цикла воспроизводства - к третьему "столбцу", к преобладанию всеобщих производительных сил и автоматизированных технологий). Представляется однако, что нечто подобное можно сделать по отношению к человеческим силам, проявляемым в процессе материальной жизни в целом.

Как известно, на этапе ручных технологий фактически отсутствует сколько-нибудь устойчивое, регулярное деление всей человеческой жизни на время применения человеком своих производительных сил, с одной стороны, и потребительных сил - с другой. Практически вся жизнь занята деятельностью, необходимой для поддержания самой жизни (включая и традиционные религиозные действия, поскольку и они видятся их участникам необходимыми для их жизни).

На следующем этапе - машинного производства - появляется весьма четкая граница между указанными сторонами человеческой жизни. Известная дилемма смысла жизни (работать, чтобы жить, или жить, чтобы работать) отражает как раз разделение времени жизни на две противоположные части, одна из которых пока целиком принадлежит "царству необходимости", тогда как в рамках другой возникает действительно свободное время как время, которое может быть самостоятельно использовано человеком для применения и развития своих человеческих сил.

Наконец, автоматизированное производство не только вновь стирает четкие границы действия производительных и потребительных сил во времени (особенно наглядно это проявляется в надомной работе на персональном компьютере, подключенном к вычислительной сети глобального масштаба). Как известно, творческий процесс - это практически непрерывное, не вполне осознаваемое состояние, которое лишь отчасти, временами сказывается в сознательном движении мысли и рук, поэтому существование человека как производительной силы становится процессом непрерывным. В то же время человеческая потребительная сила (как нечто специфическое) направлена на освоение культуры, созданной и создаваемой в том числе и с участием "потребителя", а потому она составляет второй, столь же непрерывный момент действия человеческих сил в процессе их развития.

Мысль о специфических человеческих потребительных силах подводит к рассмотрению характеристик потребительных сил безотносительно к их связи с производительными силами. Такое их рассмотрение представляется возможным не на уровне отдельных материальных процессов, входящих в состав цикла функциональных потребностей, а на уровне цикла в целом.

Поскольку в рамках социальной предметности выделяются уровни ее единичных, особенных и всеобщих форм, постольку и потребительные силы имеет смысл рассматривать для каждого такого уровня в отдельности. На единичном уровне - уровне отдельно взятого человека - материальные потребительные силы существования предстают прежде всего как потребности в предметах первой необходимости для поддержания жизни людей, начиная с продуктов питания. Именно вокруг этих потребностей и главной производительной силы вращается хозяйственная жизнь на первом технологическом этапе. На уровне особенных предметных форм - от коллективов до общества в целом - ведущая роль в обеспечении их существования переходит уже к воспроизводству определяющих производительных сил - орудий труда. Соответственно именно потребности (расширенного) воспроизводства сырья, источников энергии и самих машин превращаются в действительный центр хозяйственной жизни на втором технологическом этапе. Наконец, сохранение существования всеобщей формы предметности - человеческого рода в целом - связано с удовлетворением потребностей развития культуры и поддержанием общих условий существования. Этим потребительным силам в качестве средств их реализации, обеспечения в наибольшей степени соответствует третий технологический этап.

Для перехода к следующей главе осталось упомянуть отдельные отрасли производства, играющие ведущую роль на соответствующих этапах развития общества. Как известно, К. Маркс считал

такое выделение необходимым для понимания особенностей различных способов производства жизни общества: "Каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому точно так же определяют место и влияние всех остальных отношений"¹⁵. Поэтому, в частности, и капитал он определял прежде всего как промышленный капитал (имеющий три формы - денежную, товарную и производительную), и даже земледелие рассматривал как отрасль, которая все более становится одной из отраслей промышленности. Нетрудно заметить, что рассмотренным здесь трем уровням предметности главной производительной силы и вытекающим из них трем этапам развития определяющей производительной силы вполне корреспондируют сельское хозяйство, промышленность и информатика, а в качестве ведущих подотраслей соответственно земледелие, машиностроение и программное обеспечение. Первые две из них достаточно хорошо известны, хотя направления их воздействия на формы хозяйственной жизни в нашем обществе представляются недостаточно последовательно отслеженными (об этом речь пойдет в следующей главе). Что касается третьей - информатики, то в классификаторе отраслей народного хозяйства СССР такая отрасль не существовала. Это, естественно, свидетельствует в первую очередь о начальном этапе становления такой отрасли в России, но не в мире в целом. Известно, что в передовых в технологическом отношении странах это самостоятельная и одна из наиболее бурно развивающихся отраслей, имеющая уже достаточно большие объемы продукции.

Основное содержание данной главы отражено в схеме-таблице (см. Приложение 4).

* * *

В целом, проведенное в третьей главе исследование, на наш взгляд, приводит к следующим выводам.

1. Человека в экономике как производительную силу целесообразно рассматривать в единстве всех уровней проявления - индивидуальном, общественном и родовом и с четким разделением двух сторон - естественной и общественной. В рамках первой из сторон человек выступает как один из факторов непосредственного (материального) процесса производства благ наряду с другими факторами и в этом смысле как естественный производитель. В рамках второй - человек (индивид или группа) выступает как инициатор, причина таких процессов, как их общественный производитель. Исторической закономерностью является сокращение первой стороны и увеличение второй.

2. Человек может быть определен как главная производительная сила постольку, поскольку именно его разнообразные свойства постепенно переходят на внешние предметы - орудия труда, причем исторической закономерностью является смена ведущего типа перехода свойств. На раннем, доиндустриальном этапе происходил переход отдельных свойств индивидов на ручные орудия труда. На следующем этапе происходил переход свойств "живой машины", совокупного работника на механические орудия труда, развившиеся в систему машин, основу индустриального общества. Далее начинается переход разнообразных технологических знаний, включая технические приемы мышления, накопленные многими поколениями людей, к разнообразным внешним устройствам, в т. ч. невещественным.

3. Орудия труда могут быть определены как определяющая производительная сила, поскольку, во-первых, от них зависит непосредственное присвоение предметов природы, необходимых для жизни людей и, во-вторых, они оказывают сильное обратное воздействие на человека - его мировоззрение и технику мышления.

Теперь, когда исследованы общие контуры взаимодействия личного и вещественного факторов непосредственного производства благ и трансформации роли человека в этом производстве, можно перейти к анализу воспроизводственных процессов, более детальной проработке роли человека как инициатора производства, лица, принимающего хозяйственные решения, и на этой основе - к рассмотрению производственных отношений как отношений между субъектами хозяйствования и субъектами присвоения. Все это и станет предметом исследования в четвертой главе.

¹⁵ Там же. С.43.

Глава 4. "СКВОЗНАЯ" СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Вводные замечания

В предыдущей главе начато рассмотрение сферы изменений объектов производства жизни общества. Ее особенностью является то, что и сам человек рассматривается как "внешний", природный предмет, который существует и изменяется, в том числе и развивается, однако при этом не учитываются его особенности как субъекта общения, отношений с другими людьми. Теперь в центр внимания попадают способы соединения производительных и потребительных сил различных носителей воспроизводства жизни, особенности хозяйственных решений и виды монополий присвоения и хозяйствования. Последняя из перечисленных тем уже вплотную подводит к анализу отношений субъектов воспроизводства.

1. Обобщенное представление натурального, товарного и непосредственно общественного производства

Когда речь заходит о типах хозяйствования, то, прежде всего, имеются в виду натуральное и товарное (рыночное) производство как две крупные исторически известные формы производства, из которых вторая закономерно сменяет первую в ходе развития производительных сил. Что касается дальнейшей эволюции хозяйствования, то тут мнения расходятся. До последнего времени в нашей учебной литературе можно было прочесть, что на смену товарному производству приходит планомерное, руководимое и направляемое из единого общественно-экономического центра через систему адресных заданий и лимитов. Согласно другой точке зрения, товарное производство сменяется непосредственно общественным (здесь уже отсутствует четко прописанная роль центра). Сейчас первую точку зрения становится защищать все труднее - очень уж переплетаются в реальной хозяйственной жизни и планомерность, и товарность (и на страновом уровне, и в мировом масштабе). Что же касается второй точки зрения, то в ее последовательном проведении тоже имеются свои трудности.

Обычное членение типов хозяйства на натуральное и товарное проводится, прежде всего, по тому, потребляет ли предметы сам их производитель или кто-то иной, т.е. через способ движения продукта. Именно таким образом, например, определяется уровень товарности в сельскохозяйственных предприятиях. Но по такому критерию товарное производство практически невозможно отличить от непосредственно общественного, в котором, как правило, производителями и потребителями одних и тех же предметов являются разные субъекты. Для исключения этого случая вводится дополнительный критерий - обособленность субъектов (а вместе с ней - необходимость вступать в возмездные отношения с другими субъектами по поводу использования благ), которая фактически означает самостоятельность производителя. Действительно, по этому критерию и натуральное и товарное производство попадают в один разряд - каждый действует только на свой страх и риск, а непосредственно общественное производство - в другой.

Но ситуация, когда непосредственно общество решает, кому что производить и кому что потреблять, а именно таково очень распространенное представление о непосредственно общественном производстве, это знакомая картина господства административно-командных методов хозяйствования, когда некий центр берет на себя смелость выступать от имени общества в целом. Однако даже если он это делает более или менее удовлетворительно с точки зрения самих членов общества (или их большинства), то он все равно является посредником, точно так же, как посредником является и рынок. И можно еще поспорить, какая из этих форм общения может лучше выполнять посреднические функции хозяйствования в тех или иных конкретных условиях.

Представляется, что тупиковость указанной ситуации связана с общей установкой на жизнь вещей, материальных благ как на основной предмет экономических исследований. Оба указанных критерия - и о том, кто потребляет производимые вещи, и о том, кто принимает решения о производстве вещей, - полностью лежат в рамках именно этой установки. О ее неадекватности говорилось в первой главе, поэтому здесь мы попробуем сразу предложить

другие критерии, исходящие из жизни людей. Один из них связан с направлением производительной силы человека - на свою собственную жизнь или на жизнь других людей, а другой - со степенью опосредованности воздействия этой силы. Если теперь попробовать разместить разные типы хозяйствования по этим критериям, то получим следующую таблицу.

Таблица 4.1.
Производительные силы носителей жизни (субъектов, лиц)

Направленность действия силы Характер связи с потребительной силой	Своя жизнь	Чужая жизнь
Непосредственная связь	Натуральное хозяйство	"Производство второго вида"
Опосредованная связь	Рыночная экономика ("товарное хозяйство")	Непосредственно общественное производство

Вряд ли могут возникнуть вопросы по первому столбцу. Действительно, натуральное хозяйство как раз тем и отличается, что оно ведется с опорой на свои собственные силы, в изоляции от жизни других хозяйствующих единиц, а связи производства и потребления (как прямые, так и обратные) замыкаются непосредственно в самой воспроизводящейся единице. Товарному же производству свойственна тоже направленность на поддержание собственного существования, но уже опосредованного общением с другими хозяйствующими единицами. Можно сказать, что оба эти типа объединяет одинаковость цели (эгоистической), а различают средства ее достижения (прямые и косвенные связи производства и потребления).

Несколько непривычно, может быть, выглядит в этой таблице производство второго вида (рода), т.е. производство самого человека, продолжение рода, которое Ф.Энгельс назвал второй стороной воспроизводства непосредственной жизни.

Традиция абстрагироваться от производства второго вида связана с товарным характером производства первого вида. То, что эта ложная, в общем-то, традиция перекочевала и в исследования "социалистического воспроизводства", имеет, конечно, исторические объяснения, но оправдать ее вряд ли можно. Отметим только, что ни К.Маркс, ни В.И.Ленин от производства людей не абстрагировались никогда. Достаточно напомнить, что во "Введении" при анализе идентичности производства и потребления К.Маркс начинает рассматривать этот вид производства даже во-первых, а не во-вторых: "Производство есть непосредственно также и потребление. Двойное потребление - субъективное и объективное. [Во-первых:] индивид, развивающий свои способности в процессе производства, в то же время расходует, потребляет их в акте производства, точно так же как естественный акт создания потомства представляет собой потребление жизненных сил. Во-вторых: производство есть потребление средств производства"¹. Эту традицию продолжает и В.И.Ленин: "Из того, что вы живете и хозяйничаете, рождаете детей и производите продукты, обмениваете их" складывается объективная логика хозяйственной эволюции"².

Конечно, в данной работе второй вид производства не будет рассматриваться также подробно, как первый, но без его учета практически невозможно подойти и к правильному пониманию непосредственно общественного производства. (Следует отметить, что выражения "производство человека", "производство людей" в немецком оригинале не имеют того оттенка бездушности, который термин "производство" приобрело в нашей стране в XX в. Пожалуй, словосочетание "произведение искусства" - единственное, в котором производное

¹ Там же. Т.46. Ч.I. С.26.

² См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.18. С.345 .

от этого термина слово не режет слух, а напоминает его исходное значение, связанное с творчеством, деятельностью второго типа или хотя бы субъектом как источником изменений. Особенно плохо на русском языке выражение "производство людей" воспринимается рядом с выражением "производство вещей". Так и хочется рядом с "людьми" поставить что-то иное. Может быть, слова "приобщение (к культуре)", "сотворчество" лучше бы отражали те изменения, которые происходят с индивидом в процессе его жизни и деятельности (поэтому на схеме 2.1 и написано: "Производство (=общение) людей"). Но, во-первых, общепринятой замены пока нет, а, во-вторых, замена скомпрометированных слов - далеко не лучший выход и даже вообще не выход. Новые слова, новые названия попадают в тот же процесс порчи, извращения слов, который, похоже, продолжается. Более перспективным представляется не замена слов, а их лечение, если так можно выразиться. С этими оговорками и надеждами и используются в данной работе выражения "производство человека", "производство людей", "производство второго вида".)

Что же касается последнего, то при взгляде на таблицу 4.1 может возникнуть вопрос: разве может быть непосредственно общественным производство, где "по определению" связь производительных и потребительных сил чем-то опосредована, причем связь сил разных носителей? Вот тут и понадобится учет производства второго рода. Дело в том, что при натуральном хозяйстве воспроизводится жизнь обособленной единицы человеческого рода в целом - кровного рода, общины, семьи, т.е. материального предмета, существование которого в принципе не ограничено сроком жизни одного человека. Здесь учет производства второго вида диктуется самой жизнью (в рамках семьи - интересами обеспечения жизни работников после потери ими трудоспособности, а в рамках кровнородственной общины даже само производство первого вида выступает как подчиненный момент). Жизнь человеческого рода как такового при этом осуществляется как бы "в-себе", за счет продолжения существования его обособленных единиц. Отношения этих единиц с человеческим родом остаются в рамках отношения единичного и всеобщего уровней, характерного для биологической предметности.

При товарном производстве воспроизводство людей (смена поколений) превращается в нечто непосредственно не обязательное или даже мешающее жизни отдельных индивидов. Элементарной хозяйствующей единицей здесь уже становится индивид, свободно вступающий в хозяйственные связи с другими индивидами или более крупными хозяйствующими единицами, исходя из своих собственных интересов, которые, вообще говоря, ограничены во времени продолжительностью его жизни. При этом жизнь общества в целом представляет для каждого в отдельности лишь инструментальную ценность как средство, условие обеспечения собственной жизни.

Нетрудно заметить, что основные принципы товарного производства и производства второго вида диаметрально противоположны. В первом случае предполагается хотя бы формальное равенство, симметричность отношения сторон (при обмене товаров), в другом такое равенство заведомо невыполнимо, стороны (родители - дети) тут всегда асимметричны. В одном случае возможны хотя бы поиски эквивалентности, стремление к ее обеспечению во взаимодействии сторон, в другом такая эквивалентность исключена. В одном случае взаимодействия сторон ограничиваются, вообще говоря, единовременными связями, в другом - продолжаются не один год, а при нормальном процессе - и всю жизнь, и даже дольше. Эти различные виды отношений между людьми хорошо видны при сопоставлении известных принципов: "После нас - хоть потоп!" и "Помирать собрался, а рожь сей!" Один тип связей К.Маркс неоднократно называл отношениями всеобщей проституции, основой других является любовь. (Даже в отношении к наследству можно обнаружить существенную разницу. В одном случае право наследования, как правило, ограничивается, причем иногда настолько сильно, что большая часть имущества может не попадать в руки прямых наследников, в другом - весь смысл жизни часто видится в подготовке наследства и наследников.) При таком различии не удивительно, что совместное существование параллельных, но взаимосвязанных

воспроизводств первого (потенциально или реально товарного) и второго (принципиально нетоварного) видов полно противоречий. Учитывая фундаментальность производства второго рода для материальной жизни общества и исторически ограниченный характер товарного производства, можно сделать вывод, что сколько-нибудь длительное его существование возможно только в несколько усеченном, деформированном виде хотя бы ради сохранения воспроизводства самих участников этого типа хозяйствования (в сфере производства материальных благ).

Совсем иначе дело обстоит с непосредственно общественным производством, суть которого (в отличие от товарного с его утилитарным подходом к жизни общества) как раз в том и состоит, что "другой жизнью" для носителей производительных сил является жизнь общества, человеческого рода в целом. Хозяйственные решения носителей таких сил, принимаемые ими совершенно самостоятельно, а не диктуемые из "центра", непосредственно направлены на обеспечение жизни общества, а не своей собственной жизни. Именно такое взаимное опосредование жизней, их полифония и представляют собой нормальный человеческий способ производства и общения. В рамках такого хозяйствования забота о будущих поколениях уже не ограничивается непосредственными потомками родителей, а распространяется на будущие поколения людей в целом. Естественным объектом наследования при этом становятся сама Земля и богатство культуры, созданной предшествующими поколениями.

Посмотрим теперь, можно ли классификационную "полочку", на которой лежат перечисленные типы связей производительных и потребительных сил (натуральное хозяйство, товарное хозяйство и непосредственно общественное производство) "подвесить" под "полочки", описанные в предыдущей главе? Вполне можно.

Продукция ведущей отрасли при преобладании ручных орудий труда - сельского хозяйства, как правило, малотранспортабельна, да и плохо хранима. Средства перемещения и общения тут тоже развиты крайне слабо. Сами орудия труда в основном воспроизводятся непосредственно их пользователями, изготавливающими инструменты "по руке", а предметы присвоения, как правило, в достаточном объеме можно найти в рамках небольшой территории. Совокупность этих обстоятельств как нельзя лучше соответствует натуральному типу соединения производительной и потребительной сил, высокой степени замкнутости воспроизводства хозяйствующих единиц (общин). Единственный фундаментальный фактор, препятствующий полному замыканию, - это как раз производство второго вида. Именно оно заставляло всегда расширять связи хотя бы до племени - совокупности родовых общин. (Таким образом, не только товарное, но и натуральное хозяйство в чистом виде оказывается невозможным, нереализуемым. Оба они представляют собой лишь абстрактные, идеальные модели. Выводы из теоретических исследований этих типов хозяйствования неприменимы непосредственно к жизни, которая всегда основана на производстве второго вида. Только в рамках непосредственно общественного производства теоретические выкладки оказываются в принципе совместимыми, согласуемыми с самой жизнью.)

В отличие от традиционного сельского хозяйства продукция промышленности, как правило, высокотранспортабельна (а также сама нередко является средством передвижения), хорошо хранима. Средства перемещения и общения, да и вся производственная инфраструктура в целом развиты довольно хорошо. Производство машин и их использование осуществляется чаще всего разными хозяйствующими единицами, а необходимые для производства машин ресурсы редко бывают расположены в непосредственной близости друг к другу. Эта совокупность обстоятельств, естественно, в гораздо большей мере соответствует товарному типу соединения производительных и потребительных сил, чем натуральному или непосредственно общественному. Все бы ничего, но реальная подчиненность человека орудиям труда в процессе непосредственного производства и связанная с этим деформация его производительных и потребительных сил представляют собой весьма серьезное препятствие для непо-

средственно общественного хозяйствования.

Такое препятствие радикально снимается только в рамках третьего технологического этапа, когда человек перестает быть непосредственным элементом процессов производства средств обеспечения своего существования. В дополнение к достаточно высокому уровню производства средств жизни, который в целом достигается еще на этапе машинного производства, новые средства общения создают принципиальную возможность добиваться весьма высокого уровня согласованности хозяйственных решений до начала их реализации, а также все более полно предвидеть их последствия, в том числе и для жизни будущих поколений.

В то же время отсутствие формальных логических связей в рамках "столбцов" и здесь создает довольно большие возможности для "сдвигов" типов связей производительных и потребительных сил относительно ведущих типов самих этих сил и взаимной "диффузии" связей разных типов в реальных процессах воспроизводства.

Что касается "сдвигов", то достаточно упомянуть, что товарный тип связей появился задолго до производства машин - как только появилась возможность производить прибавочный продукт. Более того, капитализм как способ производства жизни общества, опирающийся на товарный тип связи производительной и потребительной сил, первоначально возник на основе ручных технологий.

Что же касается "диффузии" различных типов связей, то наиболее широко пока (по вполне понятным причинам) наблюдается взаимопроникновение натурального и товарного типов связей. О том, что степень товарности производства какой-либо продукции может изменяться от 0 до 100 %, уже упоминалось. Но наряду с таким "одноуровневым" совмещением натурального и товарного типов возможны и различные "разноуровневые" сочетания. Например, можно говорить о степени натуральности производства отдельного хозяйства, региона, страны, группы стран при товарности связей между отдельными функционирующими единицами внутри целого.

В современной экономической жизни можно найти много примеров этого - от развитых форм внутрихозяйственного расчета (первичных подрядных кооперативов в рамках крупных хозяйств) до экономических сообществ, охватывающих значительные части континентов. Примером сознательного повышения натуральности хозяйствования на уровне страны является политика протекционизма. Такая политика, как известно, длительное время проводилась и в нашей стране, хотя и без четкой направленности на повышение уровня товарности внутренних связей. Возможно, это отчасти объясняется и тем, что довольно долго мы слишком сближали в теории натуральный тип хозяйствования с непосредственно общественным. Такое сближение на практике и вело к отступлению от товарного типа связей назад, а не к реальному продвижению вперед. (Разумеется, помимо теоретических недоработок этому способствовали и преобладание ручного труда в материальной жизни общества, и естественная тенденция к временной самоизоляции, свойственная всему живому в периоды экзистентных изменений.)

Точно так же (если не в гораздо большей степени) натуральность может присутствовать как подчиненный момент в рамках единиц, участвующих в связях товарного типа. Сама по себе товарная форма связи тяготеет к монотехнологической форме существования хозяйствующих единиц как высшей ступени развития разделения труда и связанной с ним максимальной реализации общественной производительной силы. Не в последнюю очередь с этим связано и постоянное воспроизводство большого количества средних и мелких предприятий в рамках форм общества, основанных на товарном типе связей или хорошо их использующих. Однако обеспечение интереса выживания часто приводит к использованию элементов натуральности в рамках "отдельно взятого" производства. Это наличие и переделов, и заготовительных производств, и вспомогательных, и многое другое. По сути дела, стремление к вертикальной интеграции (поглощению предприятий-поставщиков сырья и материалов, частично - потребителей) и даже интернационализация производства в форме транснациональ-

ных корпораций - все это явления, так сказать, вторичной натурализации, т.е. процесса непосредственного замыкания связей производительных и потребительных сил в рамках воспроизводства собственной жизни отдельных носителей. Кроме того, информацией может пользоваться только тот, кто ее способен понять, т.е. человек примерно того же интеллектуального уровня, что и ее производитель. Отсюда весьма большое влияние на рыночную конъюнктуру натуральной альтернативы: потребители информации почти всегда могут не только приобрести нужные информационные продукты на рынке, но и создать их сами. Иными словами, в сфере информации натуральное и товарное производство не могут разделяться так сильно, как это чаще всего происходит в сфере обычных, вещественных предметов. В 80-е гг. объем информации, перемещающейся в рамках мировой капиталистической системы, по крайней мере, на 70% состоял из внутрифирменных, по сути нетоварных потоков, которые связывали штаб-квартиры ТНК и их многочисленные филиалы в других странах.

Поскольку все это происходит уже не на основе ручного труда, а при высоком уровне механизации и даже автоматизации производства, трудно связывать эти явления вторичной натурализации с преобладающим типом орудий труда. Дело здесь в характеристиках самих процессов жизни хозяйствующих единиц, в том, какую роль тут играет устойчивость связей производительных и потребительных сил.

В предыдущей главе устойчивость рассматривалась как один из параметров конкретных материальных процессов, входящих в цикл функциональных потребностей. Но этот же параметр может учитываться (и фактически учитывается реальными участниками процесса воспроизводства) при характеристике связей между производительными и потребительными силами. В той же главе отмечалось, что неустойчивость в виде зависимости жизни от природных явлений была главной проблемой воспроизводства в рамках первого (ручного) технологического этапа, что именно решение проблемы устойчивости воспроизводства жизни людей по отношению к природе способствовало слому локально-общинных форм общества, повышению самостоятельности производителей и развитию товарно-денежных отношений как средства повышения уровня жизни.

Но естественным следствием этого был сдвиг основной сферы неопределенности, неустойчивости жизни участников процесса воспроизводства с внешней, природной среды на среду внутреннюю, социальную. Простейшим средством уменьшения этой неопределенности являются различные взаимные льготы постоянным партнерам, встречающиеся на любом сложившемся рынке. Более сложная, но и более эффективная форма повышения устойчивости - замыкание связей, воспроизводящее элементы натуральности в рамках товарного типа хозяйствования. Вот два небольших примера из современной экономической жизни Японии.

"Снижение удельного веса индивидуальных акционеров в известном смысле представляет собой интернациональное явление... В Японии акции концентрируются у юридических лиц, в США и Англии - у различных институтов. Ниже будет подробно рассказано о том, что собственность институтов - это как бы опосредованное инвестирование средств, находящихся в индивидуальной собственности. Она не является полностью обособленной от индивидуальной собственности. В противоположность этому собственность юридических лиц полностью обособлена от индивидуальной собственности и выступает как собственность самих банков и корпораций производственной сферы.

Таким образом, в Японии удельный вес индивидуальных акционеров снижается потому, что растет удельный вес юридических лиц. В этом - зерно проблемы ... Для индивидуального акционера объективным критерием эффективности капиталовложений является только доход от дивидендов... Юридическое же лицо, как будет показано, приобретает акции не из расчета получить доход. Оно стремится обеспечить межфирменные связи и иметь пакет ценных бумаг, позволяющих осуществлять контроль... Контроль здесь понимается в широком смысле - как способность определять действия другой стороны, ставить ее в известные

рамки, заставляя другую сторону действовать по своему приказу, подчинять ее своей воле"³. Автор отмечает, что для Японии очень характерен взаимный контроль в рамках предпринимательских объединений - сюданов: "Каждый из членов сюдана является одним из тех, кто контролирует всех остальных... Отношения "взаимный контроль - взаимная зависимость" создают ситуацию, когда в рамках объединений каждая фирма осуществляет контроль, но одновременно и сама находится под контролем. Тем не менее, как гарантия безопасности от внешнего врага такая система и рациональна и крепка"⁴.

Взаимные сделки - это второй пример, показывающий переплетение товарных и натуральных моментов хозяйствования. "Торговая фирма, осуществляя операции со многими видами товаров, устанавливает с каждой корпорацией такие отношения, при которых она выступает по отношению к этой корпорации и как покупатель, и как продавец... Например, один из менеджеров группы "Мицубиси" говорит по этому поводу следующее: "Не знаю, известно ли вам, что, когда сталелитейные компании решают, кому продавать свою продукцию, они учитывают, у кого покупается сырье. Если универсальная торговая фирма занимает сильные позиции в торговле сырьем, то соответственно увеличивается и объем продаваемой ей сталелитейной продукции".

Когда совершаются рыночные сделки, были бы только хороши условия - и купить можно у кого угодно. Здесь же все обстоит по-иному"⁵.

Первый из этих примеров - одно из многочисленных свидетельств того, какое значение имеет устойчивость связей, фактическое ограничение уровня свободы действий, самостоятельности товаропроизводителей для сохранения их существования. (Как говорил еще Гегель, жизнь столь же существенна, сколь и свобода⁶, но далеко не всегда возможно их гармоничное сочетание. По сути дела, и сейчас для этого условий еще нет.)

Второй пример - весьма красноречивая иллюстрация того, что именно торговые фирмы могут превращаться в своеобразные "центры натурализации", как бы уходящие от обычной торговли, от свободы производителей и потребителей устанавливать между собой связи.

Таким образом, товарное производство отнюдь не преодолевает натурального хозяйствования до конца, а постоянно воспроизводит его как свой собственный момент, как естественную реакцию хозяйствующих единиц на необеспеченность их существования со стороны общества в целом. Это необеспеченность имеет принципиальный характер. Как и в других странах, она сейчас у нас закреплена принципом "Каждый отвечает только за себя" (предприятие не отвечает по обязательствам государства и других предприятий, государство не отвечает по обязательствам предприятий).

Поэтому, справедливо сетуя на то, что административно-командные методы управления экономикой во многом способствовали чрезмерной натурализации наших предприятий, каждое из которых сейчас представляет собой как бы народное хозяйство в миниатюре по составу отраслей (как производственной, так и непроизводственной сферы), мы должны быть готовыми к тому, что в новых условиях хозяйствования тенденция к натурализации отнюдь не исчезает, а лишь приобретает иные формы, которые было бы ошибкой (на наш взгляд) принимать за формы обобществления на деле.

На этом моменте необходимо еще немного задержаться. Довольно часто можно встретить утверждение, что непосредственно общественным производством было уже при первобытнообщинном строе, что "натуральность" и "непосредственная общественность" - это совместимые характеристики воспроизводства. При таком подходе очень удобно говорить о непосредственно общественном характере воспроизводства не только в первобытных общинах, но и в рамках одной, отдельно взятой страны в наше время, удобно делать вид, что

³ Хироси Окумура. Корпоративный капитализм в Японии. М., 1986. С.75,76,83.

⁴ Там же. С.211-213.

⁵ Там же. С.206-207.

⁶ См.: Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т.3. С.244.

коммунизм может быть светлым будущим и в отдельных "частях" человечества - сначала в одной или нескольких странах, потом в других и т.д. Думается, что эта парадигма берет свое начало от совершенно конкретных фактов практики - попыток строительства социализма в таких "частях". Оно, как известно, имеет свое решение - частичное, одностороннее в каждом отдельном случае, как показывает общественная практика.

Принципиальное различие натурального и непосредственно общественного типа связей человеческих сил, процессов в материальной жизни общества состоит в заведомой локальности первых, замкнутости их на обособленной части человеческого рода и в заведомой глобальности вторых, их сознательной направленности на обеспечение жизни человеческого рода в целом. При таком подходе появляется возможность четко различать две линии развития хозяйствования в рамках товарного производства - тенденцию к натурализации и тенденцию к обобществлению на деле. Первая, как уже отмечалось, проистекает из опосредованной направленности производительных сил на собственную жизнь их носителей и выражается в замыканиях связей на более высоком уровне. Такое "комкование" однородных масс очень часто интерпретируется как раз как обобществление производства на деле, хотя направленность на "другую жизнь" при этом остается лишь инструментальной, формальной. Вторая линия (на реальное обобществление) вырастает как бы подспудно и выражается не столько в пространственном расширении и упрочении связей, сколько во временном.

Дело в том, что сама устойчивость как параметр имеет явно выраженный временной характер. Главное преимущество замыкания связей формально независимых агентов товарного производства состоит в возможности расширения временных горизонтов хозяйствования, повышения внимания к стратегическим проблемам продолжения своего существования. "Взаимная собственность на акции еще больше увеличивает и продлевает сроки деловых связей, строящихся на взаимных сделках. Отсюда возможность управления фирмами с учетом долгосрочных перспектив"⁷. В свою очередь, именно на больших временных интервалах проявляются зависимости жизней разных носителей сил в обществе, зависимость отдельных жизней от воспроизводства общих материальных условий существования.

Вложения в инфраструктуру, которые, как правило, бывают нецелесообразными при краткосрочных экономических расчетах, во-первых, часто оказываются выгодны даже экономически в рамках длительных локальных замыканий и, во-вторых, представляют собой естественную сферу согласования решений на глобальном уровне уже в силу принципиальной всеобщности инфраструктуры. Именно она представляет собой наиболее устойчивую часть того предметного богатства, которое наследуется одними поколениями у других. Поэтому принятие решений в этой сфере оказывается наиболее значимым с точки зрения жизни общества, наиболее нуждающимся в обобществлении на деле. Нетрудно заметить, что и в нашей стране именно инфраструктурный, а не чисто производственный аспект хозяйствования привлекает наибольшее внимание общественности, именно по этой линии общественное мнение пытается воздействовать на принятие экономических решений.

С учетом сказанного, представляется не вполне корректным трактовать сам по себе рост "большого бизнеса" как рост обобществления. Как известно, высокий уровень концентрации экономической власти достигался и при натуральном типе хозяйствования (чему свидетельствуют крупные сооружения древности, сохранившиеся до наших дней), и при переходе от него к товарному (вспомним хотя бы конкурировавшие Ост-Индские компании Нидерландов и Англии). Известно также, что как раз крупные компании начала XX в. отличались особенной авторитарностью строения, отсутствием самостоятельности входящих в них предприятий, что и определяло во многом склонность таких компаний к застою, вело, в конечном счете, к их трансформации в гораздо более гибкие структуры.

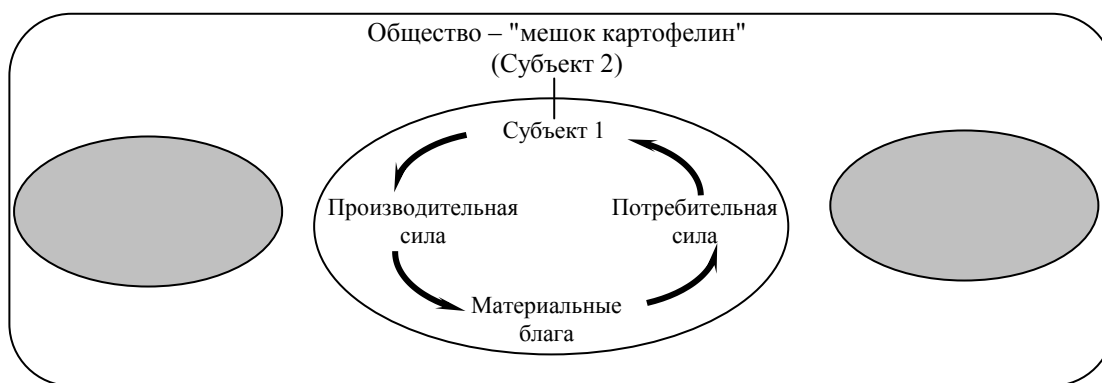
Не менее поучителен и наш собственный опыт нэпа. По оценке специалистов, бук-

⁷ Хироси Окумура. Корпоративный капитализм в Японии. С.213.

важно через год после перехода к новой экономической политике у нас практически не осталось самостоятельных государственных предприятий, оказавшихся объединенными в тресты и стоящие над трестами синдикаты (что, конечно, не удивительно, если учесть традиционно высокий уровень концентрации промышленности, по которому дореволюционная Россия не уступала развитым странам Запада). Все двадцатые годы были, помимо прочего, заполнены борьбой предприятий за самостоятельность хозяйствования и те самые хозяйственные реформы, которые положили конец нэпу и начало административно-командной системе управления, по своей форме (и, возможно, по искреннему замыслу части разработчиков) были направлены как раз на расширение самостоятельности предприятий, на внедрение полного хозрасчета⁸.

К более подробному рассмотрению временного аспекта связей производительных и потребительных сил мы сейчас и перейдем. Понятно, что типы связей производительных и потребительных сил по отношению к их носителям вполне могут обладать специфическими временными характеристиками. На схемах 4.1а, 4.1б, 4.1в сделана попытка представить в наглядной форме эти характеристики в самом обобщенном виде для натурального хозяйства, товарного производства и непосредственно общественного производства. Символ t обозначает время, в данном случае - время действия сил. Символы "+" и "-" справа от t обозначают тип сил, соответственно производительных и потребительных по отношению к вещам, появление и исчезновение которых необходимо для продолжения жизни их носителей. Круглые скобки вокруг символа обозначают интервальный, а не точечный характер действия сил в реальном масштабе времени, вертикальные - абсолютную величину, продолжительность действия, а черта над символом t обозначает его векторный характер, одновременное производство и потребление различных предметов, необходимых для жизни. Остальные пояснения даны при комментировании отдельных схем.

На схеме 4.1а - характеристика общества как "мешка картофелин", заимствованная из работы К.Маркса "Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта": "Каждая отдельная крестьянская семья почти что довлеет сама себе, производит непосредственно большую часть того, что она потребляет, приобретая таким образом средства к жизни более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом. Парцелла, крестьянин и семья; рядом другая парцелла, другой крестьянин и другая семья. Кучка этих единиц образует деревню, а кучка деревень - департамент. Таким образом, громадная масса французской нации образуется простым сложением одноименных величин, вроде того как мешок картофелин образует мешок с картофелем"⁹.

Время действия

\bar{t}_+ – производительных сил (дискретное)

\bar{t}_- – потребительных сил (непрерывное)

⁸ См.: Малевиц В. Кредитно-финансовая система нэпа и кредитная реформа 1930 г. Вопросы экономики. 1988. №7.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.8. С.207-208.

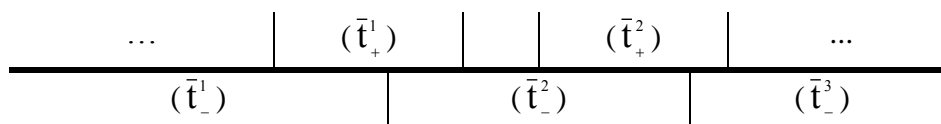
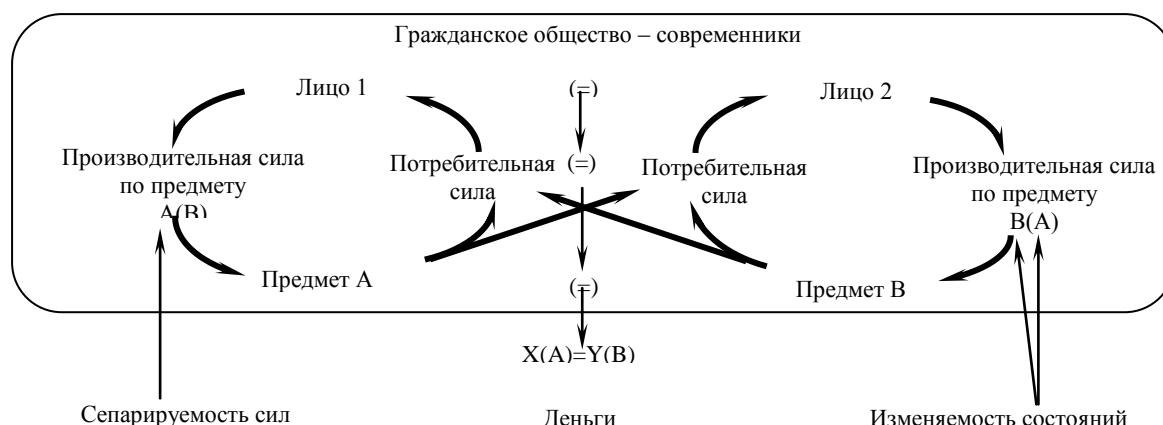

Схема 4.1а. Натуральное хозяйство (полиобъектность производства и моно-субъектность связей сил)

Отметим попутно, что из этой особенности связей производительных и потребительных сил К.Маркс делал прямые выходы на особенности и политического устройства (централизованный деспотизм) практически независимо от преобладающего типа производственных отношений. В работе "Британское владычество в Индии" он писал: "Мы все же не должны забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум... накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы"¹⁰. А вот из набросков ответа В.Засулич: "Есть одна характерная черта у русской "земледельческой общины", которая служит источником ее слабости и неблагоприятна для нее во всех отношениях. Это - ее изолированность, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других, этот локализованный микрокосм... который повсюду, где он встречается, воздвиг над общинами более или менее централизованный деспотизм"¹¹. Нас здесь эта сторона дела интересует только как потенциальное или реальное разложение потребительных сил общества на две составляющие - воспроизводительную (субъект 1) и паразитическую, односторонне эксплуататорскую (субъект 2), каковы бы ни были их конкретные общественные формы.

На оси времени схемы 4.1а показана общая связь сил, отражающая непрерывный характер действия потребительных сил и прерывный характер действия производительных сил носителя 1 по отношению к внешним предметам. Связь этих сил отражена в формуле $K = |t_+|/|t_-|$, где K - величина, характеризующая уровень "несвободы" жизни субъекта, общий уровень эксплуатации, включая самоэксплуатацию субъекта.

Строго говоря, эта формула - общая для натурального и товарного производства в той мере, в какой время труда влияет на существование носителя способности к труду. Более того, именно она лежит в основе стоимостных пропорций, проявляющихся, например, в простой форме стоимости (см. нижнюю часть схемы 4.1б).

¹⁰ Там же. Т.9. С.135.

¹¹ Там же. Т.19. С.405.

Схема 4.1б. Рыночное хозяйство (монообъектность производства и полисубъектность связей сил)

Принцип "Делаю вещи, чтобы жить" тоже общий для натурального и товарного типов связей производительных и потребительных сил, но при товарном он дополняется еще одним: "Делаю обмен вещами, чтобы лучше жить". Однако это дополнение во многом модифицирует и первый принцип.

Для натурального хозяйства можно было выписать определенные временные связи производительных и потребительных сил и первый принцип конкретизировать, например, так: "Живя результатами прошлого года, делаю вещи в этом году, чтобы жить в следующем году". Для товарного же производства такая причинно-следственная связь сил во времени уже отсутствует. Формула обмена "Даю, чтобы дал" - имеет вид причинно-следственной связи лишь формально. Ее развернутый вариант "Носитель 1 дает носителю 2 в момент t_1 предмет А в количестве Х при условии получения от него в момент t_2 предмета В в количестве У" показывает, что при $t_1 = t_2$, т.е. при одновременном встречном движении товаров нет причинно-следственных связей, условия и действия не развернуты во времени. Поэтому при товарном производстве заведомо отсутствуют реальные временные связи между действием производительных и потребительных сил. Временной аспект представлен только в той мере, в какой пропорции обмена отражают какие-либо реальные временные пропорции.

На схеме 4.1б как раз и показан условный вариант, при котором пропорции обмена в рамках простой формы стоимости отражают пропорции реального времени производства обмениваемых вещей. В рамках этого варианта принцип равенства носителей последовательно проводится как не только формальный, но и как реальный. Иными словами, совпадают их и производительные, и потребительные силы, равно как и интенсивности их реализации. Условность представленного варианта состоит в предположении равенства производительных сил субъектов, которое исключает заинтересованность в обмене. Такая заинтересованность возникает лишь при несовпадении потенциалов. Чем больше разность потенциалов, тем шире диапазон пропорций обмена, при которых соблюдается взаимность выгоды этой хозяйственной операции. (В свое время Д.Рикардо показал на примере международной торговли решающее значение разности соотношения затрат на различные предметы для превращения их в обмениваемые товары. Но это справедливо для любых субъектов.) Определенность пропорции в этом случае могла бы привноситься, если это в принципе возможно, со стороны потребительных сил, как условие равной полезности, равной выгоды (что такое выгода, здесь не имеет значения: это может быть уровень потребления материальных благ простыми товаропроизводителями, доход на капитал).

Собственно, именно это приравнивание потребительных сил позволяет вынести их "за скобку" при анализе простой формы стоимости. (Однако при этом необходимо вынести за ту же "скобку" и натуральные показатели производительных сил, например, "затрат" времени живого труда на единицу продукции, поскольку объектом сравнения являются лишь производные от них относительные показатели. Если один субъект затрачивает на производство предмета А по сравнению с предметом В относительно больше времени, чем другой субъект, то первому выгодно менять свой товар В на товар А, даже если абсолютное время производства товара А у первого субъекта меньше, чем у второго. Все это - азбука экономической теории, на которой нет необходимости останавливаться здесь подробнее).

Строго говоря, такое выравнивание потребления, (а для его обеспечения и спонтанное выравнивание производительных сил) - это не только формальный прием, представленный на схеме 4.1б, но и тенденция повседневной практики товарного производства, одно из проявлений в нем уравнительного принципа "За равный труд - равную оплату", "На равные расходы - равные доходы". Эта тема уже затрагивалась в предыдущей главе.

Как известно, логика превращения простой формы стоимости в денежную была впер-

вые прослежена К.Марксом. Представляется, однако, целесообразным разделить в этом превращении моменты, общие количественным измерениям вообще, и моменты, характеризующие измерение именно стоимости. Многоуровневый характер предметности в хозяйственной жизни, включающей, как минимум, три уровня - вещей (объектов), людей (субъектов) и общества в целом, пока не проработан достаточно корректно. Во второй главе уже делалась попытка преодолеть этот недостаток. А теперь посмотрим, как более тщательный учет "сверхчувственной предметности" помогает понять специфику измерения стоимости.

Надо отметить, что простая (единичная), развернутая (особенная), всеобщая и специальная (денежная) формы стоимости (ценности) - это не уникальная черта именно стоимостных отношений, а общее свойство всех количественных измерений, проводимых не в абсолютной, а в относительной форме, известной людям еще задолго до появления товарного производства. (Под измерениями в абсолютной форме здесь имеется в виду прямой счет натуральных единиц рассматриваемого множества, под измерениями в относительной форме - соотнесение измеряемой величины с эталонной.) И в качестве предмета-эквивалента, эталона человек часто использовал самого себя, части своего тела (особенно это касается мер длины - локоть, вершок, фут и т.д.). Во всех случаях переход от простой формы сравнения к специальной осуществлялся достаточно быстро, хотя в разных локальных системах эталоны для одних и тех же измерений применялись разные. И во всех случаях количественная сравнимость вещей опиралась при этом на их качественную однородность (расстояние мерялось расстоянием, масса - массой), что и выражалось в понятии единой субстанции сравниваемых вещей. Правда, при этом субстантность распространялась на отдельные свойства вещей (массивность, пространственная объемность, продолжительность существования и т.п.) без увязки этих свойств между собой.

В этом же ряду, ничем вроде бы не отличаясь от других количественных соизмерений, лежит и измерение стоимости (ценности) деньгами как предметом-эталонном, а потому и возникает вопрос о субстанции измеряемой величины. Однако отличие есть. К.Маркс назвал его чувственно-сверхчувственным характером самой стоимостной (ценностной) предметности, принципиальной не сводимости ее субстанции к величинам, измеряемым физическими методами. По-видимому, сейчас уже можно сказать, что все относительные физические измерения в принципе сводимы к абсолютным, опирающимся на свойства отдельных предметов (молекул, атомов, частиц). И только для стоимости (ценности) такой элементарной частицы не находится, поскольку точкой отсчета, субстанцией является здесь жизнь предмета высшего уровня - самого общества, а не жизнь предметов физического уровня. В конечном счете, именно сама жизнь общества, ее сохранение, воспроизводство и составляет суть закона стоимости (ценности). Именно она определяет основные пропорции обмена вещей, а не "затраты" времени.

Представляется необходимым подчеркнуть также принципиальную важность для товарного типа связей свойств изменяемости состояний производительных сил и их сепарирруемости по отдельным направлениям. Обычно, характеризуя товарное производство, мы говорим, что каждый специализируется на производстве какого-либо одного вида продукции, которую сам не потребляет (или почти не потребляет). Однако при этом иногда из виду упускается его возможность перейти к производству другой продукции, если он сочтет это для себя более выгодным или, на худой конец, обратить свою собственность в ценные бумаги. К.Маркс, конечно, исходил из реального наличия такой возможности: "...ежедневный опыт показывает, что в капиталистическом обществе, в зависимости от изменяющегося направления спроса на труд, известная доля общественного труда предлагается попеременно, то в форме портняжничества, то в форме ткачества. Это изменение формы труда не совершается, конечно, без известного трения, но оно должно совершаться"¹².

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.52.

Более того, К.Маркс именно с этой универсальной изменчивостью, виртуальностью связывал абстрактность труда как его исторически определенную характеристику. "Можно было бы сказать, что то, что в Соединенных Штатах является историческим продуктом, - это безразличие к определенному виду труда, - у русских, например, выступает как природой данное предрасположение. Однако, во-первых, существует огромная разница в том, варвары ли могут быть ко всему приспособлены или же цивилизованные люди сами себя ко всему приспособляют"¹³. На наш взгляд, эти слова К.Маркса и сейчас не совсем еще устарели.

Универсальность производственных способностей товарное производство не только наследует от натурального хозяйства, но и поднимает на качественно новую ступень, отрывая их от потребностей собственной жизни носителя, резко интенсифицируя умственную компоненту целевой деятельности (т.е. деятельности первого типа) и превращая овнешнение (деятельность второго типа, творческую, универсальную уже по своей сути) в необходимый компонент воспроизводства.

В конечном счете, "лучше жить" при товарном производстве - это значит иметь больше вариантов, степеней свободы (в естественнонаучном смысле этого термина, поскольку речь идет о деятельности первого типа). Одним из специфических (превращенных, конечно) показателей таких возможностей субъектов и являются свободные деньги. Их избыток над объемом, необходимым для жизни, норма избытка, его динамика (уровень сбережений, норма процента по вкладам) становятся, по сути дела, весьма важными показателями качества жизни. Естественно, что само существование этих показателей как устойчивых явлений жизни обязано непрерывному развитию производительных сил на основе НТП.

Без возможности выбора (изделий, технологий, партнеров) любое производство фактически вырождается в разновидность натурального хозяйства, которое в этом случае принимает форму либо диктата крупных компаний по отношению к мелким товаропроизводителям, остающимся формально независимыми, но по существу интегрированными в более общую систему, либо диктата со стороны центра в адрес предприятий - что и когда производить, кому и когда поставлять, от кого что и когда получать.

О сепарируемости (специализации) производительных сил выше уже говорилось, подчеркивался исторически ограниченный характер этого свойства, неполно реализуемого даже при развитом товарном производстве, если оно ведется эффективно. По сути дела, только мелкое производство достаточно близко может подойти к идеалу сепарируемости. Что же касается более крупных хозяйств (общин, стран, да и предприятий), то они производят (и потому способны пускать в обмен) одновременно много видов изделий. Представляется необходимым подчеркнуть, что только сочетание достаточно высокой степени универсальности производительных сил отдельных носителей, возможностей их проявления (степеней свободы) и реализации их на одном предмете позволяет подойти к эквивалентности обмена. Так сказать, методом "от противоположного" это доказал теперь уже сравнительно длительный опыт попыток установить эквивалентность в обмене, например, между странами-членами СЭВ на уровне межгосударственных связей (бартер, натура на натуре в ассортименте). Некоторая видимость эквивалентности при этом поддерживалась только за счет применения в обмене цен мирового рынка, не имевших естественной связи с внутренними ценами стран-участниц обмена.

Принципиальной особенностью связей производительных и потребительных сил при товарном производстве является их частичный разрыв вследствие экранирующего влияния денег. При натуральном производстве несовпадение производительной и потребительной сил вело бы либо к сокращению продолжительности времени труда (в случае избытка предметов потребления) и, следовательно, увеличению свободного времени, либо к понижению уровня потребления (в случае дефицита материальных благ) или даже прекращению жизни.

¹³ Там же. Т.46. Ч.I. С.41-42.

И в том и в другом случае изменения производительной силы не накапливаются, а сразу же отражаются в изменениях уровня жизни. При товарном же производстве неограниченная хранимость денег создает возможность маневра потребительных сил как во времени (накопленные в один период избытки покрывают дефициты, допущенные в другой период), так и в пространстве (за счет передачи во временное пользование свободных денег испытывающим их недостаток). Как известно, именно с этой свободой перемещения потребительной силы денег связана абстрактная возможность кризисов, но нас здесь интересует другая связь - между свободными деньгами и свободным временем.

Прежде всего, отметим, что из этих двух ценностей только свободное время является действительно всеобщей, универсальной ценностью, пространством развития людей. Соответственно, свободные деньги представляют собой ценность исторически ограниченную. По отношению к свободному времени она может выступать или как дополняющая, или как замещающая в обычном экономическом значении этих терминов. (По отношению к личному автомобилю гараж является дополнительным товаром, а общественный транспорт - замещающей услугой). В первом случае свободные деньги представляют собой один из ресурсов (точнее, универсальный ресурс, меновую ценность), используемых носителем в свободное время.

Во втором случае (который вполне возможен при нарушении пропорции между свободным временем и свободными деньгами) часть свободного времени обращается в прирост свободных денег через превращение его в несвободную деятельность, приносящую доход ("вторая занятость"). Тут уже коэффициент связи свободных времени и денег (норма замещения) совпадает с обычной пропорцией между временем труда и приносимым им доходом.

Естественная основа этих ценностей как устойчивых, постоянных явлений - достаточно высокий уровень производительности труда на основе его глубокого разделения в условиях машинного производства. В свою очередь, они выступают фактором дальнейшего повышения производительности труда за счет использования свободных времени и денег на деятельность второго типа, на продолжение процесса овнешнения главной производительной силы в определяющей. Собственно говоря, это замыкание и представляет собой цикл развития культуры в наиболее абстрактной форме, допустимой в рамках товарного производства. О сущности этого цикла говорилось во второй главе. Отметим, что свободные деньги при этом выступают и как средство развития производительных сил, и как одна из целей непосредственного производства. Их самовозрастание предстает при этом как естественное проявление цикла овнешнения, научно-технического прогресса, а мера самовозрастания - как индикатор темпов скорости развития производительных сил.

Отвлечение свободных денег на иные цели (например, на покрытие временного дефицита у другого носителя), вообще говоря, тормозит осуществление цикла развития и является естественной основой платности этого вида кредита на уровне минимально допустимого темпа развития. В ссудном проценте, всегда привязанном к определенному сроку возврата ссуды, восстанавливается связь денег и реального времени, совершенно отсутствующая в деньгах как средстве обмена. Представляется, что именно с дополнением традиционных функций денег - меры ценности продаваемых товаров и стоимости покупаемых и др. функцией обобщенного средства развития, с взаимной притиркой способов осуществления деньгами этих функций во многом связана и эволюция капиталистического хозяйствования в течение довольно длительного времени в направлении, которое оценивается как удовлетворительное с точки зрения приспособления к непрерывному научно-техническому прогрессу.

Разбор этих функций не входит в задачу данного исследования. Отметим только момент, в связи с которым представляется целесообразным пересмотреть вывод, сделанный в свое время К.Марксом. Речь идет о норме процента, который он рассматривал как цену ссуды, а сами ссудные деньги - как товар, имеющий специфическую потребительную стоимость - приносить их собственнику дополнительные деньги за их временное отчуждение.

К.Маркс полагал, что это единственный вид цен, не имеющих субстанции, и поэтому величина нормы процента определяется исключительно соотношением спроса и предложения на рынке ссудного капитала. "Конкуренция, - писал он, - определяет здесь не отклонения от закона: здесь просто не существует никакого иного закона разделения, кроме того, который диктуется конкуренцией"¹⁴. Формальная ошибка, на наш взгляд, тут заключается в отождествлении (не только К.Марксом, но и многими другими теоретиками) акта обмена с актом аренды, которые в действительности имеют большие смысловые различия. (Они отчасти затрагивались в первой главе и будут подробнее рассмотрены в конце этой.) Как следствие, рента была принята за цену (хотя, например, земельная рента отнюдь не смешивалась им с ценой земли). Содержательная же ошибка связана как раз с абстрагированием от научно-технического прогресса (ибо конкуренция сама по себе его не предполагает), хотя без него капитализация денег, а, следовательно, и их самовозрастание как непрерывный процесс невозможны. Естественной же причиной этой ошибки, на наш взгляд, был переходный, незрелый характер самой капиталистической формы воспроизводства в тот период, - бесплатность для капиталиста экономически выгодных технических новшеств.

Возможно, отчасти недостаточное внимание в "Капитале" к научно-техническому прогрессу как внутреннему фактору капиталистического воспроизводства объяснимо и тем, что на том этапе его влияние во многом еще маскировалось применением общественных производительных сил - разделения труда и его кооперации. Именно за их счет капитал и обеспечил свое выживание и самовозрастание еще на базе ручных орудий труда.

Можно сказать, что товарное производство порождает, производит не только деньги, но и временную тенденцию к их самовозрастанию в той мере, в какой переход от натурального производства к товарному ведет к росту производительных сил общества на неизменной технической основе.

Эти факторы и теперь очень широко используются в капиталистической экономике (вплоть до создания совместных дочерних предприятий конкурирующими фирмами). Однако по своей сути они ограничены, исчерпаемы, как и возможности индивидов в рамках деятельности первого типа, что и порождает тенденцию к застою, падению темпов роста, если нет постоянной подпитки со стороны деятельности второго типа.

В целом, с точки зрения способа связи производительных и потребительных сил, товарное производство представляет собой такое же временное, переходное состояние, как и расположенное "над ним" машинное производство с точки зрения особенностей присвоения внешних предметов.

Перейдем к схеме 4.1в, где именно деятельность второго типа лежит в основе связей производительных и потребительных сил. Фактически, она подытоживает то, что было сказано во второй главе на основе рассуждений К.Маркса о нормальной человеческой жизни. Во-первых, здесь не представлено время физического (исполнительского) труда в рамках деятельности первого типа, поскольку эта величина, если еще и существует, то не играет сколько-нибудь заметной роли (можно сказать, что коэффициент (доля) "несвободы" стремится к нулю, а доля свободного времени как показателя эффективности - к единице). Во-вторых, как следствие первого меняется и критерий эффективности. Вместо доли свободного времени, превратившейся, по сути, в постоянную величину, таким критерием становится расширение сферы контролируемых изменений природы ("господство над природой" с оговорками, о которых речь шла во второй главе). В-третьих, основная связь сил включает различные поколения людей вплоть до уже и еще не существующих поколений.

Естественно, что и сами производительные и потребительные силы при этом имеют иное содержание, чем в рамках деятельности первого типа. О различии производительных сил человека как элемента непосредственного процесса производства и как члена общества в

¹⁴ Там же. Т.25. Ч.I. С.391 (курсив мой - Л.Г.).

предыдущей главе уже говорилось. При этом учитывались различия деятельности первого и второго типов, отмеченные во второй главе. Аналогичные различия можно привести и в рамках потребительных сил, связывая один тип - естественные потребительные силы - с обычным присвоением (уничтожением) предметов потребления (в отличие от естественных производительных сил человека, его естественные потребительные силы не замещаются иными силами), а другой тип - общественные потребительные силы - с освоением предшествующих овнешнений, освоением богатств культуры, накопленных человеческим родом в целом.

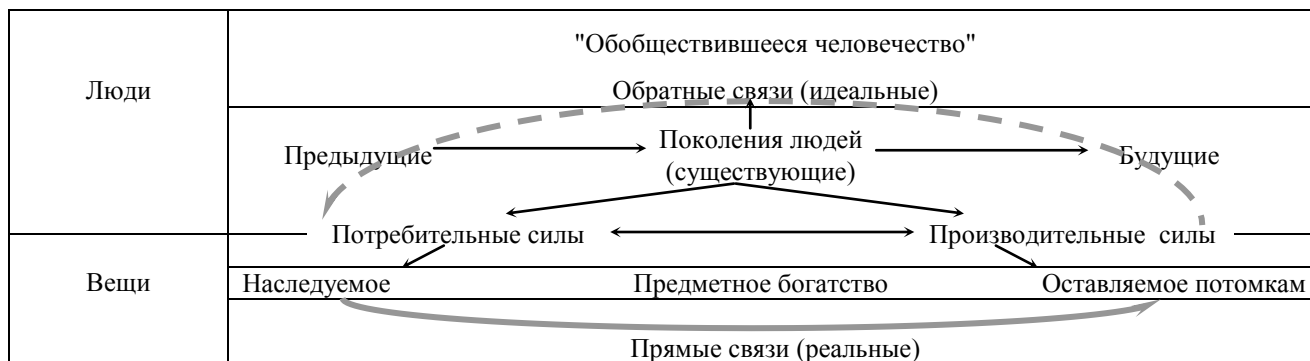

Схема 4.1в. "Непосредственно общественное хозяйство (производство)"

Такая трансформация сил, начатая еще при товарном производстве, приводит, в конце концов, к тому, что окончательно разрываются непосредственные временные связи между производительными и потребительными силами. Любое однажды полученное приращение культуры навсегда становится достоянием человечества. Поэтому каждое новое поколение людей должно иметь более развитые потребительные силы, чтобы освоить все, что было создано до них, и на этой основе сделать все возможное для продолжения жизни и впредь. Иначе оно в лучшем случае сохраняет созданное до него, а в худшем - решает сиюминутные задачи ценой разрушения накопленного (проедая основной капитал, говоря языком товарного производства) и создания дополнительных (может быть, даже неразрешимых) проблем сохранения жизни для потомков (ценой взятия жизни взаймы у будущих поколений, если так можно выразиться).

В целом же непосредственно общественному производству свойственно соединение производства внешних ценностей (благ) и производства людей как раз на основе овнешнения способностей человека. При этом "сверххрастянность" проявления сил во времени, т.е. выход их за рамки непосредственно сосуществующих поколений, приводит к специфическому сверхчувственному их соединению у реально существующих поколений. Поскольку уже и еще не существующие носители сил сами по себе не могут взаимодействовать в реальном масштабе времени, они живут и действуют лишь идеально, в представлении непосредственных носителей жизни. Это ведет к существенному повышению роли этики в принятии хозяйственных решений именно при непосредственно общественном способе соединения производительных и потребительных сил.

Хотя этика, нравственные ценности, вообще говоря, существуют столько же, сколько и само человечество, расслоение производства вещей и производства людей неизбежно вело к обособлению ценностей хозяйственной жизни от этических ценностей. Как известно, при натуральном способе соединения производительных и потребительных сил основной хозяйственной ценностью являются материальные блага, потребительные ценности (потребительные стоимости, если употреблять ставший традиционным вариант перевода с немецкого слова Gebrauchswert), причем ценность этих предметов определяется их влиянием на жизнь обособленной части человеческого рода. Этические ценности при этом имеют ограниченный, а не всеобщий характер. (Можно сказать, что натуральному хозяйству свойственно

полное обособление жизни той или иной общности, ее отчуждение от жизни человечества в целом.) Поскольку традиционное натуральное хозяйство отличается застойностью, высокой степенью регламентированности всех хозяйственных мероприятий (а сама эта регламентация представляет собой просто концентрацию прошлого успешного опыта хозяйствования, своего рода результат естественного отбора), следование рецепту "не высываться", соблюдать традиции, обеспечивает, как правило, выживание и общности в целом, и ее членов.

При товарном производстве на первый план выходят меновые ценности, стоимостные показатели оттесняют натуральные показатели. Здесь на смену отчуждению жизни человека от жизни человечества приходит самоотчуждение его собственной жизни. Абстрактный вне-временной характер отношения обмена делает хозяйственную жизнь в принципе внеэтической, оторванной от воспроизводства второго рода. Как известно, К.Маркс высоко оценивал абстрагирование Д.Рикардо от этических ценностей при анализе товарного производства, видя в этом научном приеме соответствие логике жизни¹⁵. Однако, строго говоря, только при товарном производстве этические ценности начинают очищаться от различных особых связей с другими ценностями и обретать собственную форму - соотнесение жизней различных лиц (физических и юридических), хотя и ориентированную эгоистически на собственную жизнь. При обмене каждый стремится улучшить только свою собственную жизнь, а не чью-либо еще, но вынужден уважать такое же стремление других и идти на компромисс, в результате обособление жизней становится лишь частичным, а не полным.

При непосредственно общественном же производстве такая эгоистическая этика уже не может давать надежные ориентиры хозяйствования. Поскольку большая часть членов человеческого рода уже или еще не может участвовать в принятии хозяйственных решений, ограничением сил реальных людей может быть только их самоограничение, элементы этики альтруизма на всех уровнях человечества. Естественно, что при этом на первый план выходят уже не потребительные или меновые, а общечеловеческие ценности, связанные с продолжением жизни в целом. Поэтому сравнительно недавние дискуссии о том, какие показатели должны занимать ведущую роль в управлении народным хозяйством - натуральные или стоимостные, представляются надуманными, оторванными от жизни. Как известно, натуральные показатели в силу высокой степени их агрегирования, условности на уровне народного хозяйства в целом уже не представляют каких-либо конкретных потребительных ценностей и грешат валовостью ничуть не меньше стоимостных. В свою очередь, стоимостные показатели при плановых расчетах в сопоставимых ценах в силу оторванности этих цен от реального процесса обмена равноправных субъектов также делают их условными индикаторами изменений так называемого физического объема.

Трем типам ценностей, характеризующих натуральную, товарную и непосредственно общественную связи сил (потребительные, меновые и общечеловеческие ценности), соответствуют и различные типы определяющих факторов производства. В первом случае это явления, производные от жизни природы в целом, во втором - рабочее время, производное от жизни индивидов, в третьем - воля и знания, производные от уровня развития общества.

Как известно, в прошлом не только повседневная жизнь, но и перемещения народов, другие крупные социальные изменения были во многом обусловлены изменениями в жизни природы, однако и сейчас жизнь нашего общества еще в весьма значительной степени зависит от природных явлений, от изменений погоды прежде всего. Это тоже следствие незавершенности перехода от ручного труда к машинному производству. Однако у нас же до последнего времени придавалось большое значение централизованному регламентированию рабочего времени в целом по стране и почти на каждом рабочем месте. Разумеется, машинное производство предъявляет свои, довольно высокие требования к координации рабочего времени, но они, вообще говоря, распространяются только на конкретные технологические

¹⁵ См. там же. Т.42. С.101.

процессы. Эти процессы по своей сути локальные, а не глобальные, даже если в рамках отдельных транснациональных корпораций охватывают сразу несколько стран. Попытки же распространить регламентацию рабочего времени на все общество из единого центра - это лишь одно из проявлений ошибочного отождествления непосредственно общественного производства с централизованным принятием хозяйственных решений. Жизнь показала, что такая непосредственная регламентация рабочего времени - один из факторов застоя, который, в свою очередь, выражался в дальнейшем усилении регламентации и в этой сфере.

Видимо, окончательное изживание утопических представлений о возможности распределения рабочего времени по отраслям производства со стороны общества в целом еще впереди, но уже сейчас можно сказать, что самостоятельность хозяйствования неизбежно ведет к опосредованному, превращенному проявлению определяющей роли рабочего времени в жизни общества и, в частности, в пропорциях обмена.

2. Унифицированное представление экономических характеристик хозяйственных решений

Рассмотрим теперь человеческую деятельность первого типа - целевую, точнее, первый ее этап - принятие решений. Как уже отмечалось, эта деятельность не является специфичной для человека и, более того, может быть во многом переведена на компьютеры. В то же время непосредственная включенность людей в эту деятельность, возникшая с появлением человеческого рода и сохраняющаяся по сегодняшний день, позволяет сделать здесь еще один шаг от сугубо объектного рассмотрения производительных и потребительных сил к субъектному, к анализу производственных отношений. Ниже будут рассмотрены, прежде всего, пространственные и временные характеристики отдельных решений, затем методы согласования решений и оценки их последствий и, наконец, особенности издержек принятия хозяйственных решений. Все это самым непосредственным образом связано с преобладающим типом соединения производительных и потребительных сил в обществе (натуральным, товарным или непосредственно общественным).

Пространственные характеристики решений, принимаемых субъектом при натуральном хозяйствовании, по вполне понятным причинам ограничены местом его обитания. (Отсюда местничество - неизбежный спутник этого способа соединения производительных и потребительных сил.) Преобладание ручного труда в обширных регионах мира еще весьма долго будет подпитывать местнические тенденции в отношениях и внутри стран, и между ними.

Пространственные характеристики решений, принимаемых при товарном производстве, уже не имеют такой четкой территориальной привязки. По сути дела, они охватывают всю сферу влияния соответствующего лица (физического или юридического), ограниченную сферами влияния других лиц, производящих аналогичные (или замещающие) предметы. Естественным показателем пространственной характеристики решений является при этом его доля на рынке (мировом, страновом и т.п.). Но этот показатель имеет реальный смысл только для действительно самостоятельных производителей. В наших же условиях сам рынок как реальность хозяйственной жизни пока находится в процессе становления.

Самые широкие пространственные характеристики имеют, естественно, хозяйственные решения, принимаемые в условиях непосредственно общественного производства, поскольку они уже не встречают непреодолимых внешних границ в виде решений, принимаемых одновременно другими носителями. Вообще говоря, эти решения не имеют и страновых границ. Особенно решения, касающиеся экологических проблем. Кроме того, именно непосредственно общественное производство позволяет при принятии решений учитывать их последствия в любых точках пространства (и времени) жизни человечества (в том числе пока и не вовлеченных в процесс воспроизводства).

Временные характеристики традиционного натурального хозяйства имеют естественный базовый период - год, поскольку ведущая отрасль при этом - сельское хозяйство. Товар-

ное производство такой естественной привязки не имеет, его временные характеристики во многом определяются двумя типами циклов - технологическим циклом производства продукции (т.е. в основном от недели до квартала) и циклом обновления основных производственных фондов (т.е. в основном от 3 до 10 лет). Еще шире временные характеристики непосредственно общественного производства, которые ориентированы на воспроизводство жизни человеческого рода в целом.

Если оценить с этой точки зрения недавнюю практику нашего хозяйствования, то получится примерно такая картина. Всеобщее преобладание годового режима планирования и управления - это естественное проявление того состояния производительных сил, которое имело в нашей стране в период формирования плановой системы хозяйствования, т.е. преобладания ручного труда. В то время хозяйственный год начинался с 1 октября. К этому сроку урожай был в основном убран, и, кроме того, сам период разработки государственного плана был непродолжительным. Переход к административным методам управления хозяйством повысил сложность согласования плановых решений, и уже с 1930 г. пришлось сдвинуть начало хозяйственного года на 1 января (т.е. совместить хозяйственный год с календарным). В последующем этот период не изменялся, но, с одной стороны, проявлялась устойчивая тенденция сдвига "влево" по шкале времени начала разработки плана на очередной год (сравнительно давно был установлен порядок, в соответствии с которым предприятия формируют предложения к проекту плана уже в первом квартале предшествующего года). С другой стороны, принятие многих окончательных плановых решений приходилось сдвигать "вправо" с наложением на период реализации плана (из-за того, что проект представлялся в Совет Министров к 1 сентября, т.е. задолго до подведения итогов сельскохозяйственного года, а разрабатывался, соответственно, еще раньше, многие плановые решения по легкой и пищевой промышленности, а также по импорту и экспорту принимались уже в первом квартале отчетного года). Узость годового режима ощущалась уже довольно давно, но мысль шла не по пути отказа от "периодовой" техники хозяйственного мышления, а по пути расширения периода, перехода от годового периода к пятилетнему в качестве основного планового периода.

Последняя такая попытка была предпринята в известном постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1979 г. "Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы". Трудности его выполнения заставили изменять технику экономического мышления. Ведь когда говорится, что несущей опорой плана становятся уже не объемные задания и лимиты, а стабильные экономические нормативы, то фактически делается попытка перейти от централизованного развития материальных производительных сил к регулированию производственных отношений. Но последнее совершенно не укладывается в отведенный для него пятилетний период. По существу, стабильность таких нормативов должна быть сопоставима со сроками аренды государственной собственности и быть уж никак не меньше длительности цикла обновления основных фондов. Ведь без этого право самофинансирования расширенного воспроизводства неизбежно наталкивается на неопределенность результатов за пределами утвержденного пятилетнего периода. Искусственные ограничения принимаемых решений всегда ставили наших хозяйственников в невыгодное положение по отношению к зарубежным партнерам, которые, как правило, имеют возможность принимать более дальновидные решения. Такая ситуация тем более парадоксальна, что по своей сути централизованное хозяйствование претендует на обеспечение самых широких возможностей учета долговременных последствий принимаемых решений, во всяком случае не менее широких, чем при рыночном хозяйствовании.

Представляется, что такая наша "зжатость" во времени во многом связана и с тем, как мы привыкли использовать балансовый метод согласования решений. Как известно, любой баланс разрабатывается или на определенный момент времени, или на период. В первом

случае в него входят лишь запасы пассивов и активов (поэтому "моментные" балансы разрабатываются только в финансовой сфере). Во втором - к запасам на начало и конец периода добавляются потоки производства и потребления. Так вот, мы привыкли в центр внимания ставить именно увязку потоков в рамках одного периода времени, не обращая особого внимания на уровень запасов.

Необходимость согласования потоков разных предметов ведет к унификации сроков разработки всей системы материальных балансов. Но как бы тщательно при этом ни увязывались потоки, они неизбежно несут на себе печать схоластики. Ведь одновременно происходят изменения только в рамках одного материального процесса (потребление одних предметов и производство других). Связь же между производством и потреблением одного и того же предмета обязательно есть связь между разными интервалами времени, причем, может быть, весьма отдаленными друг от друга. Мы же эту связь, по существу, сами же разрушали, делали невозможной действительную сбалансированность, согласованность производства.

Такая особенность экономического мышления связана с некритическим перенесением ситуации, естественной для традиционного сельского хозяйства, на промышленное производство. Когда в балансе сельхозпродукции (например, зерна) в ресурсной части ставится объем производства, то это, по сути дела, уже завершенное производство - урожай текущего года, который представляет собой вновь созданный запас, добавляемый к остатку запаса от урожаев прошлых лет. Потоки же при этом существуют только в распределительной части, поскольку в ней отражается постепенное использование продукции на различные цели. Когда мы переносим такой способ экономического мышления на промышленность, то производство тоже превращается в поток, который далеко не в полной мере переходит в поток потребления в том же году.

Думается, что в новых условиях придется значительно повысить оперативность и гласность статистики запасов. Именно такая информация имеет значение для своевременной корректировки производителями производственной программы - уменьшения ее при росте запасов у потребителей и увеличения ее при сокращении этих запасов. Не случайно именно такого типа данные являются неотъемлемой частью оперативной (в частности, квартальной) статистики в развитых странах. Они же широко используются в квартальных эконометрических моделях прогноза экономической динамики. В наших же моделях недавнего прошлого, в частности в моделях межотраслевого баланса, во-первых, запасы представлялись часто только сальдовой величиной (как правило, прирост запаса за период в меру роста объема производства) и, во-вторых, они не имели характера прогнозных (впрочем, в этом не было необходимости, если не считать оценок ожидаемого выполнения годового плана по данным квартальной отчетности).

Что же касается воспроизводства основных фондов, то естественной для товарного производства формой учета временного аспекта решений является норма дисконта, приведение затрат и результатов к одному моменту времени. Причем сама норма дисконта при этом зависит от продолжительности инвестиционного мероприятия, срока погашения ссуды. Этот инструмент у нас пока тоже практически не применялся как довольно гибкое средство регулирования хозяйственной активности в масштабах всего общества.

Вообще говоря, методы оценки возможных последствий хозяйственных решений можно подразделять на запаздывающие, опережающие и смешанные. В первом случае оценивается фактически полученный конечный результат. Это, конечно, самая объективная оценка, но ее нельзя учесть непосредственно при принятии решения. Во втором случае оценка дается заблаговременно, но с определенным интервалом достоверности.

Нетрудно заметить, что в условиях натурального хозяйства преобладают оценки первого типа, запаздывающие по отношению не только к принятию решений, но и к их осуществлению. Например, все отдельные земледельческие операции (обработка почвы, семян, посевов и т.д.) сами по себе не дают определенного конечного результата, который во мно-

гом зависит от внешних, природных факторов.

При товарном производстве подобную роль запаздывающей оценки выполняет оплата произведенной и поставленной продукции. Однако наряду с ней действует и развивается и опережающая оценка, опирающаяся, прежде всего на прогноз рыночной конъюнктуры, без которого было бы крайне рискованным делом начинать производство новой промышленной продукции. Как уже отмечалось, современное товарное производство в значительной мере опирается на систему договоров, заключаемых до начала непосредственного процесса производства, т.е. даже договора начинают в значительной мере выполнять функцию опережающей, а не запаздывающей оценки.

Естественно, что наиболее широко метод опережающей оценки применим при непосредственно общественном производстве. Ведь сам этот тип связи производительной и потребительной сил направлен как раз на максимально полный учет последствий принимаемых решений для тех, кто сам этого сделать не может. В то же время именно производительные силы, адекватные непосредственно общественному производству, обеспечивают наиболее благоприятные условия для опережающей оценки решений, неизбежно связанной с большими работами по обработке разнообразной информации.

Разумеется, и в этом случае окончательную оценку решений можно дать только по реальному результату, но сама информация о результатах обрабатывается с учетом данных, полученных в процессе выработки хозяйственных решений. Сравнение "факта" с "планом" широко применялось в нашей экономической практике, однако, такое сравнение довольно часто было направлено не на повышение качества решений в будущем (хотя только это и имеет реальный смысл), а на оценку труда исполнителей и их стимулирование со стороны "задающих" органов. Именно такое сугубо административное использование сравнения "плана" и "факта", хозяйственных решений и последствий их выполнения в наибольшей мере парализовало возможности действительно планового ведения хозяйства, своевременной и высококачественной увязки хозяйственных решений в масштабах всего общества. По сути дела, государственный план при этом выступал не столько как средство объединения усилий, сколько, наоборот, как средство их разъединения. Ведь когда предприятие поставлено перед необходимостью выполнить (любой ценой) плановые задания, адресованные ему, то его, естественно, не интересует выполнение государственного плана в целом и то, как могут повлиять его собственные действия на выполнение или, наоборот, невыполнение заданий другими предприятиями. Сейчас это направление сравнения "плана" и "факта" отошло в прошлое.

Вопрос о методах оценки возможных последствий хозяйственных решений естественно связан и с издержками принятия решений. Издержки эти могут быть разделены на индивидуальные и общественные, причем среди индивидуальных обычно выделяются время (продолжительность) принятия решений, затраты материальных ресурсов в процессе выработки решений и не использование части ресурсов (упущенная выгода). Соотношение этих видов издержек весьма различается в натуральном, товарном и непосредственно общественном производстве.

В условиях традиционного натурального хозяйства время принятия решений в целом диктуется ритмом сельскохозяйственных работ, материальные затраты на принятие решений практически отсутствуют, а величина возможной, но упущенной выгоды далеко не всегда может быть выделена при большой зависимости результатов от изменения внешних условий. Если к тому же учесть, что выполнение многих действий в традиционных обществах диктуется разнообразными правилами, традициями, т. е. реальная альтернатива, вариантность решений часто просто отсутствует, то оказывается, что сами факты принятия решений из поля зрения самих участников производства как-то выпадают, не осознаются как что-то весьма специфическое. Возможно, именно с неразвитостью этой сферы целесообразной хозяйственной деятельности связаны и известные утопические представления о простоте и дешевизне

коллективного принятия решений в свободных ассоциациях будущего и, как следствие, преувеличенные представления о степени расточительности рыночного механизма согласования решений.

В то же время, и примерно по тем же причинам, "основному течению" свойственно столь же нереалистическое предположение о нулевых издержках принятия решений при рыночных сделках (т.н. трансакционных издержек). Статья Нобелевского лауреата 1991 г. Р.Коуза, опубликованная им в 1937 году, дала толчок развитию исследований на стыке институционального направления и "основного течения". Однако их результаты так и не были включены в "основное течение". "Концепция трансакционных издержек не была инкорпорирована в общую теорию... Для этого были две причины. Во-первых, инкорпорирование трансакционных издержек в стандартную экономическую теорию, основанную на предположении, что они равны нулю, было бы очень трудно, и экономисты, которые, как и большинство ученых, как нас называет Томас Кун, крайне консервативны в своих методах, даже не пытались это сделать. Во-вторых, ...хотя я был прав, делая выбор между организацией внутрифирменной деятельности и рынком центральным пунктом своего анализа, я не указал те факторы, которые определили выход на этот выбор, что делает трудным для других выстраивание того, что часто определяется как "фундаментальная основа"¹⁶.

При товарном производстве соотношение видов издержек, связанных с принятием и выполнением хозяйственных решений, постепенно, но неуклонно менялось. Во-первых, период принятия решения - это, естественно, прямой вычет из общего фонда времени труда и, следовательно, вычет из времени непосредственного процесса производства материальных благ. Поэтому принцип экономии в полной мере распространяется и на время физического (точнее - исполнительного) труда, и на время умственного труда (точнее - подготовки и принятия решений) в рамках деятельности первого типа (целевой). Но экономия времени имеет свою цену - увеличение материальных издержек. Исторически более ранняя форма этого - недоиспользование части ресурсов (либо прямо в виде неполной загруженности производственных мощностей, либо косвенно - в виде нереализованной части произведенной продукции). Этот вид издержек, сопровождающий принятие хозяйственных решений, был типичным на той стадии становления товарного производства, когда акт обмена в основном происходил после окончания производства продукции. В последующем по мере все большего сдвига договорных отношений на этап формирования производственной программы издержки этого вида дополнились (и отчасти заменились) материальными затратами непосредственно в процессе выработки и согласования хозяйственных решений.

С развитием автоматизированных систем управления вопрос о мере его централизации, о вертикальном и горизонтальном делегировании права принятия хозяйственных решений рассматривается как вполне технический вопрос, подчиненный критериям экономической целесообразности. (Это становится особенно ясным, когда распределением конкретных функций управления, в том числе распределения ресурсов, определения очередности доступа к ним и т.д., начинают заниматься как своим собственным делом специалисты по вычислительной технике.) Изживание иллюзий о дешевизне централизованного распределения ресурсов по сравнению с расточительностью рыночной стихии, идеологическом (а не чисто техническом) противопоставлении разных типов управления (по опережающим или запаздывающим обратным связям) - все это, по-видимому, стало неизбежным только сейчас, на основе и нашего собственного опыта руководства экономикой, и опыта других, развитых в экономическом отношении стран, и появления экономической кибернетики, в рамках которой начала разрабатываться теория принятия хозяйственных решений.

Наконец, в непосредственно общественном производстве структура издержек, связан-

¹⁶ См. Coase R. The institutional structure of production. The American Economic Review. September 1992. vol 82. N4. P.714.

ных с принятием управленческих решений, может измениться довольно сильно, если судить по тенденциям, которые наблюдаются уже сейчас. Продолжительность времени принятия решений, затрагивающих жизненные интересы человечества в целом, перестает быть определяющим фактором не только благодаря развитию средств связи и обработки информации, но, главное, из-за важности самих решений. Материальные затраты, связанные с принятием решений, при этом тоже отходят на второй план (отчасти из-за значительного их снижения в расчете на одну операцию по обработке информации), а вопрос об упущенных выгодах, вообще говоря, теряет самостоятельный смысл. Как известно, всякий выбор одного направления развития есть тем самым отказ от других направлений, и как бы высоко ни было развито общество, сфера возможного всегда будет больше, чем сфера реализованного. Собственно, именно такой "рост" возможностей и составляет самоцель развития, о котором речь шла во второй главе.

Выше говорилось об издержках, связанных с принятием отдельных решений, а теперь коротко рассмотрим издержки, связанные с согласованием решений. Такое согласование происходит и в рамках отдельных носителей, и в рамках общества (т.е. между носителями), однако в любом случае нас интересуют издержки, которые при этом несет общество в целом. Как и индивидуальные издержки, они будут рассматриваться применительно к разным типам соединения производительных и потребительных сил.

При натуральном типе хозяйствования, строго говоря, согласование решений в рамках общества в целом отсутствует, отдельные носители (например, общины) не обмениваются информацией о своих хозяйственных намерениях, а потому и нет издержек, прямо связанных с их согласованием. Такие издержки могут появляться позднее, в процессе реализации хозяйственных решений. Например, если водой реки последовательно пользуются разные хозяйствующие субъекты, расположенные выше и ниже по ее течению, то ясно, что решения одних могут сильно сказываться на жизни других, делая ее иной раз просто невозможной. Но хуже другое. Отсутствие согласования решений, вполне естественное при традиционном натуральном хозяйствовании, перерастает в псевдосогласование, в обмен преднамеренной дезинформацией о хозяйственных возможностях и намерениях при попытках пользоваться административно-командными методами, ведущими родословную еще от азиатского способа производства, отличающегося высокой степенью изолированности, натуральности производства в рамках отдельных общин.

Как известно, дезинформация о фактически проделанной работе, приписки в статистической отчетности - это одно из зол административных методов управления экономикой, с которым так или иначе идет борьба, включая санкции, предусмотренные законом в отношении нарушителей. Однако при этих методах управления в гораздо больших объемах процветает дезинформация в процессе согласования проектов планов всех уровней, дезинформация, не только не наказуемая, но практически не поддающаяся сколько-нибудь полному выявлению (хотя бы потому, что, говоря языком кибернетики, разнообразие регулятора значительно уступает разнообразию регулируемого). Именно на эту проблему натолкнулись в 70-е гг. при построении автоматизированных систем плановых расчетов на различных уровнях управления.

"Двойная бухгалтерия", передача "наверх" не той информации, которая пришла "снизу" и используется на своем уровне, а той, которая нужна для специфического "управления снизу", - все это требует и ресурсов, и времени, выхолащивая суть автоматизации обмена плановой информацией, на которую лет двадцать назад возлагались такие большие надежды. По сути дела, именно эти технократические надежды конца 60-х - начала 70-х гг. во многом снижали интерес к радикальным изменениям методов управления экономикой. О том, как-вы общественные издержки отсутствия реального согласования решений в условиях всеобщей дезинформации о возможностях и намерениях, вероятно, можно будет судить лишь после того, как такая дезинформация прекратится или хотя бы значительно сократится.

При товарном производстве обязательно происходит реальное согласование хозяйственных решений различных носителей, но оно ограничено отдельными договорами, а потому чревато противоречием между необходимостью соблюдать договор, несмотря ни на что ("уговор дороже денег", "давши слово - держись", к этой же серии относится и выражение "план - любой ценой"), и отказаться от него в изменяющихся условиях жизни. Разумеется, при товарном типе соединения производительных и потребительных сил далеко не все хозяйственные решения согласовываются между носителями, не вся информация о возможностях сообщается друг другу. В этом смысле коммерческая тайна составляет такую же неотъемлемую особенность хозяйственной жизни при товарном производстве, как отсутствие информации, дезинформация, "скрытые ресурсы" - при натуральном хозяйстве и производных от него административных методах. По мере развития производительных сил, разворачивания перехода их от второй, машинной, к третьей технологической ступени, указанное противоречие договорной формы согласования решений становится все более острым. С одной стороны, при автоматизированных средствах обмена информацией все трудней становится охранять коммерческие тайны (в частности, появляется "электронная преступность"). С другой стороны, рост обобществления производства на деле требует все более гибких форм учета отдаленных последствий, оперативного внесения уточнений, изменений в ранее принятые решения, вплоть до их полной отмены, не дожидаясь завершения реализации.

При развитом непосредственно общественном производстве, по-видимому, ни одно хозяйственное решение не будет рассматриваться как окончательное, "плановый фетишизм" ему будет не свойствен в отличие от нашей практики. Конечно, всякий пересмотр решений означает обесценивание части уже произведенных затрат как на его принятие, так и начало его реализации, их потерю для общества. Но это неизбежная плата, в частности, за недостаточную информацию в момент принятия первоначального решения, неполноту знаний о возможных последствиях (скажем, из-за недостаточного развития науки), о внешних изменениях. Единственный способ сократить такие общественные издержки (совсем их ликвидировать невозможно) - больше внимания уделять развитию науки. В связи с этим надо бы весьма критически относиться к такому вроде бы очевидному принципу, как доведение до конца всякого начатого дела. Некритический (метафизический) перенос этого в общем-то неплохого в домашнем обиходе принципа на уровень общества в целом может быть причиной больших и неоправданных издержек хозяйствования.

3. Развитие связей монополии хозяйствования и монополии присвоения

Как известно, термины "монополия хозяйствования" и "монополия собственности, присвоения" широко использовал К.Маркс в III томе "Капитала" при анализе земельной аренды и ренты. Сейчас они вновь обрели популярность, но уже применительно к отношениям в нашей экономике, и даже были зафиксированы в нескольких странах в официальных документах, отражавших концепции их экономических реформ до 1989 г. Ключевым моментом указанных концепций является разделение этих монополий по отношению к одним и тем же объектам между разными субъектами и, соответственно, возникновение между ними отношений аренды (и ренты).

В западной экономической науке на важность рассмотрения этих видов монополий впервые обратил внимание Р.Коуз около 30 лет назад в статье "Проблемы социальных издержек". В отличие от упоминавшейся выше его статьи 1937 года о трансакционных издержках, эта стала одним из крупнейших событий в науке во многом потому, что она вполне вписывалась в "основное течение", исходила из нулевых трансакционных издержек. Основная идея статьи состояла в том, что эффект использования прав собственности при нулевых трансакционных издержках не зависит от их первоначального распределения. Формализация этой идеи, осуществленная Г.Стиглером, стала знаменитой теоремой Коуза, вошедшей во все западные учебники по экономической теории.

Сам Р.Коуз считает, что только при совместном учете обеих его идей - и трансакци-

онных издержек и рынка прав пользования ("пучка прав собственности") - можно приблизиться к пониманию реальной жизни, например, того, что сейчас происходит в странах Восточной Европы¹⁷. В целом это требует рассмотрения одновременно и правовой и экономической систем, чем экономическая наука пока не занималась. "Кончается время, когда экономисты могли скрупулезно изучать двух индивидов, меняющих на опушке леса орехи на ягоды, и при этом считать, что их анализ обмена полон и выглядит вполне респектабельно. Процесс заключения сделок нуждается в изучении в реальной терминологии"¹⁸.

Несмотря на то, что монополии хозяйствования и присвоения обсуждаются уже сравнительно давно, далеко не все аспекты их связей проанализированы достаточно полно, а некоторые из них, возможно, даже не поставлены. К недостаточно проработанным (или, точнее, неоднозначно трактуемым) относится, в частности, вопрос о характере собственности на рабочую силу. Еще менее разработан с точки зрения разделения монополий собственности и хозяйствования обмен результатами производства. Кроме того, имеются вопросы более общего характера, относящиеся к хозяйствованию и присвоению как характеристикам человеческой деятельности, пока что практически не разработанные в нашей экономической литературе.

Прежде всего отметим, что указанные характеристики весьма различаются в зависимости от типа деятельности. Так, при описании деятельности второго типа - "овнешняющей" - вообще не используется термин "хозяйствование". Обычно философы говорят о присвоении индивидом культуры, накопленной человечеством, о его качественном изменении, развитии в процессе этого присвоения. Отмечают также активный творческий характер этого присвоения, которое практически неотделимо от преобразующей деятельности самого присваивающего культуру человека. Что же касается деятельности первого типа - целевой, - то появление в ее результате определенных внешних предметов, предназначенных для потребления и обладающих собственным, относительно самостоятельным существованием, дает возможность разделять во времени и пространстве (и между субъектами) хозяйствование и присвоение. Собственно, именно с такой предметной определенностью результата целесообразной деятельности К.Маркс связывал и распределение: "Но в обществе отношение производителя к продукту, когда он уже изготовлен, чисто внешнее, и возвращение продукта к субъекту зависит от отношения последнего к другим индивидам... Между производителем и продуктом встает распределение, которое при помощи общественных законов определяет его долю в мире продуктов"¹⁹. Заметим попутно, что такая деятельность не всегда ведет именно к экзистентным изменениям предметов. Например, услуги транспорта ведут лишь к целесообразным относительным изменениям, которые, естественно, не могут сами по себе распределяться, обмениваться, что и предопределяет специфику услуг как сферы воспроизводства. В этом случае распределению поддаются лишь предметные условия такой деятельности, а не их результаты.

Мы, экономисты, до такой степени привыкли иметь дело с целевой деятельностью, что практически полностью игнорируем "овнешняющую" деятельность. Между тем уже в рамках товарного производства происходит постепенное, но неуклонное замещение одного типа деятельности другим, которое заканчивается полным преобладанием саморазвития в структуре деятельности людей при непосредственно общественном воспроизводстве жизни общества. По сути дела, мы пытаемся осмыслить явления эволюции хозяйствования, составляющие начало уже третьего технологического этапа, пользуясь философским багажом, более или менее соответствовавшим лишь первому технологическому этапу, господству целевой деятельности, направленной на производство предметов потребления, поддержание су-

¹⁷ Op. cit. P.718.

¹⁸ Op. cit.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.I. С.30-31.

ществования самих носителей жизни.

Другой стороной субъектного аспекта воспроизводства является характер взаимного отражения, рефлексии хозяйствования и присвоения, их обратной связи. В начале этой главы такие связи уже рассматривались применительно к производительным и потребительным силам носителей жизни. Здесь они фактически переносятся на пару "хозяйствование - присвоение" так, как если бы производство было синонимом (или аналогом) хозяйствования, а потребление - присвоения. Но это не совсем так. Производство и потребление характеризуют материальные процессы с точки зрения жизни вещей, а хозяйствование и присвоение характеризуют те же процессы с точки зрения жизни людей.

Хозяйствование - это внесение субъектом изменений во внешние предметы (производство изменений), которое в равной мере относится ко всем типам изменений (включая экзистентные - и производство внешних предметов, и их потребление). А реальное присвоение предметов - это количественные и качественные изменения самого субъекта, его тела вследствие изменений внешних предметов. (Изменяя внешнюю природу, человек изменяется сам²⁰).

Наряду с тождеством производства предметов и их потребления как односторонних характеристик одних и тех же материальных процессов вообще, существует и тождество хозяйствования и присвоения как односторонних характеристик жизни людей ("производство есть присвоение индивидом предметов природы..."²¹).

В то же время наряду с противоположностью производства и потребления как начального и конечного этапов жизни каждого отдельного предмета, существует и противоположность между хозяйствованием и присвоением как начальным и конечным пунктами определенных причинно-следственных связей изменений внешних предметов. ("...в мировой цепи механической причинности включены звенья абсолютно-индивидуального характера, благодаря которым в данных точках мировая причинность преломляется по-новому"²²). В гл. 2 уже отмечалось, что спонтанность человека, его самостоятельность является источником появления определенных изменений, их конечной причиной, в которую упирается научное исследование временных связей предметов при движении "влево" по шкале времени. Поэтому мы и говорим о специфической производительной силе человека, ведущей родословную от спонтанных явлений в непредметных формах существования материи. На этом же самом основании (самостоятельности, самодействия индивидов) можно говорить и о присвоении предметов как конечном следствии, в которое упирается то же самое исследование временных связей при движении "вправо". Разумеется, потребление, скажем, какого-то определенного куска хлеба есть производство тела определенного человека, но какие именно изменения этот человек будет осуществлять в дальнейшем, как будет жить дальше, это, вообще говоря, не детерминируется непосредственно предшествующим присвоением упомянутого куска хлеба.

Все это и позволяет проводить определенные аналогии между связями производительных и потребительных сил, с одной стороны, и связями хозяйствования и конечного присвоения - с другой. Разумеется, за пределами этой аналогии остается специфика рефлексии, связанная с "устройством" самих носителей жизни. Так, при традиционном натуральном хозяйстве предметная замкнутость связей, изолированность от других носителей жизни усугубляется сравнительно узким набором орудий труда, технологий, используемых для производства и потребления необходимых предметов и являющихся основным средством взаимных отражений внутренних и внешних изменений. Это сводит почти на нет самостоятельность индивидов, приближает их деятельность к простой бихевиористской схеме "стимул -

²⁰ Там же. Т.23. С.188.

²¹ Там же. Т.46. Ч.I. С.23.

²² Булгаков С.Н. Философия хозяйства. С.215.

реакция" ($S \rightarrow R$). При товарном производстве широта рефлексивных связей с другими носителями дополняется большим разнообразием возможностей соединения с различными орудиями труда, участия в производстве материальных благ. Это, естественно, удаляет рефлексию от простой схемы $S \rightarrow R$, но только в количественном отношении, за счет ее усложнения, поскольку сохраняется непосредственная зависимость продолжения существования носителя от его действий, их согласованности с внешними изменениями, подчиненности им. Только при непосредственно общественном производстве прямые связи ограничены лишь способностями индивидов к их установлению и не привязаны к необходимости поддерживать их собственное существование как предметов.

Эта рефлексивная сторона связей хозяйствования и присвоения составляет существенную особенность жизни человека. Она ни в коей мере не входит в состав "надстройки" общества, а присутствует во всех проявлениях человеческих сил в процессе воспроизводства его жизни.

Не случайно К.Маркс рассмотрел вопрос об особенностях рефлексии при товарном производстве в первой же главе I тома "Капитала", говорил об отношении товара к самому себе и к другим товарам, о таких же отношениях капитала. Причем начинал он всегда с саморефлексивного отношения, а отношения между разными предметами представлял как форму проявления этого отношения (например, в отношении обмена двух товаров обнаруживается внутреннее отношение собственных сторон каждого товара в отдельности - чувственно воспринимаемых свойств и сверхчувственной стоимости, конкретного и абстрактного труда).

Следующий аспект хозяйствования и присвоения связан уже не с носителями, субъектами, а с объектами (внешними предметами) и управлением изменениями, которые с ними происходят. Следуя традиции, среди этих предметов можно выделить условия производства (средства производства, рабочую силу и естественные условия) и его результаты, а изменениями является сам процесс производства. Как уже отмечалось, именно по отношению к предметам можно говорить об отделении монополии хозяйствования от монополии присвоения, в то время как по отношению к процессам такого отделения провести нельзя. Когда мы говорим о единстве воли, об авторитете и единоначалии на производстве, речь идет именно о такой слитности хозяйствования и присвоения, ограниченной во времени длительностью непосредственных процессов производства внешних предметов (материальных благ) и не имеющей, по сути дела, собственно человеческого содержания. За пределами этих естественных (физических, химических, биологических) процессов вполне возможно (а при товарном типе связей и (или) эксплуатации и неизбежно) разделение монополий хозяйствования и присвоения.

Характер такого разделения тоже является самостоятельным аспектом рассмотрения хозяйствования и присвоения. Он, по-видимому, может различаться как добровольный и принудительный. Разумеется, в рамках "царства необходимости" сама необходимость присвоения принуждает к хозяйствованию, к труду как средству жизни. Тем не менее и здесь есть разница между принуждением к хозяйствованию на уровне жизни общества в целом и тем, как эта необходимость проявляется в жизни отдельных его членов. При натуральном хозяйствовании вынос предметов за его пределы имеет, как правило, принудительный характер, обеспечивается так называемыми внеэкономическими (точнее - доэкономическими), насильственными методами. Как известно, они имели самое широкое применение во все времена. При товарном производстве (точнее, при обмене) передача монополии хозяйствования при сохранении монополии присвоения за счет получения эквивалента стоимости имеет добровольный характер. Известно также, что отношения эксплуатации человека человеком не связаны прямо с характером передачи монополии хозяйствования и монополии присвоения. Существуют как принудительные (докапиталистические), так и добровольные по форме (капиталистические) формы эксплуатации. К сожалению, и в нашей стране есть не

только добровольные, но и принудительные, добуржуазные связи хозяйствования и присвоения. Более того, только сейчас предпринимаются попытки преодолеть господствующее положение принудительных связей, перейти от приказных к договорным формам разделения монополий хозяйствования и присвоения, к правовому государству (не забыть бы только при этом замечание К.Маркса, что кулачное право тоже есть право, и что право сильного в другой форме продолжает существовать так же и в правовом государстве²³. Не забыть бы и о том, что гражданское общество - это точка зрения старого материализма, а "точка зрения нового материализма есть человеческое общество, или обобществившееся человечество")²⁴.

Существует также и временной аспект монополии хозяйствования и монополии присвоения. О нем отчасти уже говорилось, когда рассматривался процесс производства. Сейчас же речь пойдет о предметах - условиях и результатах производства. Что касается монополии присвоения, то она может быть передана только "на постоянно", необратимо (если, конечно, сам процесс присвоения реально происходит и соответствующий предмет потребляется, исчезает). Такая передача монополии присвоения характерна для результатов производства, особенно предметов однократного пользования (предметов труда, быстроизнашивающегося инвентаря, пищевых продуктов). Что же касается рабочей силы, то реальная передача ее присвоения происходит только при рабовладении. Во всех других случаях передается только монополия хозяйствования (например, при феодальной барщине, капиталистическом найме рабочей силы, некоторых формах применения рабочей силы у нас) и только на время. Естественные условия производства тоже могут передаваться другим носителям на время (с отделением монополии хозяйствования от монополии присвоения) или насовсем.

Далее, передачи монополий могут быть связанными и несвязанными. Как правило, в первом случае речь идет о двусторонних, а не о многосторонних рефлексивных связях. Их типичными примерами являются обмен (однократная взаимная передача монополий хозяйствования и реального присвоения предметов при сохранении монополий на них как на источники средств существования определенной величины - симметричная рефлексия жизни и деятельности носителей) и арендно-рентные отношения (временная передача монополии хозяйствования на то или иное условие производства - при встречной передаче монополий на другие предметы - асимметричная рефлексия).

Во втором случае - при несвязанных передачах - типичными примерами являются дарение и передача в безвозмездное пользование (например, беспроцентный кредит в кассах взаимной помощи), а также налоги и дотации. Естественно, что в хозяйственной жизни преобладают связанные, возмездные передачи монополий хозяйствования и присвоения, однако в последнее время в развитых странах наблюдается заметное оживление и формально не связанных передач, что во многом объясняется расширением вложений в человека как ведущего фактора производства в условиях НТР.

Наконец, монополии хозяйствования и присвоения могут различаться по их по степени - полная, частичная, отсутствие монополии.

Если иметь в виду орудия труда, то монополия хозяйствования является практически полной при ручных орудиях труда (нельзя ведь, например, двум разным людям одновременно рубить одним топором разные деревья), частичной - при машинных средствах труда (здесь преобладает коллективное участие в производстве, высокая степень согласованности хозяйственных решений, принимаемых отдельными участниками) и практически отсутствует она при интегрированных системах хранения, обработки и использования информации (что несколько парадоксально проявляется в развитии "компьютерной преступности").

Если иметь в виду результаты труда, то о полной монополии хозяйствования можно говорить при натуральном производстве (собственно, только здесь хозяйствующий субъект

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.I. С.24.

²⁴ Там же. Т.3. С. 4.

делает то, что сам считает нужным, поскольку сам же является и потребителем), о частичной - при товарном производстве (так как при этом хозяйствующий субъект с самого начала ориентируется на рыночный спрос или прямо выполняет чей-то конкретный заказ, ограничивая свою монополию лишь так называемой "оперативно-хозяйственной" самостоятельностью) и отсутствует монополия на результаты труда при непосредственно общественном производстве.

Точно так же монополия присвоения субъектами присвоения является полной, когда предмет потребляется полностью (например, каждый отдельно взятый кусок хлеба может быть съеден только одним человеком), частичной - когда возможно одновременное использование предмета ограниченным количеством потребителей (например, площадь производственного или жилого помещения) и отсутствует, когда число пользователей предметом в принципе не может быть ограничено (практически это относится ко всем достижениям культуры как всеобщему достоянию человеческого рода, которым в принципе может пользоваться любой человек).

По отношению к предметам присвоения тоже можно говорить о полной монополии их присвоения (все тот же кусок хлеба может быть съеден только один раз), о частичной монополии (помещением обычно пользуются многократно в течение всего срока его существования) и об отсутствии монополии присвоения (однажды достигнутое завоевание культуры, как правило, продолжает существовать неограниченно долго). В таблице 4.2 сведены все описанные выше аспекты монополий хозяйствования и присвоения. Для перехода к следующей главе рассмотрим некоторые ключевые комбинации элементов этой таблицы.

На схеме 4.2 эти комбинации приведены в общем виде на примере двух субъектов. Впрочем, сразу надо сказать, что субъект на этой схеме - величина переменная. В зависимости от варианта комбинации она может принимать самые разные значения.

Таблица 4.2.

I. По типу деятельности	а) в рамках деятельности первого типа (целесообразной) б) в рамках деятельности второго типа (овнешнение)
II. По типу связи хозяйствования и присвоения	а) Внутрисубъектные б) Межсубъектные
III. В рамках деятельности первого типа	
1. По объекту	– условия производства (предметы) а) средства производства б) рабочая сила в) естественные условия
2. По характеру*	– процесс производства – результат производства – добровольные (свободные) – принудительные
3. По времени*	– постоянные (необратимые) – временные (обратимые)
4. По степени связанности*	– не связанные (безвозмездные не рефлексивные) – связанные (возмездные рефлексивные, в т.ч. симметричные, асимметричные)
5. По степени полноты*	– полная монополия (натуральное хозяйство) – частичная монополия (рыночная экономика) – отсутствие монополии (непосредственно общественное производство)

* Указанная характеристика относится только к межсубъектным связям хозяйствования и присвоения

В простейшем случае, при строго натуральном хозяйстве средняя часть схемы как бы отсутствует, и субъекты представляют собой изолированные общины (или страны, общества). Естественно, что при этом имеется связь только между деятельностью локальной общ-

ности в процессе производства предметов (производство "второго рода" на схеме не отражено) и ее жизнью, присвоением этих предметов либо как средств производства, либо как предметов потребления. Исторический опыт показал, что такая изолированная рефлексия отличается высокой степенью иллюзорности практически независимо от уровня развития производительных сил. Не вдаваясь в подробности иллюзий первобытных общин (может быть, наиболее характерной из них является тотем как овеществленное представление о единстве общины, ее членов), отметим, что в нашей практике хозяйствования очень долго и устойчиво держалась иллюзия о возможности научного обоснования системы цен, формируемой в централизованном порядке.

Чуть более сложный случай включает обмен как симметричную предметную рефлексию жизни. В этой главе уже отмечалось, что такая рефлексия крайне затруднена практически, когда широк круг одновременно обмениваемых предметов. И общины (как первобытные, так и современные - в Африке, например), и государства (как, например, до недавнего времени в рамках Совета Экономической Взаимопомощи) не имеют объективных основ для обоснования пропорций такого бартерного обмена. Самое большее, что при этом достигается - взаимность выгоды, но отнюдь не ее равенство. Это обстоятельство делает обмен лишь формально первой комбинацией связи монополий хозяйствования и присвоения разных носителей. Однако обмен дарами, широко распространившийся в рамках т.н. престижной экономики древности, способствовал разложению первобытных общин, появлению среди их членов собственников условий производства и их арендаторов.

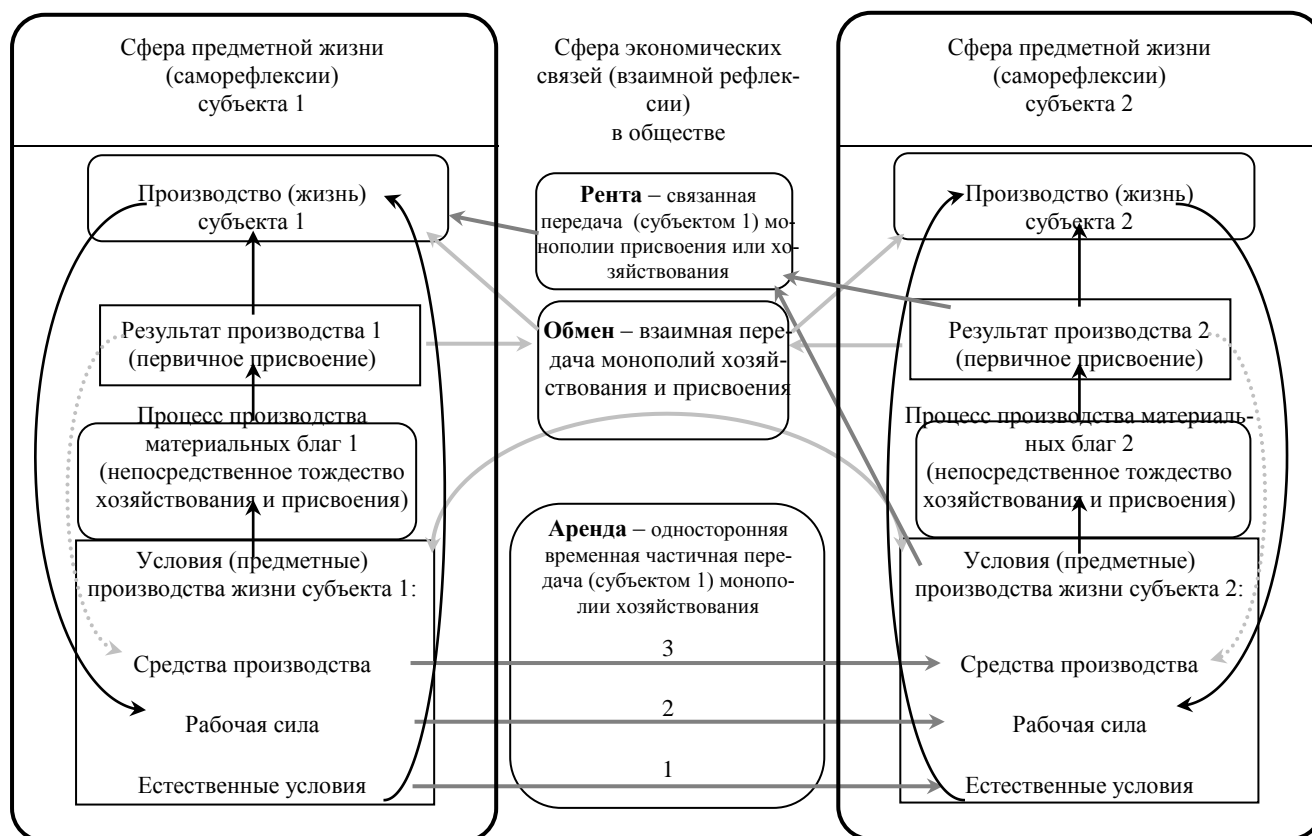

Схема 4.2. Основные связи монополии хозяйствования и монополии присвоения

Впервые действительно реальные, устойчивые, а не случайные (не случайно простую форму стоимости К.Маркс называл также случайной) воспроизводственные связи разных носителей жизни возникают и развиваются как асимметричные отношения аренды естественных условий производства, прежде всего земли. При этом монополия хозяйствования (ча-

стично или на всю землю) передается земельным собственником (распорядителем) реальным производителям - субъектам хозяйствования - "в обмен" на ренту в форме различные предметов, действий или их комбинаций. В роли носителей и с той и с другой стороны при этом выступают самые разные исторические субъекты (общины, семьи, отдельные личности и др.) производства.

Слово "обмен" рядом с рентой в предпоследнем предложении поставлено в кавычки не случайно. Дело в том, что в экономической литературе отсутствует устойчивая трактовка возмездности как более общей категории по отношению к цене и ренте - принципиально различным реальным формам связи монополии хозяйствования и монополии присвоения разных носителей. Если применительно к цене еще можно говорить о наличии или отсутствии эквивалентности, равенства, то применительно к ренте об эквивалентности в принципе говорить нельзя независимо от того, что является предметом аренды и в какой именно форме выплачивается рента (скажем, при аренде земли рента принимала и отработочную, и продуктовую, и денежную форму как разновидность продуктовой - словом, все, кроме самой земли, мог получать ее владелец за ее временное отчуждение в пользование производителю).

Как отмечал еще А.Смит, невозможно установить какую-либо связь между размером ренты и тем, что необходимо ее получателю для жизни. (Он писал: "земельная рента, рассматриваемая как плата за пользование землей, естественно, представляет собой монопольную цену. Она не стоит ни в каком решительно соответствии с тем, что землевладелец затратил на улучшение земли или чем он мог бы довольствоваться; она определяется тем, что фермер в состоянии платить за землю"²⁵). В принципе он может получать (и, как правило, получает) все, кроме необходимого арендатору для его жизни (для крестьянина - это необходимый продукт, для капиталиста - средняя норма прибыли на вложенный капитал). Естественно, ни о какой симметрии рефлексии хозяйствования и присвоения при этом говорить не приходится. Зависть крестьянина-арендатора к уровню жизни собственника земли может выплеснуться в "красном петухе", но не в постройке у себя такой же усадьбы, капиталист-арендатор же больше интересуется собственным доходом и его относительным уровнем (на вложенный капитал) по сравнению с доходами других представителей его же класса.

Именно с отделения монополии хозяйствования на землю от монополии ее присвоения начинается разложение полных монополий присвоения и хозяйствования еще в рамках преобладания натурального хозяйства. Ведь собственник земли передает ее во временное пользование лишь на определенных условиях, в которые входит не только размер и формы ренты, т.е. моменты, относящиеся к монополии присвоения, но и моменты, относящиеся к хозяйствованию. Простейшим из них является возврат арендуемого участка в том виде, в каком он был взят, т.е. запрет на ухудшение полезных качеств земли как условия производства. Поэтому в такой ситуации для непосредственного производителя и хозяйствование, и присвоение его результатов становятся уже только частично монопольными.

Как известно, впервые эта ситуация была научно проанализирована только на примере капиталистической аренды земли, но тут она представляется (К.Марксом) как рудимент прошлого, вторичное производственное отношение, поскольку при капитализме землевладелец выступает как вторичный получатель части прибавочной стоимости, как косвенный эксплуататор рабочих. Для всех же предшествующих форм эксплуататорских обществ именно условия отделения монополии хозяйствования от монополии собственности на землю являются ключевым вопросом воспроизводства материальной жизни, главной сферой конкуренции различных ее носителей, что и позволяет объединить их в особый тип эксплуатации наряду с капитализмом, а не только выстраивать их вместе с капитализмом в однородный ряд сменяющих друг друга эпох экономической общественной формации.

²⁵ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С.121 (курсив мой для иллюстрации отождествления цены и ренты. - Л.Г.).

Если окинуть взглядом с птичьего полета эволюцию типов носителей этих антагонистических отношений по поводу монополий хозяйствования и присвоения земли, то можно отметить устойчивую линию перехода от локальных, доличностных первобытнообщинных форм к единичному уровню предметности, П -> Е-переход носителей этих отношений (от отношений общин - например, спартанцев и илотов - к отношениям индивидов) с некоторым опережением этого перехода на стороне носителей-собственников. Разумеется, это не случайно, а закономерно при преобладании ручных орудий труда, однако нас сейчас интересует естественный побочный результат этой линии перехода, - значительный рост количества автономных носителей жизни как условия "объективизации" товарно-денежных отношений (т.е. значительного превышения количества участников отношений обмена над количеством видов обмениваемых предметов, независимости отдельных пропорций обмена от воли и желания каждого участника в отдельности). При этом у реальных производителей продолжало сохраняться совмещение монополии хозяйствования и монополии собственности на условия производства: рабочую силу и орудия труда, что также способствовало развитию товарно-денежной формы рефлексии их деятельности и уровня жизни, симметричного взаимного отчуждения монополий хозяйствования (точнее, добровольной возмездной постоянной передачи этой монополии) на результаты самостоятельного производства - предметы потребления и средства производства.

Второе крупное асимметричное отделение монополии хозяйствования от монополии собственности - на рабочую силу как условие производства. В отличие от первого здесь в качестве эксплуататора выступает уже не собственник этого условия производства, а его арендатор, и, соответственно, эксплуатируемым является собственник рабочей силы, а не хозяйствующий субъект, организатор производственного процесса. Хотя в экономической литературе внимание больше уделяется величине ренты, получаемой собственником этого условия производства, сдаваемого в аренду (т.е. заработной плате), главным тут является все же другое - частичное отчуждение монополии хозяйствования, переход человека на положение "винтика", "дойной коровы", радикальное изменение всей системы его мотиваций, социальной психологии.

Обычно, говоря о разных классах, отмечается полярность положений рабочего и капиталиста и двойственное положение крестьянина - с одной стороны он труженик, с другой - мелкий собственник, носитель мелкобуржуазной психологии. Но на самом деле функции хозяйствования и присвоения выполняют субъекты всех перечисленных типов, причем минимальным собственником является наемный работник, которому нечего передавать в аренду для поддержания своей жизни, кроме собственной рабочей силы.

Как и в первом случае, асимметричность отношения не позволяет говорить о каком-либо подобии количественной эквивалентности связи аренды и ренты. Здесь тоже одна из сторон (только теперь уже не арендатор, а собственник) присваивает только то, что необходимо для ее воспроизводства, а другая присваивает все остальные результаты производства. Поэтому, вообще говоря, не надо тратить много слов на доказательство неэквивалентности отношений рабочего и капиталиста. Если аренда - это не обмен, то рабочая сила - не совсем товар, не подчиняется законам товарно-денежных отношений в такой же мере, как результаты производства. Еще в начале XX в. М.И.Туган-Барановский задавал вопрос: "Кто создает товар рабочая сила?"

Как известно, двойственный характер товара К.Маркс выводил из двойственного характера труда, создающего товар. Однако ему пришлось отступить от собственной теории двойственности при рассмотрении товара рабочая сила. Хотя К.Маркс и называл рабочую силу товаром особого рода, эту особость он связывал с его специфической потребительной стоимостью - создавать новую стоимость, причем большую, чем его собственная. Никаких указаний на конкретный труд, создающий этот товар, его потребительную стоимость, у К.Маркса нет, да и не может быть, поскольку рабочая сила не укладывается даже в самое

первое определение товара - быть внешним предметом, вещью.

Как же выйти из этого затруднения? Полагаем, что предложенное в гл. 2 понимание цикла как двухуровневой предметности и вытекающая из него двойственность процессов хозяйствования и присвоения позволяет естественным образом ввести двойственность не только результатов труда, но и условий производства. Любое условие производства, на которое возможна монополия присвоения, может использоваться для производства жизни двояко. Владелец этой монополии либо применяет это условие сам, либо передает монополию хозяйствования "в обмен" на ренту.

По аналогии с товаром-результатом можно говорить о производственной ценности и о рентной ценности таких условий производства. Однако в отличие от меновой ценности товара, которую, пусть косвенно, можно связать с временем живого труда, рентная ценность условия определяется тем результатом, который мог бы быть получен при хозяйствовании самого собственника. Кроме того, хотя реально в производстве действует комплекс условий, при определении ренты неизбежны вменение указанного результата отдельно взятому условию, высокая степень условности пропорций арендно-рентных отношений. Что в этих отношениях претендует на безусловность, так это минимальный уровень ренты, который должен обеспечивать существование собственника на период аренды. В наибольшей степени это относится к рабочей силе, поскольку с передачей ее в аренду собственник лишается возможности самостоятельно использовать другие, сопряженные условия производства.

Последовательное различие обмена и арендно-рентных отношений позволяет уточнить и логику трансформации самоэксплуатации в одностороннюю эксплуатацию. Взаимная эксплуатация, связанная с предметным разделением труда, к односторонней эксплуатации не ведет. Отношения обмена сами по себе не ведут к обогащению одних за счет разорения других. Уровень доходности отдельных хозяйств зависит главным образом от абсолютной эффективности самоэксплуатации, совершенства применяемых технологий. С этой точки зрения товарное производство ничем не отличается от натурального. Дополнительный риск, связанный с колебаниями рыночной конъюнктуры, страхуется, как и риск, связанный с природной стихией, а возможность смены производственной программы способствует восстановлению равновесия.

Иное дело взаимная эксплуатация, связанная с функциональным разделением труда. Несимметричность возникающих при этом отношений, отражающаяся и в несимметричности аренды и ренты, чревата частичной или даже полной трансформацией взаимной эксплуатации в одностороннюю. Например, выделение функции обеспечения безопасности производства жизни общества от посягательств со стороны соседей в деятельность военного сословия само по себе порождает лишь взаимную эксплуатацию. В мирное время военные "сидят на шее" у всех остальных, в военное - проливают свою кровь за них. Но соизмерить одно с другим невозможно. А поскольку именно профессиональные военные оценивают степень угрозы, у них есть все возможности поднять размер получаемой ренты гораздо выше уровня оборонной достаточности. За примерами в истории и современности далеко ходить не надо.

Взаимной эксплуатацией характеризуется и отношение найма рабочей силы, при котором функция хозяйствования передается нанимателю. Ведь вместе с ним передается не только право на результат хозяйствования, но и хозяйственный риск, обеспечение арендодателя рентой независимо от результатов. Отсюда не далеко и до иждивенческих настроений. В связи с этим хотелось бы отметить двухполюсность отношений односторонней эксплуатации. Появление паразитов в обществе возможно (и даже неизбежно) на обоих полюсах - и богатства, и бедности.

В первой главе уже задавались вопросы: почему К.Маркс не считал необходимым последовательно разделить два разных вида возмездных передач монополии хозяйствования? Почему он говорил о рабочей силе как о товаре, хотя это утверждение является избыточным? Почему он и ссудный процент называл ценой особого товара - денег как капитала - соб-

ственности, а не рентой за аренду денег как специфического условия производства? Хотя все тома "Капитала" он разрабатывал одновременно и понятия монополий хозяйствования и собственности (присвоения), как уже отмечалось, он широко и непосредственно использовал при анализе земельной ренты, но ведь он так и не окончил этот труд. Возможно, отчасти тут сказалось, во-первых, то, что капитал как специфическое отношение (по поводу использования рабочей силы как условия производства и средства обеспечения жизни) развивался на фоне товарного производства и, в свою очередь, способствовал его превращению в господствующую форму движения результатов производства предметов в обществе, и, во-вторых, договорный характер и тех и других отношений, денежная (как правило) форма ренты за аренду рабочей силы. Если докапиталистические эксплуататорские отношения в целом можно охарактеризовать как преимущественно натуральные (наличие самой связи "аренда - рента" лишало их последовательно-натурального характера и, вообще говоря, делало натуральность лишь исторически обусловленной, но не необходимой их чертой), то капиталистические последовательно не только вырастали как раз на товарной основе, но и постоянно воспроизводили ее как свою собственную.

А может быть, и в самом деле главная причина такой позиции К.Маркса лежит в незрелости самих капиталистических отношений периода свободной конкуренции, их реальной неполной отчужденности от товарной пуповины? Хотя и в то время бросалась в глаза разница между характером предложения рабочей силы на рынке труда в отличие от предложения других предметов, действительно воспроизводимых по законам товарного производства. Главное отличие - малая эластичность предложения по отношению к цене (точнее было бы сказать - предлагаемой ренте).

Что еще способствует смещению аренды с обменом применительно к рабочей силе, так это ее конкуренция с орудиями труда как альтернативным в определенной мере условием производства. И здесь нам опять не обойтись без учета человеческой деятельности второго типа, овнешняющей.

Как уже отмечалось, именно ее результатом являются орудия труда как овнешненные силы самого человека. Воспроизводство этих предметов как товаров в рамках деятельности первого типа сталкивает их и заменяемых ими работников, бросая тень товарности и на их способность к труду. Для капиталиста не имеет большого значения форма возмездности применяемых им условий производства. Главное - величина соответствующих издержек. И если в определенной рыночной ситуации дешевле покупать машины, чем платить арендную плату рабочим, то он предпочтет именно этот вариант. Правда, рост числа применяемых машин одного и того же вида (т.е. неизменное органическое строение капитала, экстенсивный рост) неизбежно ведет к пропорциональному росту спроса на рабочую силу и, следовательно, к росту ее цены, что меняет рыночную ситуацию на противоположную и, вообще говоря, ведет к колебаниям вокруг точки равновесия с периодом, зависящим от срока службы фондов. Причем колебания эти вполне могли бы быть затухающими, если бы не новые результаты овнешнения, позволяющие продолжать процесс замещения человека внешними предметами, живого труда овеществленным в процессе производства материальных благ.

По мере превращения деятельности второго типа, овнешнения, в неотъемлемый компонент расширенного капиталистического воспроизводства все более отчетливо начинают проявляться отличия его основного производственного отношения от чисто товарного. Дело не только в том, что деятельность работников творческого труда (ученых, конструкторов, да и просто рационализаторов) в общем-то не укладывается в рамки обычных товарно-денежных связей. Общее повышение требований к человеку как условию производства, прежде всего к уровню его общего развития, приводит к тому, что само его воспроизводство уже перестает быть сугубо частным делом индивидов, начинается обобществление воспроизводства второго рода за счет формирования системы обеспечения этого воспроизводства на безвозмездной основе. Причем сама жизнь, интерес самовозрастания капитала заставляют

уделять все больше внимания воспроизводству второго рода.

В этом отношении существует прямая преемственность капиталистического производства по отношению к товарному. Точно так же, как производитель старается учесть запросы потребителя, его нужды отнюдь не из любви к нему как человеку, как равному себе существу, а из собственной корысти, так и капиталистам все больше приходится идти на совершенствование воспроизводства второго рода отнюдь не из любви к обществу. Можно, видимо, говорить о том, что капитализм все более превращается в непосредственную эксплуатацию собственниками средств производства всего общества, а не только работников, прямо вступающих в отношения аренды своей рабочей силы.

Третье (оно же последнее) крупное отделение монополии собственности на условия производства от монополии хозяйствования (а в целом - четвертое отделение, если учитывать и обмен результатами) приходится на средства производства. Вообще-то оно началось при капитализме довольно давно. Именно о нем идет речь, когда капитал разделяется на капитал-собственность и капитал-функцию с соответствующим делением прибыли на ссудный процент и предпринимательский доход. Формально можно представить себе такую картину: предприниматель, не имея за душой ничего, никакой собственности, берет ссуду, арендует средства производства, рабочую силу, организует производство, из полученных результатов рассчитывается со всеми собственниками-арендодателями, а остаток кладет в карман и, при желании, повторяет все сначала. Возможно, так оно иногда и бывает. Но уж очень зависим такой предприниматель от собственников, очень уж неустойчив "остаток", на который он может претендовать. Поэтому гораздо более типичной является ситуация, когда преобладающая часть ресурсов принадлежит непосредственно функционирующему капиталу. Уровень самофинансирования - это один из важных индикаторов "здоровья" любой компании, ее самостоятельности в хозяйственной деятельности.

Можно сказать, что и прокат оборудования, лизинг, в том числе и на весь срок его службы, - это явление капиталистического хозяйствования, особенно широко распространенное в сфере наукоемкой техники.

Но можно сказать и больше - перевод средств производства в собственность государства отнюдь не ведет к изменению производственных отношений, воссоединению трудящихся с орудиями труда, даже если государство и считается рабоче-крестьянским или общественным. Ведь если средства производства переходят в собственность государства, а непосредственно соединяются с ними в процессе производства продолжают трудовые коллективы, то отношения между ними и обществом в целом по поводу средств производства - это в значительной степени как раз отношения аренды и ренты в ее политико-экономическом понимании (т.е. дохода, не связанного с непосредственной предпринимательской деятельностью), какие бы юридические формы она не принимала. (Встречающееся еще понимание ренты как отношения по поводу присвоения прибавочного продукта, во-первых, противоречит фактам докапиталистического прошлого, когда встречались случаи присвоения через ренту и части необходимого продукта, во-вторых, не поддается сколько-нибудь надежной эмпирической проверке из-за высокой подвижности границы между необходимым и прибавочным продуктом при капитализме, и, наконец, в-третьих, из-за рентного (не предпринимательского) характера присвоения необходимого продукта при наемном труде). По большей части адресные задания центральных органов по производству продукции и поставке ее (а также государственный заказ в том виде, в каком он до сих пор существовал) - это разновидность продуктовой ренты, а задания местных органов по выделению людей для оказания шефской помощи - разновидность отработочной ренты.

Конечно, между этими формами ренты и их феодальными предшественниками нет прямой аналогии. Оброк взимался помещиком без оплаты, а поставки осуществлялись в обмен на денежные средства, передаваемые по спущенным "сверху" нормативам (которые почему-то назывались ценами), и на дефицитные (точнее, фондируемые) материальные ресур-

сы, выделяемые тоже по нормативам "под план производства" (как бы производство из давальческого сырья, но даваемого не заказчиком, а "центром"). Барщина, как и оброк, была безвозмездной (собственно, она-то и была платой), а шефская помощь под конец стала вроде бы переводиться на договорные отношения. Фактически мы имели довольно причудливый симбиоз из аренды и обмена, в котором очень много путаницы и теоретической, и практической, в отличие от симбиоза обмена и аренды при обычном коммерческом кредите.

Представляется, что именно практика социальных преобразований в нашей стране показала необходимость достаточно последовательно проводить различие между арендой и обменом как разными формами возмездных отношений между собственниками условий производства и непосредственными производителями. Этот же практический опыт показывает некоторую аналогию эволюции форм аренды при феодализме и в недавнем прошлом у нас - от натуральных к денежным (вроде платы за фонды, за трудовые и природные ресурсы).

При последовательном проведении этого подхода надо и в доходе работника хозрасчетного предприятия различать два компонента: заработную плату как превращенную форму арендной платы (ренты) и долю остаточного дохода члена самостоятельно хозяйствующего коллектива. Тогда и для тарифной системы найдется свое законное (т.е. естественное) место, а сейчас она оказалась как бы в подвешенном состоянии.

Возможно, основной теоретический источник наших трудностей в хозяйственном строительстве состоял в метафизическом понимании преодоления разрыва между средствами производства и трудящимися, между собственностью (присвоением) и хозяйствованием. Ход мысли был такой. Капитализм отчуждает работника от средств производства (в этом его суть), а вслед за этим собственность - от хозяйствования. Социализм же за счет экспроприации капиталистической собственности на средства производства воссоединяет работников как членов общества со средствами производства. Само общество, как собственник этих средств, непосредственно является и их хозяином, приводит их в движение.

Нетрудно, однако, заметить, что этот ход мысли в точности соответствует психологии крестьянина, ведущего натуральное хозяйство, отличающееся полнотой обеих монополий (хозяйствования и присвоения) и их слитностью в одном субъекте. Следование этой психологии, на наш взгляд, - шаг назад от капитализма, а не вперед. Шаги же вперед отнюдь не ликвидируют завоеваний цивилизации, к которым относится и отделение собственности от хозяйствования.

Сама жизнь уже доказала, что не может быть полной монополии ни "центра", ни "мест", ни предприятий, ни индивидов. Все в той или иной степени выполняют и функции присвоения, и функции хозяйствования по отношению ко всем условиям производства, причем разнообразие сочетаний постоянно растет по мере втягивания в этот процесс деятельности второго вида - овнешнения, - для которой характерно сближение (если не слияние) присвоения и преобразования культурного наследия и практически полная отделенность собственности на результаты хозяйствования от самого процесса хозяйствования. Уже сейчас можно утверждать, что в будущем отделение собственности от хозяйствования еще более усилится, пока не будет достигнуто всеобщее понимание старой истины, о которой уже говорилось: действующий человек (индивид, человечество как совокупность сосуществующих людей) - не полновластный собственник, а только хозяин, более или менее рачительный, всего предметного богатства, естественного и культурного, доставшегося ему (им) в наследство от всех предков и передаваемого всем потомкам. Для понимания этой мысли, видимо, не грех еще раз вернуться к марксистской классике: "История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями"²⁶.

Можно привести и такой аргумент в обосновании фундаментальности, всеобщности

²⁶ Там же. Т.3. С.44-45.

отношений аренды. Присвоение есть процесс непрерывный, как непрерывно само существование человека, общества, человеческого рода. Прекращение присвоения, пусть даже пассивного, бессознательного, - это одновременно и прекращение существования. А хозяйствование всегда есть некий конкретный процесс, каждый раз имеющий начало и, особенно, конец, результат. Непрерывность и дискретность, их противоречивая взаимная связь - в самом общем виде можно обозначить соотношение присвоения и хозяйствования как процессов. Разумеется, бесполезно пытаться вывести из "диалектики непрерывности и дискретности" что-нибудь конструктивное для понимания взаимосвязи именно присвоения и хозяйствования. Отсутствие тождества этих процессов вполне достаточно для отношений аренды - пусть даже внутренних, саморефлексивных. В конце концов, только в виде саморефлексии и может осуществляться осознание каждым поколением своего отношения к человеческому роду в целом - отношения хозяина к собственнику, арендатора к арендодателю, если использовать современные термины далеко за пределами их формальной сферы применения.

* * *

В целом, проведенное в четвертой главе исследование, на наш взгляд, приводит к следующим выводам.

1. Рассмотрение производительных сил в паре с потребительными силами позволяет рассматривать на единой методологической основе самые разнообразные формы хозяйствования и присвоения, обеспечивает возможность "сквозной" систематизации экономических отношений.

2. Четкое онтологическое различие предметов и процессов, последовательно проводимое начиная со второй главы, позволяет существенно конкретизировать понимание обмена и аренды как не сводимых друг к другу типов возмездных отношений, чего пока не делается ни в "основном течении", ни в отечественной экономической теории.

3. Атрибутивный характер аренды как производственного отношения между субъектами разных уровней общественного воспроизводства, присутствующего во всех исторически сменявших друг друга формах экономической жизни.

В последней главе будет в довольно общей форме описана эволюция субъектных структур в экономике и развитие отношений конкуренции между субъектами (и отдельно взятого субъекта - с самим собой).

Глава 5. ОБОБЩЕННОЕ ОПИСАНИЕ ЭВОЛЮЦИИ И СОВРЕМЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЭКОНОМИКЕ

Вводные замечания

Строго говоря, тема, вынесенная в заголовок, в значительной мере уже рассмотрена в предыдущих главах, если ударение делать на слове эволюция. Здесь же ударение делается на слове человек. Поэтому представляется вполне логичным начать с описания совокупности субъектов воспроизводства, с ее различных структуризаций, известных из истории, а затем перейти к особенностям отношений между ними, вытекающим из различия структур. Поскольку хозяйствование и присвоение субъектов представляют собой проявления производительных и потребительных сил общества в целом, конкуренция этих сил (представляющая "истину конкуренции") выражается и в конкуренции субъектов.

1. Гуманитарная детерминация появления новых систем хозяйственных субъектов

Известно, что классификаций любой совокупности предметов, явлений существует столько, сколько выделено оснований классификации. Здесь мы ограничимся основанием, связанным с уровнем предметности субъекта воспроизводства (единичный, особенные и всеобщий) и типом производительной силы, определяющей характер присвоения предметов природы (ручной труд, машинное производство, автоматизированное производство). Второе основание является, по сути дела, производным от первого и задает его временную развертку. Кроме того, при классификации субъектов воспроизводства следовало бы учесть степень их участия в воспроизводстве первого и второго рода - производстве вещей и производстве людей (можно сказать и так: в производстве средств жизни и производстве самой жизни).

Естественно, что единичным субъектом воспроизводства является отдельно взятый человек, а всеобщим субъектом должен быть, по идее, человеческий род в целом. Именно отношения между двумя этими крайними субъектами должны быть гармоничными для того, чтобы процесс воспроизводства жизни общества протекал без эксцессов, без угрозы для существования самих субъектов. Но человеческого рода как реального всеобщего субъекта воспроизводства пока нет. Точнее, его существование происходит примерно в таких же формах, как и существование биологического вида, без управляющей рефлексии на уровне субъекта в целом (существование "в-себе", а не "для-себя"). До сравнительно недавнего времени отдельные страны можно было уподобить популяциям, поскольку исчезновение каждой из них в отдельности не влекло бы за собой исчезновение вида в целом. Продолжая эту аналогию, можно сказать, что совсем недавно СССР и США доказали, что вполне могут прожить друг без друга, без прямых экономических связей, даже в современном, во многом целостном, хотя и противоречивом, мире.

Фактически на разных этапах развития человечества имелись свои специфические всеобщие субъекты - племя, народ, нация. Именно таковы были исторически ограниченные рамки рефлексии, осознания индивидом себя в мире людей, себе подобных. Сравнительно немногие были способны выйти за эти границы, возвыситься до понимания общности всех людей. Во многих языках слово "человек" первоначально обозначало лишь представителей своего же племени. Остальные были как бы "не люди". Этот стереотип массового сознания первобытного общества оказался удивительно живучим, его проявления можно встретить на всех этапах писаной истории и, к сожалению, не только истории, но и современности, в том числе и в нашей стране, причем не только для "племени", но и для других, самых разных оснований деления всех на "мы" и "они".

Особенные уровни субъектов воспроизводства представлены прежде всего родами, общинами, семьями, юридическими лицами, государством и многообразными промежуточными и вторичными формами. Естественно, что все эти субъекты входят в составы различных структур. Например, род, родовая община является опосредующим звеном в системе "индивид - племя"; хозяйствующее государство, соседская община и большая семья - опо-

средующими в системе "индивид - народ"; юридические лица, правовое государство, малая (одно-двухпоколенная) семья - в системе "индивид - нация".

Вряд ли есть необходимость подробно комментировать, почему в предыдущем абзаце названы именно такие структуры. В них нет ничего нового (разве что разделение государства на хозяйствующее и правовое может вызвать вопросы, ответы на которые можно найти с учетом проводимой у нас работы по формированию правового государства). Что-то новое мы попытаемся показать при анализе этих структур под углом взаимодействия производств первого и второго рода, а также хозяйствования и присвоения.

В родоплеменной структуре, как исходной, существует весьма высокая степень интегрированности всех процессов воспроизводства. Тем не менее, можно сказать, что воспроизводство людей происходит только в рамках всего племени за счет обязательного межродового движения людей, а производство вещей - главным образом в рамках родовых общин. Естественно, что непосредственная жизнь каждого человека при этом происходит в рамках определенного рода. Но культурные ценности, которые он при этом осваивает, которыми руководствуется в жизни, - это ценности именно племени как целого, а не рода. Племя выступает и в качестве всеобщего субъекта присвоения территории, жизненного пространства, хотя реальное хозяйствование, освоение этой территории осуществляют отдельные роды - каждый свою, ограниченную ее часть.

Индивид при этом оказывается скованным двумя видами оков - и родовыми, и племенными. Во-первых, он не может существовать вне рода, не может самостоятельно произвести все средства своего существования (а потому изгнание было самым тяжелым видом наказания). Это ограничение можно назвать хозяйственным, поскольку оно обусловлено особенностями производства первого рода. Во-вторых, жизнедеятельность каждого человека ограничена культурой, традициями своего племени, которые он отнюдь не воспринимает именно как границы, объективно существующие в данных исторических условиях. Он чувствует себя в них таким же свободным, как рыба в воде, пока в ней можно жить. Высокая степень слитности производств первого и второго рода ведет к тому, что и хозяйствование оказывается в значительной мере сковано традициями, отказываться от которых либо просто не приходит в голову, либо представляется немыслимым, кошунственным.

Не надо думать, что такая ситуация встречалась только в очень далеком прошлом, во времена первобытнообщинного "коммунизма". Разве совсем недавно сами мы не считали централизованное распределение заданий по производству материальных благ и ресурсов главным проявлением планового начала в социалистическом обществе? Разве многие из нас не чувствовали себя довольно свободными политически, хотя и скучали на собраниях? Скорее всего, ритуальность всегда останется характерной чертой хотя бы некоторых событий производства второго рода. Вряд ли когда-нибудь рождение и смерть человека перестанут волновать других людей, особенно родных и близких. При таких крупных изменениях жизни человека на единичном уровне выполнение рутинных и, казалось бы, не имеющих рационального смысла действий может помочь привыкнуть к новой ситуации. Но в производстве первого рода ритуал - это что-то противоестественное. И если он существует, надо подумать, что его породило и можно ли обойтись в хозяйственной жизни без ритуальных действий. Например, было что-то мистическое в "закрытии" плана месяца, квартала и, особенно, года с точки зрения жизни общества в целом. Подробнее развивать эту тему здесь нет необходимости, так как она уже рассматривалась в предыдущей главе. Впрочем, если смотреть на проблему мифологии в хозяйственной жизни без иллюзий, вряд ли современный уровень развития производительных сил, начиная с самого человека, достаточен для изживания любых мифов. Скорее всего, сейчас мы сможем отказаться лишь от первобытных, варварских мифов административной системы за счет замещения их цивилизованными мифами рыночной системы.

В связи с темой иллюзий следует вспомнить один сюжет из второй главы - об атомах

Эпикура. Самоизменение траекторий их движения в пространстве К.Маркс квалифицировал как выражение в рамках исторически определенных представлений неотъемлемого свойства, атрибута самостоятельно существующего тела - спонтанности. Думается, что представление о централизованном планировании производства и распределения вещей в обществе, идущем на смену капиталистическому - это такая же утопия, иллюзия, как и самоизменение траекторий атомов. Точнее, это аллегория самостоятельного существования человеческого рода, выраженная на языке "движения вещей", столь значимого в обществах буржуазного типа. Интерпретация этой аллегории как руководства к действию (неважно - в отдельно взятой стране или в мировом масштабе) равносильна попытке заставить "атомы" самостоятельно менять траекторию. Они будут это делать в меру своей самостоятельности только в соответствии с собственным пониманием мира, включая и мифы, если они объективно обусловлены.

Вернемся, однако, к началу. Неосознанное поголовное рабство (индивида по отношению к племени, единичного по отношению к конкретному воплощению всеобщего) в процессе воспроизводства жизни находилось в полном противоречии с определяющей ролью как раз единичных, ручных орудий труда в составе действовавших тогда производительных сил, с овнешнением именно единичного уровня субъектных производительных сил в процессе их развития. Нетрудно заметить, что разрешение этого противоречия в процессе развития производительных сил достигалось за счет постепенного освобождения индивидов от подчинения локальной общности (в рамках производства первого рода) и подтягивания типа присвоения к типу хозяйствования на единичном уровне.

Прежде всего, переход от кочевого к оседлому образу жизни привел к замене родовой общины соседской, в которой внеродственное общение людей гораздо интенсивнее и разнообразнее, чем при родовом строе. В то же время формирование соседской общины привело к расслоению воспроизводства и первого, и второго рода, изменению субординации между ними. Воспроизводство первого рода в той или иной пропорции распределилось между государством как системой соседских общин, самой общиной и семьей, причем всемирно-исторической тенденцией было усиление роли семьи и как субъекта хозяйствования, и как субъекта присвоения. Воспроизводство же второго рода распределялось между народом в целом, общиной и семьей без явно выраженной тенденции к усилению роли того или иного уровня предметности.

Нетрудно заметить, что государство и народ - далеко не синонимы, даже если границы государства совпадают с территорией проживания одного народа. (Хотя и это в истории бывало редко. Чаще всего государство возвышалось над несколькими народами, не всегда равноправными в нем.) Если государство выполняло хозяйственные функции (например, занималось военным или ирригационным строительством), то воспроизводство вещей могло диссонировать с воспроизводством людей, вести к неустойчивости воспроизводства жизни общества в целом, распадению государства и формированию на его месте новых. Примеров такой жизни государств можно много найти в истории древнего мира.

Преувеличение хозяйственной роли государства в нашей стране после ликвидации власти помещиков и капиталистов тоже привело в конце концов к ухудшению воспроизводства второго рода по всем параметрам - и чисто демографическим, и культурным. По иронии судьбы одним из главных "врагов народа", если можно так выразиться по отношению к государственному институту, у нас в 70-х гг. стало министерство водного хозяйства - прямой наследник жизненно важной функции государств древней Азии.

К сожалению, освобождение людей от узких рамок кровного рода было не единственным следствием перехода к оседлому образу жизни. Другим, пожалуй, не менее фундаментальным следствием была потеря свободы перемещения в пространстве, переход от "животного" к "растительному" типу существования. Само выражение "коренная национальность", ставшее в последнее время у нас ходовым, отражает эту "растительность" оседлой жизни и соответствующего ей сознания. Скорее всего, мы очень недооцениваем сужения кругозора и

связанного с этим реального регресса, деформации "менталитета", как сейчас говорят, которыми неизбежно сопровождался переход к оседлости, к закреплению на определенной земле (хотя, с другой стороны, сужение поля зрения способствовало его углублению).

Выше упоминалась мысль Гегеля о том, что идея жизни столь же фундаментальна, сколь идея свободы. Переход к оседлости привел к перевесу идеи жизни над идеей свободы, "власти земли", если вспомнить Г.И.Успенского¹. Конечно, века и тысячелетия оседлой жизни превратили "родные пепелища" в предмет почти религиозного почитания, во что-то неотъемлемое от каждого отдельного человека.

На самом деле это больше похоже на один из видов духовного рабства, которое может обернуться и пролитием крови - и чужой, и своей - "за национальную идею". А ведь по большому счету "отеческие гробы" у нас у всех общие. И не случайно так похоже звучат западное "ген", русское "женщина" и китайское "жень" (человеческое начало), имеющее самое прямое отношение к жизни человеческого рода. Мы же некую сугубо историческую реальность, возникшую лишь с переходом к оседлому образу жизни, возвели в ранг чего-то абсолютного, всеобщего. Видимо, здесь будет уместно вспомнить одно наблюдение Н.И.Конрада из статьи "О смысле истории", относящееся к этому моменту жизни человечества: "Особенность открывшейся эры в том, что в отличие от предыдущего времени, когда ареной служил в сущности почти весь земной шар, отныне историческая жизнь связывается с определенными географическими районами"². Таким образом, если быть последовательными в обращении к прошлому, то надо доходить именно до земного шара и человечества в целом, а не останавливаться на отдельно взятых территориях и народах. Нетрудно заметить, что это начало очень похоже на сравнительно близкий конец "предыстории" человечества. Но вернемся к соседским общинам.

Если попробовать представить эволюцию воспроизводства первого рода на основе соседских общин, то получится последовательность, приведенная на схеме 5.1. Как можно заметить, участки 5.1а и 5.1в представляют собой крайние случаи, начало и конец эволюции, а участок 5.1б - переходное состояние. Поскольку достаточно полный анализ этой схемы фактически дал К.Маркс (см. фрагмент "Формы, предшествующие капиталистическому производству" в "Экономических рукописях 1857-1859 годов"³), здесь можно ограничиться лишь двумя-тремя самыми краткими комментариями.

Прежде всего (во-первых), ситуации 5.1а, 5.1б, 5.1в описывают общины, названные К.Марксом соответственно восточной, античной и германской, как основы, в свою очередь, классических азиатского, рабовладельческого и феодального способов производства (первого рода, а вместе с ним и производства в целом, поскольку производство второго рода уже не определяло ход развития производительных сил). Разумеется, прямого соответствия между типом общины и способом производства в каждой отдельно взятой стране нет и быть не может. Но выявленные К.Марксом закономерности наводят на кое-какие мысли. Например, русская община прошлого века не относилась прямо ни к одному из представленных на схеме вариантов. До тех пор, пока внутри общины практиковались достаточно регулярные переделы земли ("по едокам"), она, возможно, тяготела к общине типа 5.1а (восточной). Однако отсутствие реальной хозяйственной функции государства в непосредственной жизни общины отчасти приближало ее к общине второго типа (не случайно К.Маркс в указанном фрагменте поместил славянскую общину между азиатской и античной)⁴. Замедление периодов переделов, особенно заметное во второй половине прошлого века, еще более усилило это приближение, а столыпинские реформы ускорили ее движение к третьему типу с явной перспективой изживания производственных (первого рода) функций общины. Таким образом,

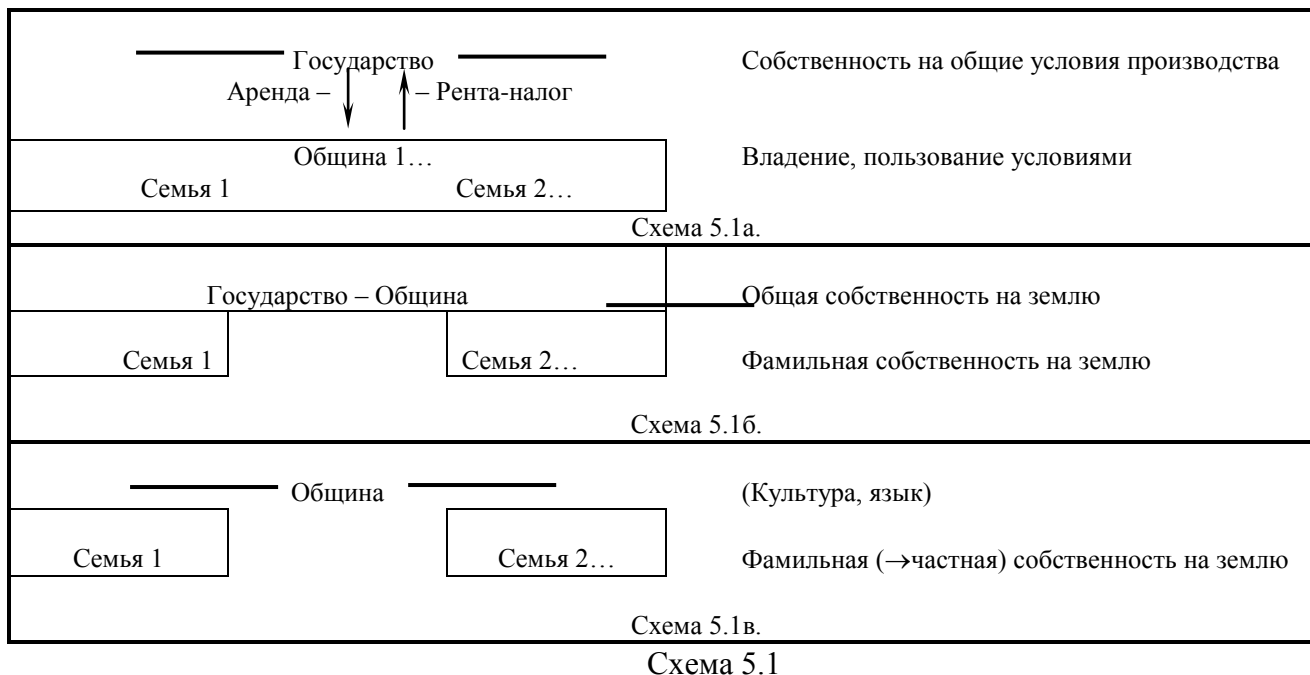
¹ См.: Письма из деревни. М., 1987.

² Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972. С.456.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. С.461-508.

⁴ См. там же. С.485.

фактически за несколько десятилетий русская община под давлением внешних сил повторила эволюцию, на которую мировой истории потребовалось много веков.

Не удивительно, что традиционные общественные структуры, взаимная согласованность производств первого и второго рода оказались у нас сильно нарушенными еще до эпохи национальных революций. Период нэпа во многом способствовал нормализации воспроизводства первого рода в деревне, хотя и не решил окончательно проблему смычки с воспроизводством в городе. Эти коллизии как-то заслонили от нас проблему обеспечения воспроизводства второго рода и согласования с ним производства материальных благ. Прерывание многих культурных традиций оказалось таким глубоким и долгим, что мы только сейчас начинаем понимать, как многое мы разрушили до основания в мире собственной культуры вместо того, чтобы осваивать культурные богатства всего человечества.

Над традиционной русской общиной, близкой к восточному типу, возвышалась огромная государственная надстройка, также близкая к азиатскому типу (только с преобладанием военных функций вместо водохозяйственных). Ее эволюция происходила значительно медленнее, чем эволюция базиса, что вполне естественно. Диспропорции этих эволюций создавали потенциальную возможность частичной реэволюции общины. Возможность такой реэволюции стала вполне реальной, когда бюрократическая надстройка полностью обновила фасад в духе утопического социализма. После этого под лозунгами решительного движения деревни вперед к социализму, ликвидации кулачества как класса были воссозданы воспроизводственные единицы, еще более близкие к общинам восточного типа, чем традиционная русская община (за счет появления государственных машинно-тракторных станций, в которых была сосредоточена практически вся техника).

Кроме того (во-вторых), расслоение производств первого и второго рода, начавшееся сразу с переходом к соседским общинам, не исчезает по мере перехода от общин восточного типа к общинам германского типа, а, напротив, усиливается, приближается к индивиду, к единичному уровню предметности. По существу, в ситуации, показанной на схеме 5.1в, соотношение общины и семьи во многом напоминает соотношение между племенем и родом (в том, что касается связей производств первого и второго рода). Как отмечал К.Маркс, у германцев самостоятельной экономической единицей является семья (дом), а община, как общность по языку, по крови, составляет лишь предпосылку существования индивидуальных

собственников⁵.

Но можно сказать и больше. Само воспроизводство второго рода обособляется на различных уровнях предметности: значительная часть этого воспроизводства, относящаяся к культуре, т.е. к всеобщему уровню предметности, получает обособленное существование прежде всего в храмовых комплексах древности, в монастырях, скитах, где она подчеркнута абстрагирована от воспроизводства самих людей, от семейной жизни. Это, в свою очередь, ведет к реальному обособлению, вычленению единичного уровня предметности, индивида в рамках воспроизводства второго рода. Индивида как представителя, члена человеческого рода, равного в этом качестве любому другому индивиду, тогда как в рамках семьи такое равенство в принципе отсутствует, ибо каждый ее член выполняет свою функциональную роль, меняющуюся с изменением состава семьи.

Такое расслоенное воспроизводство второго рода вступает в весьма непростые связи с производством первого рода. Всеобщая культурная (прежде всего культовая) его часть выступает во многом как чистый потребитель по отношению к производству первого рода (хотя, например, православные монастыри России материально обеспечивали свое существование сами), чем дальше, тем менее оказывающий прямое воздействие на его ход (сравним, хотя бы, астрономические исследования египетских жрецов, озабоченных прогнозированием водотока Нила, и Коперника, занимавшегося долгосрочным прогнозированием дат пасхальных праздников, производных от взаимного движения Земли, Луны и Солнца и как бы ненароком, "для удобства расчетов", совершившего свою научную революцию). Единичная же часть, связанная с воспроизводством (воспитанием) в семье самих людей, во многом выступает как нечто подчиненное производству первого рода, воспроизводству семейного хозяйства, как своеобразный "аванс" родителей для обеспечения своего существования после потери способности к труду, как гарантия продолжения своей жизни.

Так незавершенность расслоения производств первого и второго рода в рамках семьи, выступающей одновременно и первичной ячейкой хозяйствования (производства первого рода) и первичной ячейкой воспитания, общения людей (производства второго рода), превращает семью в двойственное, противоречивое явление, чреватое крупными антагонизмами, пагубными прежде всего для воспроизводства второго рода. Завершение расслоения производств первого и второго рода предполагает отслоение от семьи функций хозяйствования (в части производства вещей), переход семьи на положение чистого потребителя материальных благ и ее "специализацию" на общении между детьми и взрослыми (вообще говоря, без обязательной родственной связи между ними), на их свободном развитии. Но этот процесс протекает уже за рамками племенной и общинной структур субъектов воспроизводства.

Наконец (в-третьих), тенденция к атомизации воспроизводства на базе соседских общин, о которой только что говорилось, одновременно ведет и к формированию материальных предпосылок правового государства. Как известно, в ее основе лежат два принципа - верховенство закона, а не воли отдельных субъектов, и равенство всех (перед законом). Принципы эти взаимонезависимы и одинаково важны (хотя вряд ли реализуемы в полной мере).

В рамках племенных структур, особенно при кочевом образе жизни, практически отсутствуют материальные предпосылки верховенства закона. Условия хозяйствования отличаются большим разнообразием (за счет перемещений), не поддающимся достаточно полной регламентации, жесткой фиксации в традициях (законах). В таких условиях воля субъектов (вождей) имеет более важное значение для выживания племен, чем безличное право (которого, впрочем, и не было). Второй принцип - равенство всех, демократия - при этом вполне может присутствовать, выражаясь, например, в выборе вождя, которому затем подчиняются беспрекословно, пока не минует потребность в вождении. Этот глубинный исторический

⁵ См. там же. С.471,472.

опыт был во многом стихийно использован и в период крупнейших катаклизмов XX в. вплоть до реанимации термина "вождь" (он же "фюрер" и т.п.), имевшего в исторической памяти положительную окраску.

Переход к устойчивому, оседлому образу жизни привел к изменению "субординации" между волей и традицией. Например, в древнем китайском обществе для всех было обязательно соблюдение церемоний, весьма детально предписывавших осуществление каждого момента общественного производства (и первого, и второго рода). Такая необходимость следования церемониям, инструкциям для каждого члена общества и есть поголовное рабство⁶. Как видим, наш собственный "период застоя" с присущей ему скованностью всего и вся в нашей жизни огромным массивом постановлений, инструкций разных лет и десятилетий, включая чуть ли не 20-е гг., - это тоже отнюдь не новое явление истории.

Незавершенность процесса атомизации в рамках системы соседских общин (о чем тоже уже говорилось) означала неполное формирование предпосылок правового государства. Прежде всего, в рамках семьи как воспроизводящейся единицы (первого рода) сохраняется стереотип вождя, если так можно выразиться, поскольку всякое коллективное (в том числе и семейное) производство предполагает естественную централизацию части хозяйственных решений, формирование системы "лидер - ведомые". Фактически только "отцы семейств" выступали как равные перед законом выразители экономических интересов. В то же время, как раз в семье германцев в наибольшей степени обостряется противоречие между индивидуальным характером производительной силы и первобытнообщинным (клановым) характером присвоения. Ведь, как уже неоднократно отмечалось выше, именно развитие индивидуальной производительной силы, совершенствование ручных орудий труда явилось объективной основой постепенного перехода от общинных к семейным формам хозяйствования, сближения типа хозяйствования и типа присвоения. Но именно хозяйствующая семья оказывается последним барьером на пути полного их соединения - индивидуального присвоения результатов индивидуального труда. Возможно, внутрисемейные денежные расчеты, не привычные для русского человека, - это одна из форм частичного преодоления этого барьера, практикуемая, например, у немцев.

"Каждому - по труду" - это, по сути дела, идеал общественного воспроизводства, возникающий на основе ручного труда, но недостижимый в рамках структур субъектов воспроизводства, существующих на основе такого труда. С переходом к машинному производству (и даже раньше, на стадии мануфактуры) исчезает и материальная основа реализации этого принципа, превращая его в миф, фетиш.

Может быть, это ирония судьбы, но фактически следующая структура субъектов воспроизводства сложилась как бы для реализации этого мифа. "Закон собственности на продукт своего труда", "тождество труда и собственности" - естественный закон натурального хозяйствования и индивидуального (ручного) труда - становится первым законом буржуазной собственности⁷. (Как уже отмечалось в предыдущей главе, "по труду" индивид может присваивать только культуру. Но в таком случае вряд ли уместно и само слово "труд".)

Мысль К.Маркса о необходимости различать "действительно свободный труд" и труд как "выдрессированную силу природы" в гл. 2 уже приводилась. Может быть, здесь уместно привести еще одно его высказывание на эту тему: "Одно из величайших недоразумений - говорить о свободном, человеческом, общественном труде, о труде без частной собственности. "Труд" по своей сущности есть несвободная, нечеловеческая, необщественная, обусловленная частной собственностью и создающая частную собственность, деятельность. Таким образом, упразднение частной собственности становится действительностью только тогда, ко-

⁶ См. там же. С.485.

⁷ Там же. С.459.

гда оно понимается как упразднение "труда"⁸.

Труд как источник средств к жизни - это не труд по способностям. Это обычный труд крестьянина и ремесленника. Монополия их хозяйствования в процессе такого труда есть естественная (с их точки зрения) основа претензий на монополию присвоения его результатов. Как уже отмечалось, этот стереотип (независимое хозяйствование как основание независимого присвоения) в полной мере был сохранен и развит в рамках следующей структуры субъектов.

Отправным пунктом этой структуры, в отличие от предыдущих, является формально свободный индивид, самостоятельно обеспечивающий свое собственное существование (путем самоэксплуатации, как до этого действовали родовая община и большая семья). Свобода действий означает и свободу объединения действий индивидов, ведет к появлению юридических лиц, не совпадающих с лицами физическими, существующих во многом независимо от них и пользующихся в рамках гражданского общества равными с ними правами по ведению хозяйственной деятельности.

Здесь юридические лица нас интересуют лишь с точки зрения степени их участия в воспроизводстве первого и второго рода. Классический индивидуальный функционирующий капитал - это субъект, строго ориентированный на воспроизводство первого рода - вещей. Причем воспроизводство абстрактное, безразличное к конкретным видам производств материальных благ, представляющих для него инструментальную ценность. Воспроизводство же второго рода - людей - при этом полностью ложится на наемных работников, осуществляется их силами и за их счет.

На первых этапах действия такой структуры субъектов воспроизводства наблюдалось некоторое сближение высших уровней воспроизводства обоих родов в форме нации. Объяснялось это главным образом тем, что резкая интенсификация общения в рамках воспроизводства первого рода при переходе от натурального хозяйствования к товарному осуществлялась прежде всего в рамках естественных границ общения, задаваемых воспроизводством второго рода, в частности - языковой общностью. Однако в целом этот этап уже позади.

Его отголоском является идея национального государства, стремление отдельных народов к государственному оформлению своей собственной жизни. Популярность этой раннебуржуазной идеи в нашей стране сейчас, видимо, может рассматриваться как один из индикаторов того, на каком этапе развития мы сейчас реально находимся. Идея эта вполне соответствует переходному этапу развития орудий труда от ручных к машинным и началу перехода от хозяйствующего государства к правовому. Но только началу его. Позже правовое начало переходит на надгосударственный, всемирный уровень, а в деятельности отдельно взятых государств вновь усиливаются функции хозяйствования, но уже не в производстве вещей, а в производстве людей, поддержании условий жизни членов определенных (страновых) групп гражданского общества.

Естественные рамки гражданского общества - это рамки человечества в целом, всех представителей хозяйствующего поколения человеческого рода. "Буржуазный период истории, - отмечал К.Маркс, - призван создать материальный базис нового мира: с одной стороны, развить мировые сношения, основанные на взаимной зависимости всего человечества, а также и средства этих сношений; с другой стороны - развить производительные силы человека и обеспечить превращение материального производства в господство при помощи науки над силами природы. Буржуазная промышленность и торговля создают эти материальные условия нового мира подобно тому, как геологические революции создали поверхность земли"⁹. Выходит, мы довольно долго недооценивали данное суждение К.Маркса при определении степени зрелости, завершенности исторической миссии капиталистической формации.

⁸ Там же. Т.42. С.242.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.9. С.230.

Если же учесть, что общий рынок даже в группе стран, первыми вступивших на капиталистический путь развития (т.е. стран Западной Европы), только сейчас становится реальностью, не говоря уже о всем остальном мире, то трудно отказаться от мысли, что эта миссия еще не вполне выполнена, что потребуются еще не один десяток лет для ее завершения, и следовательно, формирования реальных материальных предпосылок нового общества. "Лишь после того как великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, - подчеркивал К.Маркс, - мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее передовых народов, - лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых"¹⁰.

Строго говоря, для нас эта задача - овладеть мировым рынком - непосильна. Более того, мы только ставим задачу формирования рынка внутри страны. Причем на решение этой задачи в несколько этапов потребуется не один десяток лет. (Хотя бы потому, что развитой рынок товаров предполагает рынок труда, для которого, в свою очередь, необходим рынок жилья, а этот рынок не может появиться, пока не будут решена жилищная проблема, пока не появится некоторый избыток жилья.) Впрочем, к проблемам рынка мы еще вернемся, а пока рассмотрим отдельно взятую страну как субъект воспроизводства.

Что касается производства первого рода при капитализме, то страна, государство таким субъектом перестает быть по мере созревания реального мирового рынка условий производства материальных благ и их результатов. Этот процесс еще не завершен, но тенденция вполне устойчива. Что же касается производства второго рода, то опыт развитых капиталистических стран показывает как раз усиление роли надындивидуальных локальных субъектов в этом процессе. Если раньше воспроизводство рабочей силы было частным делом самих рабочих, их семей, то теперь оно все в более значительных масштабах становится делом народа, нации - в лице как государственных, так и общественных институтов.

Можно, конечно, думать и говорить, что такая тенденция - следствие положительного примера стран, именовавших себя социалистическими, нечто вроде "ответного хода" буржуазии во избежание своей скорой гибели. Вероятно, какая-то доля истины в этом есть, но нельзя сбрасывать со счетов, в первую очередь, борьбу самих рабочих капиталистических стран как собственников рабочей силы за лучшие условия ее аренды капиталистами. (Как известно, эта тема обсуждалась, хотя и в сугубо пропагандистском ключе, например, на Пражской конференции РСДРП еще в 1912 г. в связи с рассмотрением III Государственной думой правительственных законопроектов о страховании рабочих.) Нельзя не учитывать и собственных долгосрочных интересов капиталистов, которые в современных условиях бывают вполне способны оценить рациональность "вложений в человека" в рамках отдельно взятых стран, регионов. Практический опыт капиталистической организации труда также показывает широкие возможности приспособления ее к национальным особенностям различных групп трудящихся. Особенно много внимания этому аспекту приходится уделять транснациональным корпорациям.

Конечно, рабочий как часть "личного фактора производства" в рамках мирового рынка "не имеет отечества" и ничем не отличается в этом от капиталиста. Но как люди, участвующие и в воспроизводстве второго рода, и тот и другой входят в состав человеческого рода через освоение определенного языка, национальной культуры. Разумеется, обобществление производства жизни общества на деле происходит и здесь, но иначе, чем в производстве первого рода. В частности, унификация материальных производительных сил на мировом рынке отнюдь не ведет сама по себе к стиранию национальных различий. Скорее наоборот - расчленение производств первого и второго рода, их взаимное высвобождение от ограничивающего влияния друг на друга способствует сохранению и развитию именно разнообразных

¹⁰ Там же

национальных форм культуры, пониманию их разнообразия как общечеловеческой ценности. Естественно, что прогресс в этом направлении в решающей степени зависит от того, в какой мере сам человек-индивид оказывается высвобожденным из непосредственного процесса производства материальных благ, необходимых для поддержания его существования. Поскольку такое высвобождение человека не достигается при обычном машинном производстве, воспроизводство национальных форм культуры тоже терпит ущерб.

2. Виды конкуренции людей в экономической жизни общества

Известно, что конкуренции как явлению рыночной экономики основоположники марксизма уделяли много внимания, подчеркивая ее разрушительное воздействие на человека именно как человека, члена рода человеческого. Одновременно они отдавали должное тому, что такая конкуренция отрывает человека от узких, ограниченных рамок традиционного общества, способствует универсализации его связей и имеет, таким образом, определенное прогрессивное значение для формирования предпосылок следующего способа производства. Долгое время мы недооценивали эту позитивную сторону рыночной конкуренции и предполагали, что она в нашем обществе может играть лишь негативную роль.

Так или иначе, конкуренцию надо рассматривать в более широком контексте, чем это делалось раньше. Отправным пунктом здесь можно взять уже приводившуюся в гл. I мысль Ф.Энгельса о том, что истина конкуренции состоит в отношении потребительной силы к производительной, и что при коммунизме останется только эта конкуренция¹¹. Отталкиваясь от такой мысли, попробуем проанализировать моменты, связанные, во-первых, с субъектностью отношения указанных сил, во-вторых, с соотношением субъектов и, в-третьих, с их количеством.

Под субъектностью здесь понимается тот простой факт, что существуют конкретные носители и производительных, и потребительных сил. Более тонкие моменты связаны с тем, что Ф.Энгельс говорит об отношении именно потребительной силы к производительной, а не наоборот. Прежде всего, в этом можно увидеть намек на некий приоритет потребителя, без которого и само производство не имеет смысла, но главное в другом. Дело в том, что носитель потребительной силы - это субъект, рассматриваемый как изменяющийся, в отличие от носителя производительной силы, рассматриваемого как источник изменений. Но, как уже отмечалось, в гл. 2, изменения субъектов - это и есть сфера их интересов. Там же была отмечена связь типов изменений с типами интересов: экзистентных, количественных и качественных изменений предметов с интересами выживания, роста и развития, если говорить в общем виде, и интересами самосохранения, самовозрастания и саморазвития, если говорить о деятельности конкретных субъектов.

Начиная с гл. 3 в работе формируется схема-таблица сквозных экономических категорий. Попробуем дополнить ее тремя типами интересов и посмотреть, насколько они вписываются в соответствующие вертикали. Нетрудно заметить, что интерес выживания, самосохранения в качестве приоритетного хорошо вписывается в первую колонку. Невысокий уровень производительности ручного труда выводит на первый план именно интерес выживания - "не до жиру, быть бы живу". Отсюда же и господство уравнительного принципа распределения продукции, состоящей главным образом из предметов первой необходимости, в рамках общин, ведущих натуральное хозяйство, жесткая, варварская конкуренция между племенами, народами, даже соседскими общинами ("кто не с нами, тот против нас"; "если враг не сдается, его уничтожают"). Неудивительно, что и в нашей стране до недавнего времени имела (а кое-где и сейчас есть) довольно массовая база именно такого типа конкуренции субъектов. Конкурентная борьба как война на уничтожение (если не физическое, то моральное, интеллектуальное) оппонентов - давнее и очень распространенное явление в нашей общественной жизни. Ее стереотипы крепко сидят в нас и сейчас. (Отметим, что именно с таким

¹¹ Там же. Т.1. С.562.

типом конкуренции связаны и административно-командные методы, что именно интерес выживания, самосохранения является ведущим в действиях и административной системы, и каждого отдельно взятого ее представителя.)

Интерес роста, самовозрастания хорошо вписывается во вторую колонку схемы-таблицы, поскольку значительно более высокий уровень производительности труда позволяет в широких пределах изменять уровень потребления без опасности для жизни (это очень полезно для возможностей хозяйственного маневра фондами потребления и накопления), а также потому, что смысл обычной рыночной конкуренции - не уничтожить партнера по хозяйственной связи (сделке), а найти взаимоприемлемый компромисс в сфере соотношения именно количественных интересов. Конкуренцию этого типа можно назвать уже мягкой, цивилизованной. ("Не делай другим того, чего не хотел бы получить от них" - основное содержание этой громоздкой формулы сводится к столь же древнему выражению "не убий".) По сути дела, именно такая, количественная конкуренция и должна оттеснить экзистентную конкуренцию при переходе от административных методов к экономическим как более соответствующим достигнутому уровню развития производительных сил (хотя и не отвечающих природе человека, его стремлению к саморазвитию).

Интерес развития, саморазвития лучше всего вписывается в третью колонку (хотя в различной степени он, как и другие, встречается всегда), так как соответствующий уровень развития производительных сил, во-первых, вполне обеспечивает существование и, во-вторых, снимает зависимость индивидуального существования от результатов деятельности самого индивида. Поскольку в этой ситуации отсутствуют объективные условия для конкуренции между людьми по поводу присвоения средств существования, остается лишь одна форма конкуренции (между ними и с собой) - соперничество в творческой деятельности. "Не повторяй сделанного" - этот короткий принцип точно отражает главное в такой конкуренции, приближение самой человеческой деятельности к "абсолютному движению становления". Изменения самого человека и изменение им окружающей действительности сливаются при этом в процесс, в котором соотношение потребительных и производительных сил уже теряет привычное значение.

Разумеется, все эти виды конкуренции субъектов в реальной жизни тесно переплетены, так или иначе переходят друг в друга, хотя вряд ли можно отрицать всемирно-историческую тенденцию возвышения типа конкуренции, особенно заметную в наше время. Не вдаваясь в детали, стоит отметить, что товарное производство прошло довольно-таки долгий путь дифференциации экзистентных и количественных моментов в рыночной конкуренции, разделения экзистентных интересов физических и юридических лиц (людей и хозяйствующих единиц). Социальные гарантии направлены как раз на исключение экзистентной конкуренции между людьми при сохранении угрозы экзистентного изменения (банкротства) предприятий как следствия их собственных действий и общего изменения экономической конъюнктуры. В этих гарантиях, вопреки распространенному мнению, нет ничего социалистического или хотя бы посткапиталистического. Они представляют собой сознательное воспроизведение защитных функций первобытного общества, причем, как и прежде, на локальном, страновом уровне.

Перейдем теперь к моментам, связанным с соотношением субъектов. Обычная рыночная конкуренция предполагает формальное равенство партнеров и, следовательно, договорную форму отношений между ними. Поэтому особое внимание уделялось фактическому неравенству ключевого отношения - между рабочим и капиталистом (вспомним, например, первые строки "Экономическо-философских рукописей 1844 года" К.Маркса: "Заработная плата определяется враждебной борьбой между капиталистом и рабочим. Побеждает непременно капиталист. Капиталист может дольше жить без рабочего, чем рабочий без капитали-

ста"¹². Но о конкуренции можно (и нужно) говорить и тогда, когда субъекты производственных отношений неравноправны даже формально, например, в условиях докапиталистических формаций, при административно-командных методах управления. В отличие от рыночной конкуренции, которой свойственны связи, называемые горизонтальными, конкуренцию неравноправных субъектов удобно называть вертикальной. С этой точки зрения отношения между предприятием и вышестоящим министерством, министерствами и центральными экономическими органами во многом схожи (по форме, конечно) с отношениями, например, крестьянина и помещика. Нетрудно также заметить, что с вертикальной конкуренцией никак не вяжется обмен результатами, но вполне совместима аренда (средств производства материальных благ), хотя и не принимающая форму договора между конкретными субъектами.

Наконец, момент, связанный с количеством субъектов, требует различения прямой и косвенной конкуренции. Под прямой конкуренцией здесь понимается ситуация, когда субъекты находятся по разные стороны отношения потребительной и производительной сил, а под косвенной, следовательно, - когда на одной стороне. Типичные примеры прямой конкуренции - отношения продавца и покупателя, арендатора и арендодателя. Типичные примеры косвенной - отношения потенциальных продавцов или покупателей между собой. К прямой конкуренции относятся также отношения между предприятием и вышестоящим министерством, а к косвенной - между предприятиями, подчиненными одному министерству, а так же между самими отраслевыми министерствами при их общении с центром.

В целом, видимо, можно отметить близость (связь?) вертикальной и прямой конкуренции, с одной стороны, и горизонтальной и косвенной конкуренции - с другой. Причем если пытаться "встроить" эти блоки в колонки, сквозные для трех последних глав, первый блок явно тяготеет к первой колонке, а второй блок - ко второй. Вряд ли есть необходимость подробно мотивировать такую группировку, а также закономерность тенденции перехода ведущего типа конкуренции от первого блока ко второму. Все это мы сейчас переживаем и на своем собственном опыте. Хотелось бы только отметить, что вторая колонка - не последняя, что конкуренция сосуществующих субъектов, пусть цивилизованная, горизонтальная и т.п., - это только промежуточная, переходная ступень к истинной конкуренции.

В связи с этим в первой главе уже приводилась довольно большая цитата из "Экономических рукописей 1857-1859 годов." К.Маркса об отношениях личной зависимости (вначале совершенно первобытных), личной независимости, основанной на вещной зависимости, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, и свободной индивидуальности, основанной на универсальном развитии индивидов, образующих три ступени развития человека в экономике. Личная зависимость - явление именно прямой конкуренции субъектов, один из которых представляет производительную силу, а другой - как правило, главным образом потребительную силу. Особенно если эти отношения проявляются как отношения односторонней эксплуатации человека человеком. Вещная зависимость при личной независимости, т.е. жизненная необходимость вступления в отношения с другими субъектами для реализации своих жизненных сил (производительных и потребительных) и двусторонняя возможность выбора партнера (ты выбираешь, но и тебя выбирают или не выбирают) - резко повышают роль горизонтальной косвенной конкуренции в самых различных формах.

О некоторых формах такой конкуренции здесь хотелось бы сказать несколько слов, поскольку именно их эволюция подводит, по нашему мнению, к переходу от второй ступени развития общества к третьей. Рынок, складывающийся при необозримом количестве конкурентов, можно назвать "рынком Ньютона". Под этой метафорой имеется в виду, что, например, цена, пропорции обмена - это как бы объективные величины, независимые от действий любого субъекта (подобно абсолютным пространству и времени). Каждая отдельная сделка

¹² Там же. Т.42. С.47.

существует как бы сама по себе, и конечные результаты хозяйствования предстают как простая сумма результатов таких сделок. Именно такое положение обычно называется свободной, совершенной конкуренцией. Но сейчас весьма отчетливо наблюдается тенденция перехода от "рынка Ньютона" к "рынку Эйнштейна", если исходить из мирового, а не отечественного уровня хозяйствования. При этом реальная возможность выбора партнеров остается, но выбор происходит среди обозримого числа возможных партнеров, а потому и сам рынок становится обозримым, полупрозрачным, если не почти прозрачным, причем в мировом масштабе.

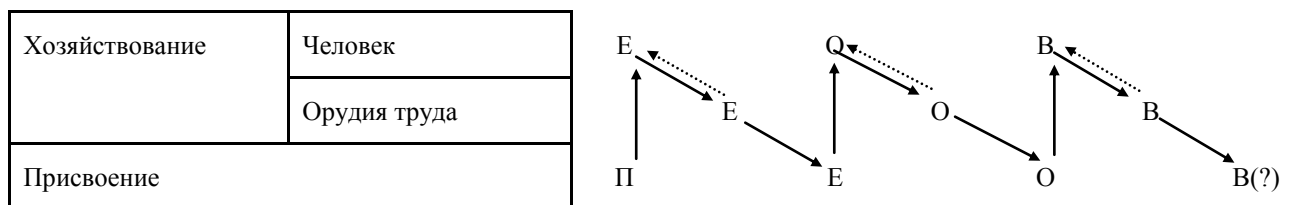
Это создает такие возможности непосредственного общественного воздействия на частных производителей, которых не могло быть не только сто, но пятьдесят лет назад. Рассмотрим, например, довольно обычную ситуацию. К предпринимателю обращается представитель Всемирного экологического общества "Гринпис" и предлагает прекратить какое-либо конкретное загрязнение природы, в противном же случае в средствах массовой информации может быть развернута кампания за бойкот производимой им продукции. И довольно часто этого бывает достаточно для изменения ситуации в лучшую сторону. Конечно, предприниматель ("капиталист") и далее продолжает оставаться эгоистом, интересующимся прежде всего своим выживанием и прибылью. А вот покупатель уже другой. Он не только согласен отказаться от приобретения вещи, выгодной ему лично, но и готов оплачивать расходы неправительственной организации, которая отстаивает не только и не столько его личные интересы, но и интересы всех людей, в том числе и интересы будущих поколений. Кроме того, подобные примеры, довольно многое говорят о степени информированности общества о том, кто, что и как производит, как это влияет на жизнь людей.

С учетом сказанного о социальных гарантиях экзистентных интересов людей можно прийти к выводу, что итогом эволюции форм присвоения в рамках второй колонки является постепенное снятие исходного противоречия между общественным характером производительных сил и индивидуальным характером присвоения, за счет подтягивания характера присвоения к характеру производства (хозяйствования). Напомним, что само это исходное противоречие второй колонки было результатом эволюции производственных отношений в рамках первой колонки - приведения формы присвоения в соответствие с индивидуальным характером применения ручных средств труда. Но противоречие между характером хозяйствования и характером присвоения воспроизводится и на стыке второй и третьей колонок. Ведь в хозяйствовании на решающее место выходит наука как одна из всеобщих производительных сил при одновременном резком повышении значения культуры в целом, а присвоение в основном остается в лучшем случае в рамках уровня особенного (вспомним, например, о социальных гарантиях, формируемых на страновом уровне).

Если бросить общий взгляд на каждую отдельную колонку в единстве того, что о них говорилось на протяжении трех последних глав, можно ставить вопрос о трех качественно различных способах производства материальной жизни общества со специфическими производительными силами и производственными отношениями, с действием закона ликвидации отставания типа производственных отношений от типа производительных сил как закона перехода от одного способа производства к другому.

В гл. 3 уже говорилось о законе соответствия различных производительных сил (главной и определяющей - человека и орудий труда). Теперь можно попытаться в наглядной форме представить совместное действие этого закона и закона ликвидации несоответствия производительных сил и производственных отношений (см. схему 5.2).

Формации		I	II	III
П. отношения	П. силы			

Условные обозначения:

Е, О, В – единичный, особенные и всеобщий уровни предметности;

П – первобытно-общинный характер присвоения.

Схема 5.2

Не давая подробные комментарии к этой схеме, поскольку фактически она представляет собой итог всей работы, хотелось бы только коротко сформулировать основные противоречия производства жизни общества, которые "вычитываются" из нее. Исходному способу производства свойственно противоречие между индивидуальным характером производительных сил и первобытнообщинным характером присвоения.

Промежуточному, "переходному" способу производства соответствует противоречие между общественным характером производства материальных благ и индивидуальным характером присвоения его результатов. Очень показательна фраза одного директора совхоза на молочной ферме: "Наши коровы живут при социализме - они отдают молоко по способностям, а получают по труду, по его результатам". Он имел в виду, что питательные добавки к грубым кормам каждая корова получает в зависимости от того, много ли молока она дает в каждую дойку. Если отдача уменьшается, то на следующий день сокращаются и питательные добавки. Примерно на такие же биологические, а не социальные способности человека ориентированы и наши механизмы внешнего стимулирования деятельности. Здесь уместно вспомнить и размышления Ф.Энгельса в "Анти-Дюринге" о глубинной связи рыночной обособленности существования с царством животных: "Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь - в известном смысле окончательно - выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие"¹³.

Полагаем, уместно здесь обратить внимание и на исследования В.А.Лефевра, с которыми познакомил журнал "Вопросы философии". Приведенные две базовые этические модели "для кукол"¹⁴, т.е. реализуемые как бы автоматически, без реальной свободы выбора, на уровне социального инстинкта, в точности соответствуют первым двум колонкам, двум способам производства (исходному, натуральному, и промежуточному, товарному).

Что касается последнего, как бы завершающего способа производства, то о нем можно пока говорить лишь в гипотетической форме, исходя из того, что он представляет собой естественный итог всего предшествующего развития. Представляется, что его основным противоречием будет противоречие между свободой деятельности индивидов и необходимостью сохранения жизни человеческого рода.

Обычно мы говорим, что в основе общественной формации лежит способ производства (материальной жизни). Логично предположить, что и в данном случае это должно подтверждаться: первой колонке должно соответствовать что-то вроде первичной формации, второй - вторичной, а третьей - третичной. Вот что сначала собирался ответить К.Маркс на письмо В.И.Засулич: "...земледельческая община повсюду представляет собой новейший тип архаической общественной формации, и поэтому же в историческом движении Западной Ев-

¹³ Там же. Т.20. С.294

¹⁴ См.: Вопросы философии. 1990. N7. С.25-58. N1. С.187-189.

ропы... период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной"¹⁵.

Здесь придется сделать небольшой критический экскурс, связанный с четким формационным противопоставлением общей и частной собственности, видимым из только что приведенной цитаты.

Вот несколько относящихся к этой теме определений из недавнего учебника политической экономии для вузов:

"Частная собственность выражает присвоение средств, а значит и результатов производства отдельными лицами - собственниками этих средств"¹⁶;

"Общественная собственность означает совместное присвоение средств и результатов производства"¹⁷;

"Товарное производство представляет собой определенную организацию общественного производства, при которой экономические отношения между людьми проявляются через рынок, через куплю-продажу продуктов их труда"¹⁸;

"Рынок - это обмен, организованный по законам товарного производства и обращения, совокупность отношений товарного и денежного обращения"¹⁹.

Прежде всего, непонятно, почему определение рынка выпало из первого, общего раздела и появилось только в третьем, посвященном социализму. Здесь же впервые появилось изображение кривых спроса и предложения, цены рыночного равновесия.

Более существенное замечание связано с тем, что в учебнике товарное производство и рынок фактически определяют друг друга, то есть, по сути дела, не определяются. Конечно, когда мы рассматриваем отдельно взятый товар, то видим в нем вещь, произведенную для обмена, продажи на рынке. В этом и состоит определение вещи как товара. Но когда мы переходим от производства продуктов (вещей) для обмена к товарному производству (материальной жизни общества), то рынок предстает как специфический способ общения людей для поддержания своего существования, включающий наряду с обменом и разнообразные формы аренды.

Специфика этого способа общения состоит в переходе от общей собственности к частной собственности. Поэтому третье, самое существенное замечание состоит в том, что в учебнике определения товарного производства и частной собственности никак друг с другом не связаны.

То, что товаровладельцы должны признать друг в друге частных собственников - это не только старая истина марксизма²⁰, но и азбучная истина экономической науки вообще, признанная также и буржуазными специалистами. Каждый платит за себя - это принцип одновременно и товарного производства (в отличие от натурального, когда каждый - просто сам по себе и ему платить не кому и не за что), и частной собственности (поскольку никто не обязан платить своим имуществом по обязательствам другого). Удивительным образом мы пытались совместить признание основной юридической формулы частной собственности: "Государство не отвечает по обязательствам предприятий, предприятия не отвечают по обязательствам государства и других предприятий" с отрицанием ее самой. А ведь в соответствии с приведенной формулой частным собственником может выступать и физическое лицо, и кооператив, и государственное предприятие, и даже само государство, например, когда оно закупает на мировом рынке зерно, продает нефть.

Скорее всего, явное недоразумение с определением частной собственности связано с

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С.404.

¹⁶ Политическая экономия. Учебник для вузов. С.44-45.

¹⁷ Там же. С.45.

¹⁸ Там же. С.140.

¹⁹ Там же. С.511.

²⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.94.

недостаточно последовательным использованием этого термина в работах К.Маркса и Ф.Энгельса, о чем уже говорилось в первой главе. Так, в "Капитале" К.Маркс, анализируя акционерную форму, пишет: "Это - упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства"²¹. Вот и в наброске ответа В.Засулич буквально перед тем предложением, которое только что цитировалось, говорится о превращении дома, двора, пахотной земли в частную (читай - семейную, в пределе - индивидуальную) собственность без явной увязки с рынком. А несколькими строками ниже К.Маркс рассматривает альтернативу между элементом частной собственности и элементом коллективным. Казалось бы, вот оно - противопоставление частной (= индивидуальной) и общественной собственности, которое представлено и в учебнике. Но К.Маркс говорит именно об элементах частной собственности и только в рамках общины. Возможно, термин "частный" он здесь употреблял как бы авансом, учитывая, что частная жизнь, частное присвоение в рамках атомистического, гражданского общества - это конец переходного периода, начатого обособлением хозяйственной жизни отдельных семей с переходом к оседлому существованию. А мы вырвали из контекста термины "частное", "коллективное" и продолжаем их противопоставлять в совсем иной конкретно-исторической ситуации. И вдобавок не можем различить общую и всеобщую собственность, собственность отдельно взятой родовой общины и собственность человеческого рода в целом. По сути дела современные гарантии - это отголосок далекого, первобытнообщинного прошлого, обеспечивающий нормальное функционирование рыночных форм общения людей за пределами необходимого для их существования, а не отблеск светлого будущего.

Парфразируя известное высказывание, можно предположить, что все страны придут к капитализму (и даже к развитому капитализму, социально ориентированной рыночной экономике), но каждая своим, уникальным путем. Особенно извилистым в XX в. оказался путь России. Начав движение одновременно с Германией и Японией, она уже этим была обречена на тяжелую судьбу - быть союзницей их естественных конкурентов, т.е. стран первого эшелона становления капитализма. Германия и Япония через большую кровь и жестокие поражения в двух мировых войнах втянулись в мировой рынок и заняли в нем достойное их народов место. А Россия все более удалялась от мирового рынка, да и от рынка вообще. Начало этому удалению положил Октябрь 1917 г., когда большевики выполнили волю народа, не желавшего воевать за чуждые ему интересы. Однако для этого им пришлось нарушить договорные обязательства предшествующих властей и поставить этим новую власть вне норм международного права.

Во второй половине XX в. прошла и третья волна втягивания в мировое хозяйство - сравнительно малых стран. Видимо, в следующих пойдут отставшие гиганты - Китай, Индия, Россия. Пойдут сравнительно мирно, но медленно, как и страны первой волны, и, в отличие от них, планомерно. Уже опыт Японии подтвердил, что пережитки общей собственности - не препятствие частной собственности (собственно, и сам обмен впервые появился в отношениях между общинами), а фактор страновой специфики ее развития, который может и должен учитываться полностью.

* * *

В целом, проведенное в пятой главе исследование, на наш взгляд, приводит к следующим выводам.

1. Трансформация исходной субъектной структуры еще далека от логического завершения - снятия отчуждения между индивидуальным и видовым уровнями предметности человека. Можно даже сказать, что не пройдена и половина пути, поскольку свойственное исходной структуре деление всех на "мы" и "они" ("свои" и "чужие") сохраняется и в современной жизни и даже закреплено во Всеобщей декларации прав человека.

²¹ Там же. Т.25. Ч.I. С.479.

2. В то же время в овнешнении производительных сил человека решающий рубеж - переход к постиндустриальным технологиям - уже пройден, хотя далеко не основной массой человечества. Это усиливает деформированность воспроизводства жизни человеческого рода и чревато повышением нестабильности и в мировом масштабе и на уровне отдельных стран.

3. Дальнейшая трансформация субъектных структур в экономической жизни уже не может иметь чисто спонтанный характер, в ней должны присутствовать элементы осознанности, планомерности на самых различных уровнях, включая общемировой.

Приложение 1

Схема-таблица основных характеристик материального воспроизводства жизни общества ("формационный подход")

Уровни предметности человека (Е-О-В) Характеристики	Единичный - человек (индивидуальный вид)- Е	Особенные - семья, коллектив, страна, современники - О	Всеобщий - человеческий род в целом - В
1. Жизненные силы общества (к главе третьей)			
<u>Производительные силы:</u> субъектные (главные - L) ↓ овнешненные (орудия труда - K)	ум опыт, этические качества...; сила, скорость, выносливость ручные орудия	кооперация и разделение труда (внутрихозяйственное и межхозяйственное), управление (планирование и регулирование) машины, системы машин	культура (наука и др.) автоматизированные технологии
Обратное воздействие орудий труда на: технику мышления мировоззрение ведущий предмет отражения (+ведущую форму культуры)	синкретическая идеалистическое связи в обществе искусство	механистическая дуалистическое связи в природе наука	? ? связи между природой и обществом философия?
<u>Естественные источники-Т</u> предметов (присвоения) энергии Тип воспроизводства Источников	поверхность Земли биологические возобновляемые	недра Земли химические не возобновляемые	Земля в целом... физические <u>контролируемый обмен веществ</u> между природой и обществом (вместо одностороннего "присвоения")
<u>Показатели эффективности:</u>	устойчивость	производительность	целесообразность
<u>Потребительные силы:</u> тип воспроизводства потребностей (для Е) основная сфера действия ↓ Ведущая отрасль (+подотрасль)	простое воспроизводство предметы первой необходимости людей 2. Хозяйствование и присвоение (к главе четвертой) Сельское хозяйство (земледелие)	деформированный рост потребностей машины, сырьё, носители энергии Промышленность (машиностроение)	возвышение потребностей культура в целом и среда обитания людей Информатика (программное обеспечение)
<u>Способ соединения</u> производительных и потребительных сил субъектов Степень обособления воспроизводственных связей Тип связей (рефлексии) производства и потребления благ (Е-О-В) Степень замыкания обратной связи (производства жизни) Тип внешних предметов ("благ", ценностей)	натуральное хозяйство субъекта H^0 (родственной или территориальной общности) полное обособление (отчуждение от жизни человеческого рода) естественная Полное обособление (отчуждение от человечества) потребительные ценности	рыночная экономика (товарное производство) частичное обособление (отчуждение от собственной жизни) "чувственно-сверхчувственная" Частичное обособление (самоотчуждение) меновые ценности и меновые стоимости	"плановое хозяйство человеческого рода"? отсутствие обособления (преодоление отчуждения)? "сверхчувственная" (саморефлексия)? Отсутствие обособления (преодоление отчуждения) "общечеловеческие ценности"?
<u>Непосредственные определяющие факторы производства жизни (Е-О-В)</u>	природные явления (жизнь природы)	рабочее время (жизнь индивидов - H^E)	мировоззрения (знания (и воля) общества – жизнь общностей - H^0)?
Особенности хозяйственных решений			

пространственные рамки	место обитания	отсутствуют	отсутствуют
временные ориентиры	±1 год	±3-5-10 лет (воспроизводство К)	±∞
методы оценки последствий	запаздывающие	смешанные	опережающие
издержки принятия решений			
а) индивидуальные	потери и дефициты	смешанные	время подготовки решений и затраты на обработку информации
б) общественные	отсутствие согласования решений	частичное согласование решений (включая дезинформацию)	корректировка принятых решений
Монополии хозяйствования и присвоения	полные, постоянные	частичные, временные	отсутствуют?
Ключевой объект присвоения	результаты производства	условия производства	культура?
Характер присвоения	утилизация	смешанное	распредмечивание
Ведущий тип изменений предметов (субъектов, объектов)	экзистентные	количественные	качественные
Тип интереса субъекта (присвоения)	выживание	рост	развитие
<u>Производственные отношения</u> (отношения субъектов хозяйствования и присвоения)	двойное совмещение монополий: хозяйствования и присвоения; на L и на К	разделение монополий хозяйствования и присвоения на условия и результаты производства	отношения между хозяйствующим и другими поколениями людей, включая уже и ещё не существующие
<i>3. Основные характеристики субъектов воспроизводства (к главе пятой)</i>			
Тип субъекта воспроизводства (в целом)	<div style="display: flex; justify-content: space-around;"> <div style="text-align: center;"> "система общин" ↓ Кровных Соседских </div> <div style="text-align: center;"> Гражданское общество ↓ Страновое Мировое </div> <div style="text-align: center;"> "Обобществившееся человечество" </div> </div>		
Структура субъекта (по уровням)	<div style="display: flex; justify-content: space-around;"> <div style="text-align: center;"> Всёобщий Племя ↓ Род </div> <div style="text-align: center;"> Народ, хозяйствующее государство ↓ Община </div> <div style="text-align: center;"> Нация ↓ Правовое государство, частные лица: Физические Юридические: ↓ ↓ Трудовой коллектив Коммерческие ↓ ↓ Малая семья Некоммерческие... </div> <div style="text-align: center;"> Объединение наций ↓ Виртуальные коллективы </div> </div>		
Особенные	<div style="display: flex; justify-content: space-around;"> <div style="text-align: center;"> Восточная ↓ Античная ↓ Германская ↓ Большая семья </div> <div style="text-align: center;"> Лично зависимый индивид </div> <div style="text-align: center;"> Формально свободный индивид (личность?) </div> <div style="text-align: center;"> Свободная личность </div> </div>		
Единичный	<div style="display: flex; justify-content: space-around;"> <div style="text-align: center;"> Перво-бытно-общинный "коммунизм" </div> <div style="text-align: center;"> "феодализм" ↓ "рабовладение" ↓ "азиатский способ производства – "государственное хозяйство" Первый переходный период </div> <div style="text-align: center;"> Капитализм </div> <div style="text-align: center;"> Социализм </div> <div style="text-align: center;"> "Коммунизм?" </div> </div>		
Способы производства	<div style="display: flex; justify-content: space-around;"> <div style="text-align: center;"> "Первичная" – общая собственность </div> <div style="text-align: center;"> "Вторичная" – частная собственность </div> <div style="text-align: center;"> "Третичная" – всеобщая собственность </div> </div>		
Общественные формации	<div style="display: flex; justify-content: space-around;"> <div style="text-align: center;"> "Первичная" – общая собственность </div> <div style="text-align: center;"> "Вторичная" – частная собственность </div> <div style="text-align: center;"> "Третичная" – всеобщая собственность </div> </div>		
Виды конкуренции субъектов	<div style="display: flex; justify-content: space-around;"> <div style="text-align: center;"> "жесткая" (экзистентная) Прямая ↓ Вертикальная </div> <div style="text-align: center;"> "мягкая" (количественная) Косвенная ↓ Горизонтальная ↓ "рынок Нью-тона" "рынок Эйнштейна" </div> <div style="text-align: center;"> Творческая (саморефлективная) </div> </div>		
Форма связи конкурирующих субъектов	Непосредственное подчинение	Договорные отношения (выбор партнера)	
Методы общественного воздействия	Административные (доэкономические) "дисциплина палки"	Экономические "дисциплина голода"	Социально-психологические (?) "сознательная дисциплина"
Принцип распределения средств существования	Уравнилельное – по уровням, по статусу	По труду, по собственности (за счет прошлого труда)	"по потребностям" (за счет труда предыдущих поколений)

Глава 5.

Основное противоречие производства жизни общества (постепенное изживание рудиментов биологических форм присвоения)	Между индивидуальным характером орудийной деятельности и "коллективным" (стадным) присвоением ее результатов	Между общественным характером хозяйствования и "индивидуальным" (животным) присвоением его результатов	Между свободным развитием индивидов и необходимостью сохранения жизни человеческого рода
(Закономерность отставания (на один этап) характера присвоения от характера хозяйствования?)			

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый в диссертации теоретико-методологический анализ проблемы человека в экономике позволил получить приращение научных знаний относительно многообразия воспроизводственных процессов, в которых участвует человек, его места в этих процессах, возникающих при этом отношений между различными субъектами воспроизводства материальной жизни общества. Оно заключается в тех характеристиках, которые даны в работе субъектной и объектной структурам воспроизводства, а также в теоретических выводах о многоуровневом функционировании человека в экономике.

Основной, имеющий обобщающий характер вывод, который вытекает из всего содержания работы, заключается в том, что формы экономической жизни и раньше, и в настоящее время не соответствуют природе человека как существа, стремящегося максимально полно реализовать себя на ограниченном временном интервале индивидуального существования, сохраняют исходное взаимное отчуждение воспроизводства жизни человеческого рода и воспроизводства жизни индивидов. Это отчуждение становится все большей угрозой для выживания человечества вследствие проблем как глобального, так и локальных масштабов.

Анализ методологических основ понимания человека в экономике "основного течения" теоретической мысли и ее марксистского ответвления показал их некоторое отставание от методологического уровня современной науки, недостаточную внутреннюю последовательность и логичность в развитии собственных фундаментальных предпосылок.

Все содержание работы подчинено показу новых нетрадиционных ракурсов рассмотрения традиционных проблем экономической теории, относящихся к человеку на основе сознательного учета мировоззренческих установок, в скрытой или явной форме присутствующей в любой научной системе.

Диссертационное исследование позволяет сделать вывод, что наряду со стандартным экономическим циклом ("производство, распределение, обмен и потребление материальных благ"), в полной мере свойственной лишь рыночной экономике, в состав материального производства жизни общества входят еще три цикла - воспроизводства непосредственной жизни индивидов как обмена веществ с природой, воспроизводства поколений людей, воспроизводства культуры. Все четыре цикла функционируют в тесном взаимодействии. В диссертации рассматриваются некоторые общие свойства циклических процессов. В частности, проводится различие между предметными и функциональными потребностями, между потребностями и интересами как явлениями смежных уровней предметности. В целом показано, что двойственность - объективное свойство любого циклического процесса и учет этого обстоятельства способствует углублению понимания закономерностей функционирования материального производства и роли в нем человека.

В диссертации приводятся разнообразные аргументы в пользу того, что можно говорить по крайней мере о трех существенно различных ролях человека в производстве материальных благ: хозяйственной (предпринимательской), исполнительской и творческой. В первой роли человек выступает как субъект, принимающий хозяйственные решения по производству благ, координирующий взаимодействие всех применяемых факторов. Во второй роли человек выступает уже как один из факторов, "личный", наряду с другими, вещественными, как объект природы, взаимодействующий с другими природными же телами. В диссертации предлагается первую роль трактовать как общественный, а вторую - как естественный аспект "человеческого фактора". Общая тенденция трансформации этих ролей на протяжении всей истории развития экономической жизни человечества состоит в возрастании доли субъектного аспекта и в сокращении доли объектного. Движущей силой этой трансформации является

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

осуществление третьей, творческой роли человека в производстве материальных благ, выражающейся в замещении живого труда овеществленным, в овнешнении свойств человека как производительной силы. Ей в исследовании уделено особое внимание.

При этом сам человек понимается не только как 1) индивид, но и как 2) пространственные и 3) временные совокупности индивидов. Все три ипостаси человека присутствуют в производстве материальных благ всегда, но в овнешнение начинают втягиваться в совершенно разных условиях, в рамках диаметрально противоположных схем включения человека в экономическую жизнь.

Первая ипостась, человек как индивидуальная производительная сила, втягивается в этот процесс в рамках родовых общин с присущим им "поголовным рабством". Вторая ипостась, человек как организованная группа самостоятельных индивидов, трудовой коллектив, втягивается в эпоху позднего средневековья на основе весьма высокой степени личной свободы и предпринимателей, и наемных работников, гарантируемой отдельными государствами. Третья ипостась, человек как носитель культуры, представитель всех предшествующих поколений, начинает втягиваться в овнешнение в рамках крупных корпоративных воспроизводственных структур, как государственных, так и негосударственных, включая транснациональные корпорации.

Тема выживания, самосохранения, воспроизводства материальной жизни общества в диссертации проходит как сквозная. Она конкретизируется в нескольких направлениях: 1) характер связей жизней различных субъектов, предметов; 2) способы соединения производственных и потребительных сил; 3) хозяйствование и присвоение; 4) конкуренция сил и субъектов.

По первому направлению в диссертации предлагается различать по степени отчужденности связи жизней индивидов и человеческого рода как соответственно единичного и всеобщего полюсов и всех промежуточных, опосредующих, особенных образований. При этом реальный исходный пункт характеризуется отсутствием отчуждения жизни индивида от жизни родовой общины и полным отчуждением ее жизни как "коллективного животного" от жизни человеческого рода. Гипотетический конечный пункт характеризуется снятием отчуждения жизни индивида от жизни вида. Современная ситуация характеризуется наслоением самых разнообразных видов отчуждения, вплоть до самоотчуждения при рыночных связях, особенно наиме рабочей силы, и разнообразных попыток снятия отчуждения, например, через осознание всеобщей экологической связи жизней, культурно-исторической общности человеческого рода.

По второму направлению предлагается различать закрытые, внутри-субъектные, и открытые, межсубъектные формы соединения производительных и потребительных сил в рамках отчужденного воспроизводства их жизней (при отсутствии отчуждения формы соединения этих сил - только открытые). Типичным примером закрытой формы соединения сил является натуральное хозяйство ("каждый - сам по себе"). Типичным примером открытой - рыночная система ("каждый - сам за себя"). Разнообразные закрытые формы обязательно присутствуют и в рыночной системе. Прежде всего таковой является производство знаний для собственного использования, "секреты производства", не выносимые на рынок. Вертикальная интеграция (установление контроля над поставщиками или потребителями) - это тоже явление "натурализации", равно как и развитие собственных производств, столь частое в мире высоких технологий. Было бы ошибкой трактовать такие явления как "обобществление производства", т.к. сохраняется отчуждение жизни сколь угодно крупных корпораций от жизни человеческого рода. Как пример преодоления такого отчуждения, "обобществления на деле"

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

можно рассматривать лишь добровольные мероприятия неприбыльного характера, способствующие выживанию человечества.

По третьему направлению предлагается четко различать хозяйствование и присвоение, чего в советской экономической литературе до сих пор не делалось, а в западной литературе и "Капитале" К.Маркса делалось недостаточно корректно.

В диссертации подчеркивается, что К.Маркс различал хозяйствующее поколение, не являющееся собственником ряда условий производства, и человеческий род в целом. Он же ввел термины "монополия хозяйствования" и "монополия собственности", когда рассматривал земельные отношения, различал капитал-собственность и капитал-функцию. Но политико-экономическую разницу между обменом и арендой как не сводимыми друг к другу формами возмездных отношений он не сделал предметом специального рассмотрения. В результате он по крайней мере в двух случаях отождествил платеж рентного типа с ценой как выражением стоимости. Имеется в виду рабочая сила и денежный кредит. В первом случае произошло нарушение монизма теории двойственности. Двойственность товара рабочая сила отнюдь не порождалось двойственным характером труда, создающего этот товар. Во втором случае величина ссудного процента как цена кредита определялась лишь соотношением спроса и предложения, а не общественно-необходимыми затратами труда, как требовалось бы в соответствии с законом стоимости.

В диссертации показывается, что разделение хозяйствования и присвоения - это естественно-исторический процесс, зарождающийся уже на дочеловеческой стадии эволюции. Собственно человеческая история включает этапы отделения от собственности монополии хозяйствования на: 1) землю (аренду), начавшийся с появлением соседских общин; 2) рабочую силу (найм), начавшийся с появлением свободных индивидов; 3) орудия труда (лизинг), начавшийся с появлением наукоемких средств производства. Разделение хозяйствования и присвоения сопровождается трансформацией самоэксплуатации во взаимную эксплуатацию. Причем отношения именно арендного типа, а не обмена, несут опасность вырождения взаимной эксплуатации в одностороннюю, появление социального паразитизма (жизни за счет других без жизни для других), возможного на обоих полюсах - и богатства, и бедности.

По четвертому направлению в диссертации предлагается различать конкуренцию жизненных сил, производительных и потребительных, и конкуренцию субъектов. В советской экономической литературе под конкуренцией обычно имелась в виду только конкуренция субъектов, их столкновение между собой на рынке. Однако и в "основном течении", и у К.Маркса в качестве отправного пункта берется конкуренция внутри одного субъекта. Так, в теории общего равновесия наряду с горизонтальным рассматривается и вертикальное равновесие: "экономика Робинзона Крузо". А К.Маркс, несмотря на отрицательное отношение к "робинзонадам", отмечал, что обмен труда на продукт есть зародыш действительного обмена, и в отношениях между Робинзоном и его вещами заключены все существенные определения стоимости.

Рассматривая внутрисубъектную конкуренцию жизненных сил, необходимо использовать понятие достаточной потребительной силы. Достаточность - это уровень потребительной силы, обеспечивающий выживание ее носителя в имеющейся среде. Речь идет не только о способности усваивать предметы потребления, но и о способности использовать в производстве достижения фундаментальной науки. Так же, как здоровый человек имеет нормальный аппетит, здоровая современная экономика предъявляет спрос на новые технологии. Нездоровая экономика такого спроса не предъявляет и тем самым обрекает себя на исчезновение в соседстве со здоровыми экономиками. Для современной России можно отметить самые разные виды недостаточности потребительных сил (неразвитость потребительского спроса,

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

культурных потребностей, невосприимчивость к новому, даже просто экономическая апатия, пассивность многих групп населения).

При столкновении потребительской силы с производительной имеет смысл выделять необходимый уровень развития производительной силы, соответствующий достаточному уровню потребительской силы, и избыточный. Не обязательно производительная сила должна действовать в полном объеме, позволяющем наряду с необходимым продуктом рассматривать и прибавочный продукт и делать на этой основе какие-либо выводы. Если в проблеме выживания различать краткосрочный и долгосрочный аспекты, то можно сказать, что в краткосрочном аспекте акцент делается на необходимом уровне развития производительных сил, а в долгосрочном аспекте - на избыточном, прибавочном, свободном (от равнения на сложившиеся потребительские силы). В упрощенном виде это предстает как производство ради производства, будь то самоедская командная экономика или самовозрастание капитала в рыночной экономике. В виде, более адекватно отражающем реальность, избыточное развитие производительных сил есть, во-первых, проявление спонтанных творческих сил людей, проявление их причастности к "потусторонней" (т.е. вне-вещественной) реальности и в этом смысле - самоцель, во-вторых, это средство повышения выживаемости человеческого рода в непредсказуемо (недетерминированно) изменяющемся мире.

В самое последнее время в отечественной экономической науке началось обсуждение проблем поиска новой теоретической парадигмы. Данное исследование, на взгляд диссертанта, может оказаться полезным вкладом в такое обсуждение.